САБИТ МУКАНОВ

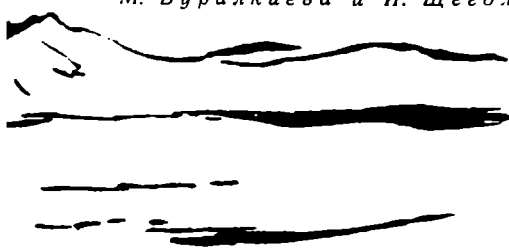
Балуан-Шолак

САБИТ МУКАНОВ

Балуан-Шолак

Повесть

Перевод с казахского
М. Буралкиева и И. Щеголихина



Советский писатель
МОСКВА • 1962

Автор этой книги — известный в нашей стране казахский писатель Сабит Муканов. Его перу принадлежат талантливые произведения советской прозы — повести и романы из современной и дореволюционной жизни казахского народа.

Предлагаемая читателю повесть посвящена одному из популярных в дореволюционном Казахстане певцов-импровизаторов, мастеру устно-поэтического творчества Нурмагамбету Баймурзину, прозванному в народе за его богатырскую силу Балуан-Шолаком.

Писатель, использовав в своем произведении бытующие и теперь легенды и предания о подвигах и приключениях Балуан-Шолака, создал яркую художественную биографию даровитого поэта-певца и композитора, умевшего вдохновенными песнями вселять в умы и сердца людей мятежный дух протеста против социальной несправедливости и классового гнета баев, кулаков и царских чиновников.

Повесть оригинальна по своему сюжету, раскрывающему острые социальные противоречия и конфликты, характеры и личные судьбы героев — обитателей казахских степей в конце XIX и начале XX века. Своеобразие композиции и стиля повести состоит в искусном переплетении в ее фабуле эпической и романтической линий.

ОТ АВТОРА

«Балуан-Шолак» — прозвище не выдуманного, а реально существовавшего героя — Нурмагамбета Баймурзина. Он был замечательным певцом, талантливым композитором, незаурядным силачом, протестантом против социальной несправедливости, пользовался огромной популярностью среди казахского народа. В годы отрочества мне посчастливилось видеть Балуан-Шолака на одной из ярмарок в 1913 году и слышать его чудесные песни. Видел я, как любит его народ. Он был предательски убит казахским байством в 1916 году, накануне всеобщего восстания казахов. Байство боялось, что Балуан-Шолак окажется во главе этого национально-освободительного движения.

Народ и теперь помнит имя Балуан-Шолака и бережно хранит его песни. Легенды о нем передаются из уст в уста.

В 1938 году вышла моя небольшая повесть об этом народном герое. В 1946 году повесть была расширена и опубликована на казахском и русском языках. Сейчас я снова вернулся к любимой теме, исправил и дополнил прежнее издание повести и передаю свой труд на суд читателя.

Сабит Муканов

1.XI.61 г.

I. БОГАТЫРЬ — ПО МАТЕРИ

Зимовка аула стояла в сосновом бору на берегу озера Қайракты.

Горе пришло сюда неожиданно и нависло, как грозовая туча. Грудь, казалось, разорвется от скорби, люди вздыхали, но вздохи не облегчали душу. По щекам текли слезы. День был хмурый, осенний, тяжелое серое небо разразилось холодным дождем. Дул порывистый ветер.

— Кончайте сборы! Уходите немедленно! Я приказываю, — визжал верховой полицейский урядник.

И плеть его, извиваясь как молния, хлестала по людям, оставляя кровавый след на спинах и лицах. А люди, будто терзаемые волками овцы, метались растерянно и слепо, снова и снова возвращаясь во двор, откуда их только что выгнали.

— Пожар! — завопил наконец урядник, видя, что без беды люди не покинут зимнего стойбища.

И действительно, в нескольких местах повалил дым, зловеще заплясали языки пламени. Жители стали покидать аул.

— Прощайте, милые, обжитые места!..

А прежде жили в этом ауле без всяких тревог. Летом прошлого года на выборах волостного управителя аул выступил против первого кандидата — бая Сыздыка Токсанбаева. Но Сыздык подкупил выборщиков денежными подачками, начальство — крупными взятками и все-таки добился своего — стал волостным управителем. Получив печать — символ власти, он прежде всего решил расправиться с теми аулами, которые выступали против него. И вот теперь, когда переселенческое управление потребовало выделить земельные участки для переселенцев — крестьян из внутренних губерний России, Сыздык сразу же велел изгнать непокорные аулы с их исконных земель. В скором времени появились землемеры и начали свою работу. В ауле, ничего не подозревая, продолжали готовиться к зиме: косили сено, свозили его к загонам, а когда повеяло холодами, прикочевали к зимовке. И тут вскоре пополз зловещий слух:

— Будут выселять!..

— За что? Куда?

— Едут триста семей крестьян-переселенцев. Первые подводы уже прибыли. На наших землях должны поселить их...

— А куда теперь нам идти?

— Куда глаза глядят.

Разговоры заканчивались самоуспокоением:

— Нет, этого не должно случиться. Это ведь наши земли, не чужие, не первый год мы зимуем здесь...

Но вот на бричках и пешком стали прибывать первые переселенцы. Тогда-то и прискакал урядник. Он велел поджечь дворы, и люди вынуждены были покинуть зимовку. Вот и вся история...

Поздняя холодная осень, неожиданная, неподготовленная перекочевка, страх перед слепой силой пожара — все это угнетало людей. Откочевав на каких-нибудь пять-шесть верст, все беспомощно сгрудились и стали советоваться.

— Куда же теперь денемся? Куда будем держать путь?..

— До самого царя дойдем, но добьемся справедливости! — послышался чей-то решительный голос.

— Что ты порешь ерунду! — гневно отозвался другой голос. — Пока ты доберешься до царя с прошением, наши семьи погибнут без крова, особенно старики и дети. Первым делом надо найти какой-нибудь приют, а потом уже думать, куда подавать прошение, кому жаловаться.

— Все это правильно, — вмешался третий. — Но свободной зимовки в такое время нам не сыскать. А нас немало, около двадцати хозяйств. Где их разместишь? Значит, все вместе мы находиться не можем. Но, слава богу, кругом живут люди. Придется нам разъехаться по аулам, как-нибудь приютиться и перезимовать.

— Да, в этом, пожалуй, единственный выход...

Детвора и женщины остались в бору, в наспех сооруженных шалашах, а мужчины сели на лошадей и разъехались по окрестным аулам в поисках пристанища.

И только один Баймырза не поехал. Когда его спросили, почему он остался с женщинами, он ответил:

— Сын мой где-то потерялся. Беда! Поеду искать его.

— Который сын?

— Нурмагамбет. С утра он взялся объезжать жеребенка-двухлетка и до сих пор не вернулся. Может быть, жеребенок сбросил его где-нибудь? Чего доброго, еще покалечил!..

— Что же ты раньше молчал, непутевый? Мы помогли бы тебе найти сына!

— Урядник страху нагнал. Сам только опомнился...

У Баймырзы, кроме двухлетка, коней не было, и он вынужден был всюду ездить на волé. Когда все мужчины разъехались, Баймырза позвал жену:

— Каламмпыр, где наш вол? Я поеду искать сына. Боюсь, что он упал с жеребенка и поломал себе ребра.

— Вол с утра наработался, и я пустила его пастись. Поищи, он где-нибудь тут в сторонке.

Когда Баймырза нашел вола и привел его к шалашу, Каламмпыр заметила:

— Ты, кажется, еще не поил скотину? Видишь, как бока-то впали! Давай-ка прежде своди вола попоить.

— Да нужна ли ему вода в дождливый день? — усомнился Баймырза.

— Не мели попусту языком, веди поить!

Баймырза молча повиновался. Он вспомнил, что где-то тут неподалеку стоял прежде аул и возле него, в густом ивняке, был колодец.

Баймырза захватил ведро с веревкой и потянул вола за собой.

Тучи стали редеть, дождь теперь моросил, но ветер дул с прежней силой и было холодно. На западе небо становилось багровым, там уже садилось солнце.

Разыскав колодец, Баймырза увидел, что края его обрушились, сруба не было, вокруг желтела глина. Баймырза опустил ведро в колодец. Вол, почуяв близость воды, жадно раздул ноздри, нагнул голову и нетерпеливо потянулся к воде. Баймырза начал было вытаскивать ведро, как вдруг увидел, что вол медленно и неудержимо скользит в колодец. Баймырза на мгновение оторопел — что делать? Потом он быстро наступил ногой на веревку от ведра и обеими руками схватил вола за рога. Но не тут-то было! Глина под ногами скользила, опереться было не на что, удержать животное на весу не хватало сил. И вол всей своей тяжестью рухнул в колодец, чуть не втянув туда самого Баймырзу.

Животное упало головой вниз и могло с минуты на минуту задохнуться. Что делать! Это ведь единственный вол в хозяйстве! К счастью, воды в колодце оставалось немного.

У самого колодца росла толстая ива. Баймырза наспех обмотал ее ствол мокрым налыгачом и начал изо всей силы тянуть и дергать за него, пытаясь помочь волу освободить морду из-под воды. Наконец голова вола появилась над водой. Вол фыркал и тя-

жело дышал. Но дальше спасать скотину Баймырза был не в состоянии и начал истошно вопить:

— Ка-лампы-ы-р!.. Каламмпы-ы-ыр!

Когда неистовые вопли Баймырзы дошли до слуха жены, у нее оборвалось сердце: «Уж не случилось ли что с Нуржаном?..» Так ласково звала она своего сына Нурмагамбета. Догадка ошеломила Каламмпыр, и она бросилась на крики мужа. Вслед за ней устремились другие женщины и детвора.

Самое резкое выражение, которое позволяла себе Каламмпыр по отношению к мужу, было: «Ах, чтоб тебе!» И сейчас, увидев грустную, но все же не столь печальную картину, как она предполагала, и поняв, отчего раскричался муж, Каламмпыр воскликнула:

— Ах, чтоб тебе! Напугал до смерти!.. А ну-ка отойди в сторонку!

Баймырза поднял козлиную бородку, прищурил на жену маленькие глазки, не совсем понимая, что значит «отойди в сторонку» в таком опасном положении. Каламмпыр, не тратя времени, ухватилась за налыгач, чуть пригнулась, поднатужилась и с возгласом «ауп!» помогла волу подняться настолько, что можно было ухватить его за рога.

— Наматывай налыгач на мои ноги! — приказала Каламмпыр мужу.

Все еще не разбираясь в стремительных действиях жены, Баймырза молча выполнил приказание. Теперь у Каламмпыр освободились руки, и она, ухватив вола за рога, помогла ему выбраться из колодца...

Местные жители давно называли Каламмпыр Силач-женщиной. Когда Баймырза плотничал и готовил деревянные срубы для домов, Каламмпыр одна подавала ему тяжелые бревна наверх. Когда и на этот раз она помогла вылезть из колодца трехлетнему волу, все собравшиеся вокруг были восхищены ее силой.

Каламмпыр же с достоинством оглядела окружающих и тут-то заметила голову своего Нуржана.

— Милый мой, да где же ты пропадал! Иди же быстрей ко мне, я страшно напугалась, думала, что ты потерялся!..

Смуглолицый мальчик с живыми черными глазами, со взгорбленным носом, не отозвался, однако, на зов матери. Он продолжал стоять в сторонке неподвижно и мрачно. Женщины начали подталкивать его со словами: «Ну, иди же, иди!», но он только пятился, хмурился и никого не слушал.

— Маленький, а такой сильный, смотри-ка! — заговорили женщины, подталкивая в спину упиравшегося мальчонку. — И с места его не сдвинешь, какой тяжелый. Стоит как вкопанный!

— Не зря говорят в народе, что ретивый конь — по матке, богатырь — по матери, — заметила одна из старух. — Видите сами, он не похож на Мокроносого. Вылитая мать, и по сложению тела и по выражению лица. Будь батыром, дай бог не сглазить...

Надо сказать, что старшие в ауле женщины называли Баймырзу не слишком учтиво — Мокроносым.

Каламмпыр родила четырнадцать детей, но в живых остались только четверо: две девочки и два сына — Толебай и Нурмагамбет. Дочери уже вышли замуж, Толебай работал. Потому, что Нурмагамбет был самым младшим, или потому, что рос он здоровым и крепким, после того как десятерых детей в семье скосила смерть, Каламмпыр питала необыкновенную привязанность к малышу. Она кормила его грудью до двухлетнего возраста. Если Нурмагамбет даже ненадолго отлучается из дому, Каламмпыр начинает скучать, нервничать и не успокаивается до тех пор, пока снова не обнимет сына и не расцелует его в обе щеки.

А сегодня она просто исстрадалась по сыну и, когда увидела его у колодца и окликнула, а он не подошел, не на шутку встревожилась: что с ним?

Неласковый Нурмагамбет, отступая от матери, сердито спросил:

— Где серый щенок?

Каламмпыр молчала.

— Где мой кобчик?

Каламмпыр и на этот раз ничего не ответила.

— Что они, сгорели? — дрогнувшим голосом спросил мальчик.

Мать продолжала молчать.

— Ах, боже ты мой! — воскликнул Баймырза, недовольный молчанием жены. — Давеча, в сутолоке, я, как бы сказать... я забыл о них. И серый щенок, и кобчик были заперты в чулане. И... там остались. Бедненькие, должно быть, сгорели!..

Нурмагамбет отчаянно заплакал, закрыл лицо руками и убежал прочь.

Слезы мальчика словно переполнили чашу страдания, и все, кто стоял у колодца, заплакали, запричитали в голос:

— Горе нам, горе! Где теперь зимовать будем! Как расстанемся с обжитым родным краем!..

II. ОБИДА

Двухлетка, которого мальчик объезжал в тот недоброй памяти день, Баймырза купил под самую осень, незадолго перед выселением из аула. Все лето Баймырза ставил деревянный дом одному баю, накопил денег и, отдав еще в придачу топор, купил жеребенка. Двухлеток был рыжей масти с отметиной, остроухий, с пушистой гривой и тонкими стройными ногами. Упитанный, с округлыми, как бурдюк, боками, жеребенок казался красивым.

Нурмагамбет не мог найти себе места от радости. Он хлопал себя по бедрам, прыгал, падал на землю и катался по зеленой траве. Такая безудержная радость была вызвана вполне понятной любовью мальчугана к лошади, а также и другой важной причиной.

В прошлом году несколько соседних аулов в одно время проводили обряд обрезания. По традиции мальчики в этот день на своих жеребятах должны ездить по аулам и устраивать скачки.

Нурмагамбету не пришлось участвовать в состязании — у него не было жеребенка. Безлошадные мальчуганы шумной гурьбой бежали за верховыми, завидуя сверстникам и одновременно радуясь предстоящим скачкам. Нурмагамбет не побежал вместе

со всеми. В глубокой обиде на судьбу, он вернулся в свою дырявую юрту, упал ничком и долго молча лежал. Сидевшая за пряжей Каламмпыр поняла, почему в этот день сын не хочет поднимать лица от кошмы. Глаза матери наполнились слезами, она отвернулась и украдкой вытерла щеки кончиком белого платка.

В это время в юрту вошел Баймырза. Он тоже все прекрасно понял, но, напустив строгость, начал шуметь на жену:

— Ну чего расплакалась! Хочешь беду накликать на нашу голову? Моли бога, чтоб у муллы, который будет делать обрезание, была легкая рука.

«Если в день обрезания у мальчика не будет коня, значит, он на всю жизнь останется безлошадным», — неутешно подумала Каламмпыр и тут же стала упрекать мужа:

— Ты только посмотри, что делается с нашим сыном! Вспомни, разве я не уговаривала тебя раньше, чтоб на те деньги, которые ты заработал у Токсанбая, купить жеребенка? Разве ты не знал, что летом Нуржану пора делать обрезание? — продолжала Каламмпыр, захлебываясь слезами. — Но ты не послушал меня, купил себе шубу. Ах, чтоб тебе, не пропал бы без шубы, не замерз бы! Только лишнее горе причиняешь ребенку!..

Каламмпыр замолчала, но слезы еще долго говорили о бесконечной обиде на мужа и печали за сына.

Несмотря на свой слабый характер, Баймырза все же насильно заставил сына явиться на обрезание. И в то же время он дал себе твердое слово: «Пусть у меня руки отсохнут, если в будущем году я не заработаю сыну жеребенка!»

И Баймырза сдержал слово — купил рыжего с отметиной двухлетка.

— Если не было коня в прошлом году, то получай в этом, — обнимая сына, говорил Баймырза. — Дай тебе бог многих лет жизни, и пусть тебя этот конь привезет к добру!

Отец Баймырзы, по рассказам, был славным джигитом. Безлошадный бедняк Баймырза сумел все же

сберечь богатое, с посеребренной сбруей калмыцкое седло отца. Седло всегда висело на почетном месте в их жилище, и Баймырза запрещал женщинам дотрагиваться до него, твердо веря в то, что седло потеряет от женского прикосновения свою магическую силу.

Едва отец успел привязать жеребенка, как Нурмагамбет уже подбежал к нему, неся заветное седло деда.

— Не спеши, не спеши, дорогой, — пытался унять сына Баймырза. — Жеребенок наш, теперь он никуда не денется, дадим ему подрасти.

Но тут же, не выдержав, решительно вмешалась Каламмыр:

— Знай свое место, старый! Чего ты там бормочешь?.. Иди, мой мальчик, седлай. Только для начала пусть на нем проедется кто-нибудь повзрослее. А то сам ты можешь упасть, конь-то ведь совсем необученный.

Вокруг уже собралась толпа ребятишек. Двое юношей крепко держали жеребенка за уши, пока Нурмагамбет седлал его.

— Да благословит тебя дед. Дай тебе, родной, долгих лет жизни! — несколько раз повторила Каламмыр, выглядывая в приоткрытую дверь.

Баймырза ничего не сказал вслух, но про себя горячо пожелал мальчику того же и начал помогать ребятишкам седлать жеребенка.

— Ну, джигиты, кто из вас первым осмелится сесть на коня? — спросил Баймырза.

Но не успел он оглядеться, как Нурмагамбет ловко прыгнул в седло.

— Дорогой мой, упадешь ведь, слезь, — робко начала просить вышедшая из дому Каламмыр.

— Что ты сказала, мама? Я не трус, чтобы позволить кому-то сесть на долгожданного коня. Пусти, отец!

Нурмагамбет поджал ноги, и жеребенок взвился на месте. Баймырза выпустил его уши, и жеребенок начал бешено прыгать.

— Ох, слетит, ох, слетит, — испуганно твердила Каламмыр. — Создатель, побереги его!..

А Нурмагамбет оставался в седле. Когда жеребенок готовился к очередному прыжку, Нурмагамбет перехватывал повод и хлестал его кнутом по брюху.

Поняв, как видно, что седока не сбросить, жеребенок перестал прыгать на месте и пустился вскачь. Через мгновение он уже скрылся за опушкой леса. Баймырза боялся, что жеребенок сдуру налетит на дерево, сам расшибется и мальчика покалечит. Он попросил коня у соседа, поскакал следом за сыном и вскоре увидел, что Нурмагамбет скачет на жеребенке размеренным галопом. Строптивый конек начал усмиряться. Успокоившись, Баймырза повернул к аулу, крикнув напоследок сыну:

— Домой пора! Если долго будешь ездить, он захромает от переутомления.

Прискакав в аул, Баймырза застал там полицейского урядника. Ошеломленный этим неожиданным вмешательством, Баймырза в суматохе совсем забыл о сыне и начал, как мог, спасать от пожара свой скарб.

А Нурмагамбет вернулся домой не скоро. Окончательно приучив к себе жеребенка долгой скачкой, он вспомнил совет отца и пустил коня шагом.

Стало вечереть. Взмыленный жеребенок шел покорно. Направляясь к родному очагу на собственном коне, мальчик чувствовал себя счастливым.

Лет с семи-восьми Нурмагамбет полюбил возиться с ловчими птицами. Он умело натаскивал кобчиков для ловли перепелок и воробьев. Но охотиться приходилось пешком, а что это за охота?

Теперь у него есть собственный жеребенок...

Прошлой осенью Нурмагамбет стриг овец у бая из соседнего аула и получил за работу щенка от борзой. Он бережно нес щенка домой и всю дорогу размышлял: «Если только щенок останется жив, то через пять месяцев его можно будет пускать на зайца. А в будущем году на волка. Как же я тогда угонюсь за борзой без коня?..»

И вот сейчас, понукая объезженного двухлетка, Нурмагамбет радовался: «У меня есть конь, у меня есть кобчик, у меня есть борзая! Нет на свете человека счастливее меня!..»

Ветер дул ему навстречу и донес запах гари. Нурмагамбет поднял голову, стал всматриваться в вершины сосен. Черный дым пожарища достигал, казалось, самых туч. Сначала мальчик думал, что это горит лебеда вокруг аула. Иногда ее нарочно выжигают, чтобы получить золу и использовать ее потом при варке мыла.

Ветер усилился, тяжелые тучи двигались прямо навстречу Нурмагамбету, начал накрапывать дождь. Мальчик заторопился, надо было поскорее попасть в аул, чтобы окончательно не промокнуть. Он пришпорил жеребенка пятками, но конь так устал, что еле ковылял, готов закачаться под ветром. Нурмагамбет поднял кнут, но потом раздумал, пожалел своего коня, оказавшегося впервые под седоком.

Когда мальчик увидел горящий аул, его охватил ужас. Здесь уже не было ни людей, ни скота. Горели все дома подряд, все сарайчики и загоны. Пламя лизало стены и ветхие крыши, потолки обрушивались то там, то здесь, вздымая тучи искр. Дождь уменьшился, а огонь усилился, будто в него подлили масла.

Что же случилось, что за беда пришла в аул?..

От испуга, от едкого густого дыма у мальчика перехватило дыхание. Жеребенок начал брыкаться и пятиться, пугаясь пожара. Мальчик отвел его подальше, в безопасное место, и привязал к дереву. Потом Нурмагамбет бросился к своему дому. Там никого не было. Он начал громко, во весь голос звать отца и мать, но никто не откликался.

Где же они?..

Мальчик остановился, с ужасом вглядываясь в языки пламени, раздумывая, что делать дальше. На его глазах рухнула обгоревшая крыша чулана. Нурмагамбет вспомнил, что там были заперты щенок и кобчик, и едва удержался, чтоб не броситься сейчас же туда, прямо в огонь.

«Аул ушел от пожара... Забрали с собой всю скотину и скарб. Не может быть, чтоб мать с отцом не захватили моего щенка и кобчика. Нет, не могли оставить их здесь!..»

Надо было скорей догонять своих, и мальчик побежал к жеребенку. Навстречу ему попался верховой, знакомый русский фельдшер, которого в ауле звали Баске. Увидев его, Нурмагамбет заплакал навзрыд. Баске хорошо знал казахский язык. Он обнял мальчика и начал ласково уговаривать, повторяя время от времени горестным голосом:

— Эх ты сволочь, царь, собачий сын!.. Видел бы ты, как плачет народ.

— Кто это поджег наш аул, дядя? — сквозь слезы спросил Нурмагамбет.

— Царь.

— А кто он такой?

— Он правит всеми народами.

— А что мы ему сделали плохого, за что он поджег аул?

— Об этом я расскажу тебе, когда вырастешь. Пока еще ты слишком молод, не все поймешь. Догоняй-ка лучше своих, а то мать с отцом, наверно, с ног сбились в поисках тебя. Ваш аул остановился возле Кайыншоки. Идем, я помогу тебе сесть на жеребенка.

Фельдшер взял мальчика за руку, подвел к жеребенку и помог сесть в седло. Потом вывел жеребенка за повод на дорогу, распрощался и поехал по своим делам.

«Надо было спросить у него насчет щенка и кобчика», — отъезжая, спохватился Нурмагамбет.

Ехал он не спеша. Мысли о царе не давали мальчику покоя. Что это за человек? Мальчик никак не мог сообразить, чем же мог провиниться аул перед ним. Нурмагамбет слышал о царе и раньше, представлял его себе очень важным управителем, гораздо больше волостного. Но где он живет и каким путем может повлиять на жизнь людей его аула, мальчик не представлял. Сейчас он думал о том, что если пожар устроил царь, как утверждает Баске, — значит, он где-то здесь, неподалеку от их родных мест.

«Не ходить мне по этой земле, если я не сожгу дом царя и не отомщу ему за моего щенка и кобчика!» — поклялся мальчик.

III. ПЕЧАЛЬ ВМЕСТО РАДОСТИ

Слово «царь» постоянно кололо сердце Нурмагамбета, как иголкой. Поэтому, когда мальчик увидел снова знакомого фельдшера, он опять заговорил о царе и спросил, как до него добраться. Баске пояснил, что живет он далеко, добраться до него невозможно, и что все его приказания выполняет в этих местах урядник. Нурмагамбет запомнил это крепко и задался теперь одной-единственной целью — отомстить уряднику!

Но как?

Мальчик понимал, что убить урядника он не в состоянии. Оставалось сделать то же самое, что урядник сделал с аулом, — сжечь его дом. Пожаром за пожар!

Приняв твердое решение, Нурмагамбет поехал в Кайракты и разузнал, в каком доме живет урядник. Теперь надо было дождаться подходящего времени — засушливого лета, чтобы отомстить полной мерой.

Наступило лето. Вместо погибшего кобчика Нурмагамбет поймал другого и также приучил его ловить воробьев и перепелок. Он так увлекся своей забавой, что по нескольку дней не показывался дома. Бродил по лесу, по степи, иногда пешком, но чаще выезжал на жеребенке.

Он не отомстил уряднику ни в это лето, ни в следующее. Но в сердце мальчика все время таилась обида на злого человека, сжегшего его родной аул.

И вот наступило третье лето. Нурмагамбету уже пошел четырнадцатый год.

Однажды Нурмагамбет захватил с собой коробку спичек, посадил на руку кобчика и попросил у отца разрешения съездить в одно место на коне. Жеребенок стал уже добрым пятилетним конем.

Подъехав к селу Кайракты, Нурмагамбет привязал коня в сосняке и стал ждать наступления сумерек...

Стояли жаркие, сухие дни. Дождь давно не поливал землю, была засуха.

Дождавшись темноты, Нурмагамбет пересадил кобчика на ветку сосны, а сам пошел к дому урядника.

Ночью ветер усилился — сухой, горячий. Нурмагамбет шел с одним-единственным желанием — поджечь, во что бы то ни стало поджечь!

Вот и дом урядника, деревянный, крытый камышом. Стоит он на краю села с наветренной стороны. Мальчик подкрался к дому, чиркнул спичкой и кое-как дотянулся до застрехи. Маленькое пламя лизнуло пересохший камыш и стало быстро разрастаться.

— Задал я тебе жару! Все равно отомстил! — проговорил Нурмагамбет и побежал в лес.

Когда он добрался до своего коня, пламя уже пожирало верх крыши и светило огромным костром. Спрятавшись здесь в лесу, мальчик чувствовал себя в полной безопасности и решил наблюдать, что же будет дальше.

Дом урядника горел, и это радовало юного мстителя. Но вот пламя перекинулось на соседнюю крышу. Потом дальше, дальше!

Вскоре все село было объято пожаром.

Нурмагамбет услышал крики людей, рев скота, увидел отчаянную суматоху по всему селу. От этих криков, от гари и дыма, от понимания своей горькой ошибки у Нурмагамбета закружилась голова, и он потерял сознание...

Очнувшись, он сел на лошадь и уехал, понимая, что сейчас он ничем не исправит свою вину, что не в силах теперь помочь жителям.

Он ускакал от пожара, но не мог уйти от мысли о совершенном им же самим преступлении. И чем дальше он удалялся от села, тем больше росло в нем чувство жалости к пострадавшим, ощущение вины перед людьми. От огорчения ему казалось, что пожар этот горит в его сердце неугасимым пламенем...

В чем были виноваты крестьяне, поселившиеся в Кайрактах?

Фельдшер Баске что-то говорил Нурмагамбету, что царь силой переселил сюда крестьян. Не от веселой жизни они пришли сюда босые, голодные, оборванные.

Мальчик собственными глазами видел, как бедствовали русские мужики, пока строились, пока обзаводились хозяйством, как точила их нужда. И если в первые дни казахи смотрели на незваных пришельцев недружелюбно, то потом они скоро поняли, что эти люди такие же, как и они. Постепенно казахские бедняки стали наниматься к русским на работу за поденную плату, чаще в рассрочку, одалживали русским крестьянам волов на время сева или уборки. Прочными трудовыми узами была связана с ними семья Нурмагамбета. Баймырза с Толебаем плотничали, Калампыр шила и продавала русским добротные шубы.

Больше всего семья Баймырзы была связана с фельдшером Баске. Настоящее его имя было Василий Петрович Курганов, но казахи по аулам звали его Баске. Окончив где-то в России курсы медицинских фельдшеров, Курганов приехал в эти края совсем молодым человеком. Он рассказывал, конечно, где жил прежде, где учился, но казахи не запомнили, география мало их интересовала. Казахи помнили только, что первые дни русский фельдшер ни слова не знал по-казахски, но имел общительный, веселый характер и, где бы ни появлялся, сразу же располагал к себе людей. Вскоре по приезде он высмотрел себе невесту в соседнем селе и женился. Родились у фельдшера два сына — Антон, потом Андрей, который был ровесником Нурмагамбета. Позже появились у Баске еще двое детей.

Когда в Кайрактах обосновались русские переселенцы, Курганов переехал в это село и поставил себе дом из самана. Помогали ему в основном Баймырза и Толебай. Весной Баймырза помог фельдшеру засеять несколько десятин земли. И если они раньше были просто знакомы, то теперь сблизились еще больше и жили как родные.

Маленький Нурмагамбет после разговора с фельдшером возненавидел урядника. И потому, когда в порыве мести он подносил зажженную спичку к дому урядника, он, конечно, не подозревал, что пожар распространится так широко и что загорится дом фельдшера Курганова. Теперь горю ничем не поможешь.

«Беда, если сгорят дома, — думал Нурмагамбет. — Но вдвойне беда, если сгорят люди...»

От огорчения он еле держался в седле.

На другой день Нурмагамбет узнал, что во время пожара никто из жителей не погиб, но ожоги получили многие, в том числе и сам фельдшер. У него сгорело почти все имущество, погиб скот, сам Курганов получил тяжелые ожоги. Люди проклинали неизвестного, который совершил поджог.

В конце концов Нурмагамбет решил, что всех обидел царь. Только он во всем виноват, царь сжег и казахский аул и русское село.

IV. ИСТОРИЯ С ЛОВУШКОЙ

Солнце садилось. Постепенно умолкла пурга, утих ветер, и на небе рассеялись белесые тучи. Но теперь жгучий мороз начал щипать лицо. Жители маленького аула загнали скот в укрытие, а сами попрятались в теплых избах.

И только Баймырза, как чучело, один торчал на улице. Его маленькие черные глазки были устремлены в сторону бора, и весь его облик говорил о напряженном, пристальном внимании.

— Чего же ты торчишь на морозе, почему не идешь в избу? — прокричала Каламмпыр, вышедшая во двор, чтобы вытряхнуть золу на ветер.

— Жду сына.

— Кого, кого?

— Нурмагамбета!

— Вот тебе на! А я-то думала, что он где-то здесь. Мальчишка ушел с утра и до сих пор не возвращается!

— Я посылал было Толебая поискать его. Тот обошел все избы, говорит, что все сорванцы дома сидят, а Нурмагамбета нигде нет.

— Ах, чтоб тебе! Обуза, а не ребенок. Всегда из-за него приходится волноваться и переживать. Сколько раз говорила ему: «Не ходи на охоту один, перестань шалить!» Нет, не перестает. Ах, чтоб тебе! То

за зайцами гоняется, то глухарей высиживает. Может быть, сам попал в ловушку? Не сидится ему дома.

— Я пойду поищу его, а ты приготовь тем временем еду, — отозвался Баймырза. — Мальчик, должно быть, озяб, как придет, пусть сразу поест горячего. Дома не сидит, это верно, но привычка у него не плохая, — с пустыми руками с охоты не возвращается!

Каламмпыр пошла в избу, а Баймырза направился к ловушке Нурмагамбета...

Дело в том, что в ту зиму дули частые метели, наметая на опушке бора высоченные сугробы. Под одним из сугробов Нурмагамбет устроил яму-ловушку глубиной в человеческий рост. Вырыв яму, он набросал на дно солому и поджег ее, после чего стены ловушки обледенели. Небольшое отверстие сверху Нурмагамбет накрыл хворостом и замаскировал соломой. Когда зайцы попадали в ловушку (а случалось это нередко), юноша вытаскивал косых березовым шестом с петлей на конце.

Сегодня рано утром Нурмагамбет захватил с собой шест и, как всегда, направился к ловушке. Обычно, подходя к ловушке, он догадывался, что там уже есть добыча. Нурмагамбет весело кричал зайцам: «А ну, подставляйте свою пропащую голову!» С такими словами он и сейчас подошел к ловушке, как вдруг заметил, что хворост и солома разворочены сегодня необычно и что в яме не заяц, а что-то крупное и темное.

«Это еще что за диковина, — подумал Нурмагамбет, приглядываясь. — Грива как у лошади, башка в пол-аршина величиной... А-а-а, вон кто сюда пожаловал!»

Это был рослый, с двухгодовалого бычка, волк! Увидев человека так близко, он оскалил зубы и начал рычать.

Что делать?

В ауле Нурмагамбета звали юным силачом. В округе ни один сверстник не мог состязаться с ним в борьбе, Нурмагамбет немедленно клал всех на ло-

патки. Было у него и другое прозвище — Мальчуган-смельчак. Если кто-нибудь в ближайших аулах собирался приучать к верховой езде жеребенка двух- или трехлетку, то первому позволяли садиться на него только Нурмагамбету. Знали, что этого седока конь не сбросит. Нурмагамбет, разумеется, гордился таким доверием, своими кличками и всегда искал случая показать свою силу и смелость.

Теперь, стоя возле ловушки с попавшим туда волком, он горделиво думал: «Если я поймал волка, а убивать его будет кто-то другой, то мне в таком случае грош цена. Какой же из меня силач и смельчак, если я не справлюсь всего-навсего с одним волком. Завтра меня в ауле задразнят. Нет, попробую сам разделаться с этим зверем».

Толстым шестом Нурмагамбет ткнул волка в морду. Тот оскалился и схватил палку белыми клыками. Нурмагамбет потянул шест к себе, но волк не выпускал его из пасти. Тогда юноша ткнул волка в глотку изо всей силы, так, что шест чуть-чуть не сломался, но волк по-прежнему не разжимал клыки. Разозленный Нурмагамбет, воскликнув «ауп!», с силой дернул шест. Выдернул и, не удержавшись, упал навзничь. Шест остался цел. Быстро вскочив, мальчик снова нагнулся к ловушке. Теперь, должно быть, волк почувствовал силу человека и заметался по яме, стараясь подпрыгнуть повыше. В один из таких отчаянных прыжков морда волка оказалась почти у самого отверстия ловушки, и тогда Нурмагамбет, не растерявшись, сильно хватил шестом по носу хищника. Волк поскреб лапами по ледяной стенке ямы и упал на спину. Нурмагамбет опять ткнул его палкой в пах и быстро вытянул ее, не давая волку ухватиться зубами. Волк перестал прыгать, прижался задом к стене и продолжал скалить зубы.

Что делать дальше?

Из ноздрей волка капала кровь.

— А-а, зверина, значит, все-таки крепко я тебя хватил! Все равно теперь не уйдешь! Не ты ли, проклятый, задрал летом нашего единственного телка?

Волк в ответ только дергал мордой да скалил

зубы, как бы говоря: «Ну, а если и я, так что ты мне сделаешь?»

У Нурмагамбета на поясе в ножнах всегда висел нож, острый как бритва, сделанный из стального клинка. Нож подарил мальчику аульный кузнец за то, что тот нередко помогал кузнецу раздувать горн.

Вспомнив о ноже, Нурмагамбет достал из кармана широкий сыромятный ремень длиной в аршин, вырезал из него тонкий ремешок и крепко привязал нож на конец шеста.

— Теперь ты можешь кусаться сколько угодно, — проговорил он, подставляя вооруженный ножом шест к морде зверя. Волк мгновенно щелкнул зубами и тут же осекся, тотчас вынужден был разжать зубы, потому что Нурмагамбет с силой дернул шест и нож полоснул по пасти. Мальчик снова сунул шест к морде волка, но тот теперь не хватал его зубами. Из пасти зверя хлынула кровь.

— Не пора ли сдаваться, мой противник? — самодовольно проговорил мальчик. — Все равно теперь доканаю! Сердце у тебя бьется примерно вот здесь, — продолжал он и с размаху ударил своим копьем волка в бок.

Зверь подпрыгнул, взвился от боли и начал кружиться, пригнув морду к раненому боку. По его густой шерсти, вспыхнув как пламя в сухой траве, мгновенно разлилась кровь.

Мальчик продолжал наносить частые удары. Волк метался, прыгал вверх, стремясь вырваться из ямы и добраться до охотника, и все напрасно. Наконец после сильного удара в живот зверь больше не смог подняться.

— Кажется, твоя песня спета, — сказал мальчик, — теперь я не буду портить шкуру ненужными проколами.

Нурмагамбет пригнулся к ловушке и стал наблюдать. Волк из последних сил продолжал бить хвостом и щелкать пастью. Но скоро вытянулся и затих.

Мальчик отвязал нож, потом подумал: а вдруг волк еще жив? Тупым концом шеста он грубо ткнул в бок хищника, но тот оставался лежать неподвижно,

не подавая признаков жизни. Теперь следовало содрать шкуру. Нурмагамбет с помощью того же шеста накинул волку на шею веревку и начал тянуть его из ловушки. Но это ему не удавалось. Зверь оказался невероятно тяжелым.

— Что же это такое? — недоумевал мальчик, упираясь ногами о край ловушки и всеми силами стараясь вытянуть добычу. Но тут неожиданно обвалился край ловушки, и мальчик рухнул в яму. Он испугался не столько самого падения, сколько волка, который мог еще оказаться живым. Нурмагамбет тотчас же выхватил нож, быстро вскочил на ноги, готовый к схватке. Но волк лежал неподвижно.

«Кажется, сдох, — решил Нурмагамбет и с усилием перевернул хищника. — Эка громадина. Не меньше трехгодовалого вола!»

Мальчик начал снимать шкуру, как и полагалось, с задних лап. Он так увлекся, что не заметил, сколько времени провел в ловушке. Опомнившись, он начал соображать, как же теперь выйти из ямы, ведь стены у нее покрыты льдом. Он начал долбить лед ножом, пытаясь сделать ступеньки. Однако ступеньки легко рушились под ногами.

Все это время Нурмагамбет не обращал внимания на лютый мороз — одежда его была хоть и в заплатах, но теплая. К тому же он не сидел без дела, все время был в движении. Когда он убивал волка, будучи еще наверху, то не заметил, как снял рукавицы и бросил их в снег. Теперь они остались наверху, и мальчик только сейчас почувствовал, что начали мерзнуть руки. Он заторопился и с помощью ножа и шеста кое-как выбрался наверх, сумев прихватить с собой волчью шкуру. Выбравшись, он оглядел свои руки — окровавленные пальцы побелели и невыносимо болели.

«Отморозил!» — подумал Нурмагамбет и, отбросив шкуру, начал тереть пальцы снегом. Стоял трескучий мороз, снег в руках не таял, а оставался сухим и шуршал, как песок. Невыносимо заломило пальцы правой руки...

В таком плачевном положении и застал его отец возле ловушки. Но Баймырза не успел разглядеть, в какую беду попал мальчик, а сын, довольный удачей, показал отцу огромную шкуру, решив не портить впечатления упоминанием об отмороженных пальцах. Довольные, они вместе с отцом пришли домой.

Каламмпыр обрадовалась не столько добыче, сколько тому, что сын вернулся целым и невредимым. Она быстренько помогла ему раздеться, мимоходом целуя его раскрасневшиеся как маковый цвет щеки, оглядела на всякий случай его руки и тут заметила, что пальцы на правой руке окоченели.

— Ай-ай, ты же отморозил руку! — воскликнула Каламмпыр и засуетилась. — Что же теперь делать?

Она стала тереть его побелевшие пальцы и приговаривать:

— Ох, милый мой, что же нам теперь делать?..

V. БАТРАК ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Каламмпыр и Баймырза, сидя вдвоем у домашнего очага, нередко вполголоса вели задушевный разговор о будущем своих детей.

— О своей доле теперь говорить нечего, мы свое прожили. И чего только не было в нашей нелегкой судьбе!.. Вся жизнь прошла в непосильной работе. А теперь вот уж и близок час...

Разумеется, им очень хотелось, чтобы судьба Нурмагамбета была счастливее.

— Мы уже привыкли к проклятой нужде, — повторяли они, вздыхая, — не дай бог такое переживать нашим детям!..

Но как тут ни суди, ни ряди, а по народной поговорке — задние колеса тянутся по следу за передними. Старшему сыну Толебаю пришлось с малых лет повторить судьбу своих родителей. Рано довелось ему влезть в батрачий хомут и тянуть лямку у богачей, наниматься то к одному, то к другому баю,

Когда стал подрастать Нурмагамбет, родители никак не могли договориться, что же делать с сыном: отдавать его в батраки или не отдавать? Баймырза, несмотря на всю свою любовь к сыну, был склонен устроить его на работу.

— Послушай-ка, жена, — заговорил однажды Баймырза, когда им стало особенно трудно, когда нужда прижала их окончательно, — короткую нитку не завяжешь в узел, не правда ли?

— Ну и что же? — спокойно сказала Каламмпыр, уже понимая, что Баймырза начнет говорить, почему они не могут свести концы с концами. — Если ты сможешь удлинить эту короткую нитку, не буду против.

— Я хотел сказать, что к этой короткой нитке надо бы добавить чуть-чуть, еще одну крошечную нитку.

— Как?

— Толебая мы отдали внаймы, кажется, с восьми лет, — робко продолжал Баймырза, стараясь обходным путем приблизиться к главному.

— Ну так что же? — насторожилась Каламмпыр, подозревая, что дальше речь пойдет о Нурмагамбете.

— Сейчас Толебаю перевалило за двадцать. Вся жизнь его прошла в ярме, как у тягловой скотины. У других сыновья в таком возрасте уже поженились...

— Заработай ему на калым и можешь женить, кто тебе не дает?

— Жена, зачем ехидничаешь, — тяжело вздохнул Баймырза. — Разве я не стараюсь раздобыть скота на калым? Но ведь всего, что попадает в наш дом, хватает только на еду. Мы съедаем все, а потом снова сидим и ждем, что бы еще проглотить!..

— Ладно тебе, говори прямо! — разгневалась Каламмпыр. — Нечего напускать мух на незажившие раны.

— Прямо так прямо, — согласился муж. — Все мы работаем только для того, чтобы не умереть с голоду. Надо отдать Нуржана кому-нибудь в батраки.

— Кому? — спросила Каламбыр, в упор глядя на мужа.

— Наши деды говорили, что в тринадцать лет можно стать главой семьи, — осторожно продолжал Баймырза, поеживаясь от пристального взгляда жены. Честно говоря, он побаивался Каламбыр. — Если будем живы и здоровы, Нуржану скоро пойдет тринадцатый год. Не дай бог сглазить, но он уже сейчас становится настоящим джигитом...

— Кому ты хотел отдать его в батраки? — недовольно перебила Каламбыр.

Баймырза медлил с ответом.

— Кому, я тебя спрашиваю? Чего молчишь, с кем договорился?

Баймырза по тону жены понял, что толку от такого разговора не будет, но решил сделать последнюю попытку.

— Токсанбаю, — еле слышно пробормотал он.

— Покажи своему Токсанбаю вот это, вот! — воскликнула Каламбыр, сунув под нос мужу выразительную фигу.

Баймырза обиделся, молча поднялся и вышел на улицу.

А Каламбыр заплакала. Слезы облегчили ее сердце, и поэтому, когда муж вернулся, Каламбыр заговорила с ним примирительно и мягко:

— Ну чего ты злишься, бедняга? Ну, пусть будет по-твоему. Что тогда получится, давай подумаем. Всю жизнь ты прожил в батраках, я тоже впряглась заодно с тобой, и что из этого в конце концов получилось? Родился Толебай и тоже впрягся. Что изменилось? Днем суетимся, ночью суетимся, а нищета один черт, все та же. Сейчас вот еще и Нуржана с малых лет толкнем в эту пропасть. Подумай, будет ли польза от этого?

— Я и сам не уверен, что из этой затеи получится что-нибудь путное, — согласился Баймырза. — Но куда деваться? Мы хватаемся как утопающий за соломинку. Есть у меня еще и другая причина для такого разговора. Наши деды учили: «Из речей бойся болтовни, а из болезней — колик в жи-

воте». Меня беспокоит болтовня, которая идет по аулу.

— Какая еще болтовня?

— Нуржан с детства поет и играет на домбре. У него это хорошо получается. Кое-кто начал ему завидовать. Появились насмешки, стали меня поддевать: «В твоем роду, говорят, не было еще таких певунов. Вот и появился. Теперь купи ему седло со сбруей, доброго коня и роскошную одежду». Бедность мою высмеивают, шалопаи.

— Пусть чешут языки! — резко прервала его Калампыр. — Но мы никогда не попрошайничали. Никто из чужих еще не подавал в наш котел кусок мяса. Живем впроголодь, но зато честно, на свое заработанное! Придет время, и Нуржан сам наймется на работу. А пока пусть подрастет и окрепнет. Если отдашь его на непосильную работу сейчас, он надорвется, и потом не жди от него толку. А когда подрастет, то и сам не будет сидеть сложа руки, он ведь у нас не глупый мальчик...

На том и порешили. Разговоров о работе сына больше не вели, решив подождать, когда у самого Нурмагамбета появится желание трудиться.

Ждать, однако, пришлось недолго. После пожара в Кайрактах многие жители окрестных аулов отправились на пожарище, отстраивать новые дома и скотные дворы. Вместе со всеми пошел и Баймырза.

— Отец, и я с тобой, — решил Нурмагамбет.

— Куда?

— В село.

— Зачем?

— На работу!..

Баймырза не решался брать сына с собой, и Калампыр не хотела отпускать его, но Нурмагамбет настойчиво твердил одно и то же: «Пойду, пойду!»

Надо сказать, что вскоре после пожара сдохла от сибирской язвы единственная лошадь Баймырзы. Как будто мимоходом задело семью проклятье обездоленных погорельцев села Кайракты. Оставалась одна корова. И молока она давала как раз столько, что едва хватало заправлять чай. Заработка Баймырзы

и Толебая не хватало на пропитание. Всячески стараясь, чтобы ее младший сын выглядел хорошо, Калампыр всю более или менее приличную одежду отдавала Нурмагамбету. Остальные ходили в заплатанных ремках. Поистрепались одеяла, продырявился войлок юрты. На зиму пришлось перейти из юрты не в дом, а в землянку.

В раннем детстве беспечный Нурмагамбет не замечал своей бедности, но, повзрослев, он вместе со всеми остро почувствовал нужду. Он все чаще начал задумываться над тем, как бы помочь родителям, как бы облегчить их тяжелую долю. Вот почему, когда нашлась работа в сгоревшем селе, Нурмагамбет настойчиво попросился туда, и родители согласились — пусть попытается...

Баймырза слыл в округе неплохим плотником и столяром. Пострадавшее село располагалось вблизи леса, материала для строительства было много, и работа для Баймырзы вскоре нашлась. Засучив рукава, он принялся за дело. Нурмагамбет стал помощником отца.

С малых лет мальчик любил возиться с деревом. Ножом, топором, напильником, любым острым инструментом, который попадал в руки, Нурмагамбет увлеченно выпиливал и выстругивал из дерева различные игрушки. Правда, игрушки его не отличались изяществом, но, в общем, если он задумывал сделать коня, то получалось нечто похожее на коня. Зато сызмальства он привлекал внимание сверстников и даже взрослых игрой на домбре и своими песнями. Шустрый, дерзкий по натуре, мальчик рано начал высмеивать нерадивых, легко и быстро сочинял про них остроумные куплеты. Был он рослым не по годам и крепким, легко укладывал на лопатки не только своих ровесников, но и ребят постарше. Люди смотрели на способного, ладного мальчугана и порой задумывались: «А что же из него может получиться со временем? Кем он станет, когда вырастет?» Отвечали по-разному. Одни, видя, что он неплохо орудует топором, предполагали, что мальчик пойдет в отца, будет плотником.

— Возможно, — соглашались с ними другие. — Говорят, кулан, родившийся в горах, пялит глаза на камни. Мальчик вырос в семье плотника, с детства видел отцовскую работу, куда же ему теперь податься? Конечно, станет плотником. И будет, как и его отец, готовить срубы для деревянных домов.

Но тут вспоминали, что он неплохо играет на домбре, вспоминали его песни и высказывали новое предположение: «Из него выйдет лихой гуляка».

— Можешь разгуливать сколько хочешь, если карман трещит от денег, говорит народная поговорка. Быть гулякой не так-то просто, а ему, потомственному бедняку, откуда взять денег?..

— Нет, все это пустой разговор. Из Нурмагамбета выйдет знаменитый борец. Посмотрите, какое у него телосложение, какая у мальчика сила!..

— Ну, а если будет борцом, то какой из этого толк? — продолжали неутомимые любители посудачить. — Ведь не каждый день бывают пиры и торжества, на которых приходится бороться и показывать свои способности. А если он поборет противника, что от этого проку? К тому же, не забывайте, что на хороший той надо ехать прилично одетым и на собственной лошади. У Нурмагамбета нет ни лошади, ни одежды. А ехать на той в чужом одеянии и на лошади соседа не велика честь...

— Интересно, что думает о своем будущем сам мальчуган?

— Вряд ли он что-нибудь думает. Скота у них нет, да и обзаводиться они не собираются. А если бы собирались, то давно бы отдали Нурмагамбета на работу, чтобы обзавестись мало-мальским хозяйством. А у Нурмагамбета до сих пор только и дела, что проводить время в глупых забавах, насмешничать над людьми.

— Он еще слишком молод, чтобы серьезно размышлять о своей жизни.

— Ничего себе молод! А разве не говорят в народе, что в тринадцать лет можно стать главой семьи? А этому увальню, надо полагать, перевалило уже за тринадцать. По виду ему вполне можно дать пятна-

дцать — шестнадцать лет. И если он сейчас не задумывается о своем будущем, то потом уже будет поздно.

— Мальчик не виноват. И отец его тоже не виноват, — солидно высказывались наиболее осведомленные. — Все дело в матери! Баймырза давно хотел определить сына в батраки. Но мать все время противилась.

— Каламмпыр — неглупая женщина. И если она не пускает сына в батраки — значит, есть для того причина. Должно быть, на самом деле хочет, чтобы сын окреп душой и телом...

Так говорили в ауле. И когда Нурмагамбет ушел вместе с отцом строить сгоревшие Кайракты, одни сочувствовали мальчику и его матери, другие считали, что их предположение сбылось и мальчик пошел по стопам отца. Третьи выжидательно молчали, как бы говоря: «Посмотрим, что из этого получится...»

Нурмагамбет оправдал надежды многих. С утра до ночи мальчик рука об руку трудился с отцом, стараясь ни в чем не уступать ему. Когда они работали вдвоем, сторонний наблюдатель мог заметить, что топор сына стремительней и глубже врезается в дерево, а когда они вдвоем поднимали бревно, то конец, за который держался сын, поднимался скорее и выше. Сын был поворотливее и сильнее. Сказывались преклонные годы Баймырзы.

— Теперь Нурмагамбет стал настоящим джигитом, — говорили дружелюбно настроенные к нему люди. — Он начал помогать своим родителям.

Баймырза не мог состязаться с сыном в силе и ловкости еще и по той причине, что он надорвался и у него болела поясница. После легкой простуды или от неловкого движения поясницу сковывала такая острая боль, что Баймырза ложился в постель, не мог подняться и даже шевельнуть ногой. Неделями, а иногда и месяцами лежал Баймырза на спине без движения. Недуг подбирался к нему осенью или весной.

Кайракты отстраивали в середине осени, и на этот раз прострел не замедлил подкараулить старого

плотника. Как всегда, неожиданно у Баймырзы сковало поясницу, как говорится, ни вздохнуть, ни согнуться, ни разогнуться. Один из его старых товарищей уложил больного на повозку и отвез домой. Перед отъездом Баймырза просил сына вернуться вместе с ним, но Нурмагамбет остался.

Отец пролежал в постели всю зиму, а Нурмагамбет всю зиму работал. Заработка Толебая, конечно, не хватало для всей семьи. Но теперь и Нурмагамбет кое-что подрабатывал, и семья уже могла сводить концы с концами.

Постепенно мальчик понял, что все заботы о благосостоянии родителей все больше и больше ложатся на его плечи. И если сначала, когда отец был здоров, Нурмагамбет был у него подручным, то теперь он надеялся только на себя, на свою смекалку и сноровку. Постепенно всю плотничью работу он стал выполнять сам от начала и до конца. Платили немного, зато плотнику всегда и везде находилась работа.

Поначалу Нурмагамбету казалось тягостным орудовать топором и пилой. Но что поделаешь, куда денешься? Если бросить плотничать, значит, надо идти в аул, батрачить у бая. А там не легче. Аульное батрачество Нурмагамбет хорошо представлял по рассказам Толебая. Бай заставлял ишачить днем и ночью, кормил плохо, одевал в рванье, заработок отдавал не вовремя, а то и совсем забывал об этом.

Нурмагамбет пришелся по душе своему хозяину. Да иначе и быть не могло: исполнительный, с живым, общительным характером, очень сильный мальчуган должен понравиться любому. Работал он усердно, быстро. Легко поднимал и переносил бревна, которые под силу только взрослому молодцу. А если выходил косить сено, то так ловко захватывал косой, что продвигался по своей загонке в полтора раза быстрее других. Работал увлеченно, не жалея сил, поздно ложился, рано вставал и, несмотря на это, никогда не знал усталости. Трудился Нурмагамбет, одним словом, весело.

Слава о хорошем, искусном плотнике вскоре раз-

неслась по селу Кайракты. Богачи наперебой стали звать его к себе, приманивая большими заработками, соперничая друг с другом. И вскоре в селе стали называть Нурмагамбета Батрак золотые руки.

VI. НЕОЖИДАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Нурмагамбет проработал в селе пять лет. «У кого руки хорошо действуют, тот и хлеба досыта ест», — говорит народная поговорка. Нурмагамбет постепенно начал хорошо зарабатывать.

Мечты его оставались прежними — помочь как-нибудь своим родителям избавиться от бесконечной нужды. Но как это сделать?

Однажды в одну из своих побывок Нурмагамбет высказал родителям свои думы о будущей жизни:

— Отец, тебе уже пора сидеть дома и не кланяться другим в поисках работы. Мы с Толебаем заработаем, чтобы прокормить вас с матерью. А ты, мать, тоже бросай на чужих работать, шить им всякую всячину по дешевке. Да и на свою одежду пора уже не лепить заплат. У вас есть два сына, два хороших работника. Давайте трудиться у себя дома. Даже если просто кол вобьете на своем дворе, и то уже польза хозяйству, один раз иголкой ковырнете для себя — и то польза...

Отец и мать прислушались к совету Нурмагамбета и как могли начали залатывать дыры в своем немудреном хозяйстве. Баймырза впервые за много лет взялся подремонтировать свой ветхий, покосившийся домишко. Приезжая домой, Нурмагамбет удовлетворенно осматривал двор, и ему было радостно, что старики послушались и что его заработка хватает на жизнь без нужды.

Но как-то раз, когда они заговорили о хозяйстве, его перебила Каламбыр:

— Мой дорогой, твои советы мы принимаем, они близки нашему сердцу. Но только и ты прислушивайся к нашим советам.

— Слушаю, мать.

— Мой покойный отец говорил: «Никакой богач не обхватит всю землю, и никакая красавица не затмит солнца». Это справедливые слова. Никто еще не видел богача, который бы мог своим богатством опутать всю землю. Наши предки любили повторять: «Богатству не выдержать одного джута, богатырю не устоять и от одной пули».

— Понимаю, мать, — с улыбкой проговорил Нурмагамбет. — Значит, ты не хочешь, чтобы мы были богатыми?

Нурмагамбет любил пошутить с матерью, посостязаться с ней в шутливых спорах, но никогда не перечил, если мать говорила с ним серьезно.

Нурмагамбет скоро стал видным парнем на селе. По воскресным дням, к вечеру, когда молодежь устраивала гулянье, в центре внимания всегда были два веселых и находчивых парня — Нурмагамбет и Андрей Курганов.

Андрей был сыном фельдшера Василия Курганова. Старый фельдшер после пожара долго лежал в больнице и чуть не отдал богу душу. Из больницы он вышел сильно постаревшим, ходил вялый, безучастный ко всему. Говорили, что в ночь, когда случился пожар, он сильно перепугался и долго не мог прийти в себя. Одним словом, настал день, когда старый фельдшер навеки уснул, оставив больной жене двух сыновей — Антона и Андрея.

Антон был лет на пять старше Андрея. В школе братья Кургановы учились недолго. Не в меру шустрый и проказливый, Антон с первых дней почувствовал отвращение к учебе и перестал ходить в школу. Когда пришел черед учиться Андрею, тот взялся за это дело с охотой, заметны были у мальчика незаурядные способности, но после того, как сгорел отцовский дом, пришлось бросать школу и Андрею. Больной фельдшер не имел средств на учебу сына. Так обоим Кургановым судьба уготовила крестьянскую долю.

Но только какая это крестьянская доля? Если нет ни сохи, ни скота, то такому крестьянину остается идти батрачить, другого выхода нет.

Братья Кургановы так и сделали: как только заболел отец, Антон сразу нанялся в батраки к одному богачу из своего села. А Андрей впрягся в ярмо уже после смерти отца... Однако Антон проработал в селе недолго и перебрался куда-то в город. Домой он приезжал редко, раз в год, и то ненадолго. Он стал хорошо одеваться и говорил друзьям, что работает на текстильной фабрике. Как-то раз Антон намеревался взять с собой Андрея и Нурмагамбета, чтобы устроить их рабочими на ту же фабрику. Но обоих не отпустили матери.

Андрей с Нурмагамбетом дружили с детства, вместе росли и были неразлучны, как родные братья. Выросший среди казахов Андрей свободно говорил по-казахски и к тому же имел живой, общительный характер.

После того как Нурмагамбет стал батрачить в селе, он еще крепче подружился с Андреем. Нурмагамбет чувствовал свою вину перед Кургановыми. Ведь это он сжег их дом, и теперь только беззаветной дружбой и преданностью он мог загладить ее.

С этой целью после смерти старика Курганова Нурмагамбет уговорил Андрея работать вместе с ним.

— Что потяжелее оставим на мою долю, — говорил он Андрею, — а что полегче, ты бери на себя.

Так они и порешили. На пахоте, например, плугарем шел Нурмагамбет, а если скирдовали сено, Андрей укладывал наверху, а Нурмагамбет подавал снизу.

Не слишком ловкий на работе, Андрей имел одно завидное преимущество — он отлично играл на гармошке и в Кайрактах считался лучшим гармонистом. Без Андреевой гармони не проходила в селе ни одна пирушка, ни одна вечеринка. Ловкого гармониста на любое торжество приглашали первым.

Нурмагамбет тоже играл на гармошке, но неважно. К его несчастью, в тот день, когда он убил волка в ловушке и сдирал с него шкуру, он отморозил пальцы правой руки, и фельдшер Курганов удалил ему по два сустава на четырех отмороженных пальцах. Культяпой рукой на гармошке, конечно, не сыграешь.

А играть кое-как Нурмагамбет не хотел. Зато он хорошо пел и научился лихо свистеть под гармошку. Прижимая к зубам верхнюю губу и слегка опустив нижнюю, то коротко, то протяжно, то нежно, то громко, Нурмагамбет по-соловьиному вторил игравшему на гармошке Андрею.

В музыкальном свисте никто в селе не мог состязаться с Нурмагамбетом, к тому же он неплохо знал русские мелодии, но слова произносил не чисто, и это его стесняло. Поэтому он не особенно увлекался пением по-русски. Андрей же хорошо исполнял казахские мелодии. Как только начинал один какую-нибудь песню, ее тут же подхватывал другой.

Как-то само собой Андрей с Нурмагамбетом стали цветом кайрактинской молодежи.

Однажды они оказались участниками большого скандала, затеянного Антоном. Приехав из города на короткий срок в родное село, Антон стал ухаживать за дочерью самого крупного местного богача Егора Пропадко — Наташей. Нурмагамбет с Андреем работали в это время у самого Пропадко.

Отец Наташи скоро заметил это и, как строгий по характеру человек, запретил дочери выходить со двора. Зная, что Егор запирает ворота на замок, Антон стал доставать ключи через Нурмагамбета и встречаться с Наташей по ночам. Пропадко нанял сторожа, и тот выследил влюбленных.

Свою дочь Егор уже условился выдать за сына богатого купца из Кокчетава и сумел даже получить от него изрядный куш. Теперь он не знал, что делать с дочерью. Зная крутой нрав отца, Наташа тем не менее без страха твердила:

— Люблю Антона, за него и выйду!..

— Мне твоего согласия не нужно, насильно отдам, за кого условились, — угрожал отец.

— Нет, не буду я его рабой, — упрямо стояла на своем дочь. — Если выйдет не по-моему, лучше умру!

Пропадко призадумался — что делать? Ничего путного он придумать не мог и решил, что выход один — убить Антона,

У Пропадко была многочисленная родня: у самого несколько взрослых сыновей, уже отделившиеся Егоровы братья тоже имели сыновей. И вот Егор тайно собрал из своей родни кто поздоровее и сообщил им свое намерение навсегда отвадить Антона от Наташи. Родственнички одобрили это дело, только спросили, как его лучше выполнить.

— У меня работает один казах, — заговорил Егор, — наверно, с его помощью, ночью, когда мы все спим, Антон открывает ворота и заходит во двор. Вот в это время как раз и надо найти подходящий момент!..

— Что будем делать с казахом?

— Если будет ерепениться — пристукнем и его!.. А если приедут за ним казахи, будут искать, скажем, что уехал к себе в аул и с тех пор не возвращался. Они ж дикари, что они нам могут сделать? Если подадут в суд, и там найдем выход! И слово скажем, и мошну покажем.

На том и порешили. Это было в середине лета, ночи стояли темные, безлунные. Как обычно, на ночь ворота были закрыты на замок. Нурмагамбет уже знал, что сегодня придет Антон. С наступлением сумерек он тайком, с помощью Наташи достал ключи к воротам...

По ночам, когда приходил Антон, Нурмагамбет ложился спать в сенях. Убедившись, что все в доме спят глубоким сном, он потихоньку выходил и открывал ворота. Так же он намеревался поступить и сегодня, ничего не зная о замыслах хозяина. А Егор с вечера устроил засаду в темном углу своего двора. Он вооружил родню молотком, топором и кистенем — увесистой гирей на ремне. Засада не дремала, ждала свою жертву. Вот наконец послышались шаги. «Это, конечно, тот самый казах!..» — решила засада.

Осторожные шаги стихли у ворот, чуть слышно щелкнул замок. Привыкшие к ночной тьме бандиты увидели, как кто-то вошел во двор. Это был Антон! Бандиты взялись за свое оружие.

Нурмагамбет и Антон ничего не подозревали, когда внезапно коршуном налетела на них Егорова

родня. От сильного удара по голове Антон упал. Не поняв, что происходит, Нурмагамбет хотел было поднять упавшего Антона, но бандиты напали на него...

Не растерявшись, Нурмагамбет у ближнего из них стремительным рывком выхватил топор и обухом ударил бандита в грудь. Тот свалился на спину как подкошенный...

Решительность смелого батрака образумила нападавших, и они отступили в свой темный угол. Нурмагамбет быстро вернулся к Антону, тот лежал без движения. Взвалив Антона на плечо, Нурмагамбет пошел на улицу. Вслед ему полетели камни, но Нурмагамбет успел выбежать со двора вместе с тяжелой ношей. Егорова родня побоялась преследовать его на улице...

Нурмагамбет без передышки донес Антона до дома Кургановых. В этот вечер Андрей парился в бане и решил переночевать дома. От сильного стука в дверь Андрей вскочил, открыл дверь и, увидев друга со странной ношей на руках, испугался.

— Что случилось? — тревожным голосом вскричал Андрей.

Когда он увидел, что это его брат, да еще в таком состоянии, он чуть не упал в обморок.

Но если Андрей удержался на ногах, то для матери горе было непереносимым — она потеряла сознание. Услышав испуганный голос Андрея: «Мама, засвети лампу», она почувствовала, что произошло что-то нехорошее, дрожащими руками еле зажгла лампу, стоявшую на подоконнике, и увидела, что на топчане кто-то лежит растянувшись... Возле стояли Нурмагамбет и Андрей... Мать не сразу узнала сына. Изо рта и носа, из ушей Антона сочилась кровь. Со словами: «О боже мой, что сделали с ним!» — мать бросилась к нему... Антон был уже мертв!..

Старушка упала в обморок... Она и без того была слабенькой, болела и не могла перенести этого удара судьбы — к утру бедная мать скончалась.

В доме Кургановых быстро собрались соседи, пришли родственники умерших. Разузнав, в чем дело,

они заговорили между собой: «Поедем к Пропадко, смоем кровь кровью!» Знакомые и друзья едва удержали их от мести.

— Не надо горячиться, — успокаивали Кургановых соседи, — лучше послать в Шортанды к атаману нарочного. И у ваших врагов, кажется, есть жертвы, послушайте, что рассказывает Нурмагамбет. Приедет атаман, пусть устроит дознание. Закон найдет, кого наказать.

Когда отправили нарочного, Андрей сокрушенно сказал:

— Я давно говорил Антону: не связывайся с Пропадко. Он не послушался, теперь вот и нашел смерть. Но сейчас мы не должны допустить, чтобы пострадал другой человек...

— Кто этот другой?

— Нурмагамбет! Если он кого-то пристукнул, то не по злому умыслу — он заступился за Антона. И если получит наказание, это будет несправедливо.

— Но если он на самом деле убил кого-то, то, конечно, его будут судить.

— Не он, а я должен нести наказание!..

— Почему ты?

— Я любой ценой должен был заступиться за брата.

— Ну и что?

— Если у Пропадко кто-то убит, то на допросе скажу, что я его убил...

На следующий день приехал атаман и несколько чиновников. Стали вести дознание. Оказалось, что тот, кого Нурмагамбет ударил топором, тоже умер. Это был младший брат Егора — Порфирий...

С обеих сторон по нескольку человек были заключены в тюрьму. Егор с помощью свата — купца из Кокчетава — подкупил следователя и судью. Андрея Курганова осудили к пяти годам каторжных работ. На предварительном следствии, а также на суде Андрей всю вину взял на себя и тем самым добился оправдания Нурмагамбета, тоже арестованного вместе с ними. Нурмагамбету не по душе было такое оправдание, но Андрей уговорил его согласиться.

VII. ШОЛАК

Ум от расцвета, золото — от руды,
Русла мы видим после спада воды.
Я Балуан-Шолаком прозван давно,
Мстил за вражду я, мстил и за тень
вражды.

Песня Балуан-Шолака[1]

Освободившись из тюрьмы, Нурмагамбет сразу поехал в свой аул. В село Кайракты он не заехал — опасался родственников Пропадко, они тайком, подло, могли отомстить ему. Дом безвинно пострадавших Кургановых родичи Пропадко разобрали и вывезли.

Хмурый, подавленный, он вернулся в свой аул на летнюю стоянку. «Что теперь делать, куда идти, где искать справедливости?» — раздумывал он.

Тяжело было убеждаться в силе таких, как Пропадко, видеть, как беспомощность Кургановых привела их к стольким несчастьям, погубила всю семью.

В один из таких невеселых дней Нурмагамбет увидел всадника, прискакавшего из соседнего аула, с запасной лошадью на поводу.

— Куда спешишь, какие вести везешь? — спросили в ауле всадника.

— Оповещаю всех о поминках бая Токсанбая! — отвечал всадник.

— А когда они будут устраиваться?

— Через месяц.

— А много ли народу приглашается и откуда?

— Все жители семи уездов — Кокчетавского, Атбасарского, Акмолинского, Каркаралинского, Павлодарского, Петропавловского, Омского.

— Как же прокормить стольких людей?

— Из отар самого Токсанбая выделили тысячу овец, из табунов — сто яловых кобылиц. Родня бая выделяет, в свою очередь, полторы тысячи овец и двести пятьдесят кобылиц. Разве не хватит столько мяса? А кумыс привезете сами.

---

[1] Песни Балуан-Шолака даны в переводе Марка Тарловского.

Целый месяц готовились в аулах к этим поминкам, наполняли кумысом большие бурдюки из конской шкуры. В назначенный день, кто верхом, кто на арбе, потянулись со всех сторон люди к аулу Токсанбая. Аул располагался в привольной степи, — в один день его окрестности закишели от повозок и всадников, как муравейник.

Угрюмого, приунывшего Нурмагамбета перед поездкой на поминки мать выругала. Если бы не мать, он бы вообще никуда не поехал. Когда в ауле все от мала до велика готовились к поездке, Нурмагамбет оставался совершенно равнодушным.

— Ну, чего ты сидишь? — не раз спрашивала Каламмпыр.

— Да так...

— Ты не хочешь ехать на поминки?

— А что я там буду делать?

— Нет, ты должен поехать! — сказала мать повелительно. — Ну чего ты раскис? Не к лицу джигиту распускать слюни после первой беды! Собирайся!.. Да оденься как подобает и подбери хорошую сбрую для коня!..

Мать заставила сына исполнить все свои требования. Одела его в хороший, вышитый по-казахски костюм. Одежду она шила сама, приготовила ее давно для своего Нурмагамбета, все ждала: вот приедет сын в аул, нарядится!.. Вынесла ему седло с добротной сбруей, седло она тоже заранее купила для Нуржана. Вывела коня, которому пошел пятый год. Одним словом, Каламмпыр отправила сына на поминки во всем блеске...

В ауле Токсанбая, как всегда на крупных поминках и богатых пиршествах, только и было разговоров о борцах да о скаковых лошадях. Из семи уездов собралось около тысячи добрых скаковых лошадей. С особым восхищением говорили о скакуне Кулагере, который принадлежал Акану-Сере [1].

---

[1] Акан-Сере — знаменитый казахский композитор и поэт, лихой наездник (1843—1913).

О Кулагере в народе распространилась молва, будто он имеет крылья, и как только начинается скачка, он их распускает и может лететь, как птица.

Во многих аулах готовили скакунов к этим поминкам, надеясь на богатый приз. Но, увидев Кулагере, владельцы скакунов сокрушенно качали головой. «Первый приз возьмет Кулагере», — заключили они.

В разговоре о знаменитых борцах особо отмечали приезд якобы потомка легендарного богатыря Кобланды из рода кара-кипчак, прозванного за огромную фигуру Бурой — Верблюдом. Видевшие знаменитого потомка захлебываясь рассказывали:

— Руки у него толщиной с бедро, пальцы толщиной в руку, а бедра как туловище обычного человека. Уши — в половину потника, голова с котел, рот на целый вершок, губы как два ломтя мяса. Брови как щетина, нависшие, глазки маленькие, а все тело покрыто густыми волосами, грубыми, наподобие хвоста взрослой лошади. А ростом он с одногорбого верблюда. На каждое плечо можно свободно усадить по одному человеку. Голос его подобен реву льва. Шея не поворачивается, поэтому он вынужден оборачиваться всем телом. За один присест съедает целого барана, а кумыса может выпить полный суйретпе — десятиведерный бурдюк...

— Кто же с ним будет бороться?

— Ой, да никто не будет! Бороться с ним — идти на верную смерть!..

— Вот это да! — говорили одни с завистью. — Борцу-победителю назначен приз: сто быков и коров и шелковый халат, отделанный выдрой. Удалец все это получит без борьбы, ай-ай-ай!

— Нет! — утверждали другие. — Если борец Верблюд вышел из народа, то неужели народ не даст другого равноценного борца...

— Да кто его знает!

На поминки прибыло четыре рода: аргынцы, кипчаки, кереи и уакцы.

Обычно аргынцы, как самый старший род, на поминках и пиршествах выставляли главного борца. Но на этот раз они лишились такого права, потому что

Токсанбай был из подрода атыгай, входящего в род аргын. А род, устраивающий поминки, по обычаю лишается права выставлять главного борца.

Борца могли выставить кипчаки. Роды керей и уак, имевшие общих предков, должны были на поминках объединиться и выступать в состязаниях сообща.

Сначала все как следует поели вареной баранины, попили кумысу, а потом верхом и на арбах, а кое-кто и пешком двинулись вслед за всадником, который высоко держал шест с красным, в два аршина длиной куском материи. Выкрикивая: «Скачки! Скачки!», всадник поскакал в направлении холма Коктобе, расположенного на плоскогорье Коксенгир. В одно мгновение огромная туча пыли накрыла все вокруг. Доскакав к месту скачек, народ начал рассаживаться. По одну сторону дороги собрались керей и уакцы, а по другую — кипчаки. Все аргынцы должны были обслуживать гостей.

— Самое малое, тысяч двадцать, не меньше, съехалось сюда, — говорили старики, окидывая взором невероятное скопление людей.

Из тысячи скакунов для участия в скачках отобрали около трехсот наиболее резвых коней и начали договариваться об условиях скачек. Многие пожелали испытать своих и чужих скакунов на расстоянии пятидесяти верст. Договорились начать скачки от реки Силетти и тут же погнали отобранных коней в направлении речки с таким условием, чтобы там наездники переночевали, кони отдохнули, а утром начали скакать до холма Коктобе.

Как только улеглась пыль за табуном скакунов, началось состязание по борьбе.

Как уже было сказано, аргынцы не имели права выставлять сегодня своего борца, поэтому главного борца выставили кипчаки. Это и был борец по кличке Бура. По своей привычке он выходил бороться в одних трусах из толстой грубой шерсти, туго подпоясанный широким ремнем.

Накинув на голые плечи халат, Бура неторопливо вышел к дороге и в ожидании противника сел у обо-

чины, поджав ноги. Сопровождавшие его товарищи показались многим воробьями рядом с орлом.

— А ну-ка, кто из наших выйдет на борьбу! А ну, кто смелый? — начали бодро восклицать кереи и уакцы, выискивая и подзадоривая своих борцов.

Но никто не осмеливался подать голос.

Знатный керей, сын Сагная, бывшего султана — правителя восьми уездов, Нурмагамбет, прозванный Надменным, недовольно воскликнул:

— Кереи и уакцы! Неужели в ваших семьях не родилось ни одного настоящего сына? Где ваши достойные продолжатели рода? Или вы воспитываете одних недоносков? Зачем же гордо именуете себя народом?..

Тогда из толпы поднялся юноша выше среднего роста, с широкими плечами и узкой талией, с большими и наивными, как у верблюжонка, глазами, с едва заметным темным пушком на верхней губе и неторопливо, размеренной походкой направился к Нурмагамбету Надменному. Подойдя, юноша поклонился, опустился на одно колено и подал Надменному руку. Тот окинул его внимательным взглядом. На юноше был красивый бешмет, сотканный из мягкой шерсти белого верблюжонка, на шелковой полосатой подкладке, с воротом, отороченным шкурой выдры, шириной в четыре пальца, малахай из курчавой белой мерлушки с зеленым шелковым верхом. На ногах его были ичиги на высоких каблуках с кожаными галошами.

То, что юноша без особого на то дозволения первым протянул руку, не понравилось Надменному.

— Чей ты сын? — спросил он, недовольно прищуриваясь.

— Моего отца зовут Баймырза, — ответил юноша звучным голосом. — А меня зовут, как и вас, Нурмагамбетом.

— Плохой собаке дают кличку Волкодав, по народной пословице, — ответил Надменный, недовольный тем, что какой-то безвестный джигит носит его имя. — У тебя хорошее имя. Из какого ты рода?

— Нет, я не из здешних могучих родов, предки

мои были из рода уйсун, который, говорят, живет на семи реках, возле Пестрых гор — Ала-Тау. Мой дед был батыром, сподвижником хана Аблая. Он женился на девушке из рода керей и остался жить в этих местах. Сейчас мы проживаем в одном из аулов кереев, но нас до сих пор считают пришельцами. Разрешите мне отстоять честь кереев и выйти на борьбу с кипчаком. В народе говорят, что каждый герой принадлежит трем племенам: во-первых, тому, от которого он сам произошел, во-вторых — племени своей жены, в-третьих — племени своей матери. Хотя я по происхождению из рода уйсун, все равно по женской линии я сын кереев и имею право защищать их честь.

Надменный, не отвечая юноше, переглянулся с аксакалами. Почетные старцы стали уговаривать его дать согласие на борьбу.

— Хорошо, иди! — благословил Надменный.

Обрадованный юноша отбежал в сторонку и стал раздеваться. Его тотчас окружили любопытные.

— А что это за джигит? Не стыдно ли нам будет за него? — забеспокоился Надменный, жалея, что разрешил неизвестному выходить против знаменитого борца.

Кто-то из присутствующих сообщил Надменному, что юноша этот веселого нрава и что в Кайрактах все знают о его проделках.

— Так оно и есть, я сразу заметил, что он легкомысленный. Вы говорите, что он сын бедняка? А почему он так хорошо одет? Сколько ему лет?

— Пошел двадцатый...

«Да-а... — подумал про себя Надменный. — совсем мальчик, а уже такая смелость и самостоятельность. Наверно, незаурядный джигит...»

Нурмагамбет надел армяк из овечьей шерсти, закатал рукава и легко и быстро, как жеребенок, зашагал к Буре.

Обе стороны заволновались, люди вытягивали шеи, стараясь рассмотреть молодого противника.

— Да благословит его дух предков! — восклицали кереи. По обычаю того времени, борцы не должны были переходить дорогу. Но Нурмагамбет, не обра-

щая внимания на предостережения сопровождавших его товарищей, не остановился вовремя и перешел дорогу.

— Ох, напрасно, зачем он это сделал!.. — загомонили кереи. — Не надо было переходить дорогу. Теперь бог может покарать его!..

Бура поднялся навстречу ему, и стало видно, что высокий юноша оказался на целую голову ниже своего противника.

— Значит, это ты представитель кереев? — грубым, трубным голосом спросил Бура. — А как тебя зовут?

— Потом скажу. А сейчас давайте бороться.

— И это не плохо, давай! — пренебрежительно продолжал Бура. — Ну что ж, мальчик, хватайся как умеешь!

Нурмагамбет культяпой рукой ухватился за ремень Буры. Обычно в борьбе он стремился оторвать своего противника от земли. Но тут подобный прием не годился, Бура был действительно велик и тяжел, как верблюд.

«Мальчишка проворный, — подумал про себя Бура, — силенка, видать, у него есть...» Но тем не менее Бура чувствовал себя спокойно, он был уверен в своей силе. Крепко ухватившись за полы армяка, он насмешливо сказал:

— Ну давай, мальчик, действуй!

Нурмагамбет, схватив обеими руками за кожаный пояс противника, сделал слева резкий толчок. И Бура не удержался, согнул правое колено и с усилием, еле-еле выпрямил его. Кереи тотчас подняли шум:

— Поборол, поборол!.. Победа! — И бросились к борцам поближе.

По обычаю, если один из борцов сгибает колено, то ему зачитывалось поражение.

Поднялись и кипчаки, толпа окружила борцов вплотную, и разгорелся спор — победил юноша или не победил?

— Успокойтесь, послушайте меня! — громко попросил Нурмагамбет. — Я отказываюсь от такой победы. Не хочу, чтобы сгибание колена считалось

поражением. Кереи, если вы не хотите, чтобы я остался обиженным, прошу вас отойти назад! Испытаю-ка я свое счастье. Я готов продолжать борьбу!..

Спор утих, толпа разошлась по своим сторонам.

Оскорбленный нежданным поражением, Бура пришел в ярость. Он решил во что бы то ни стало согнуть Нурмагамбета, попытался обхватить его, но напряженные, литые мускулы юноши мешали сделать обхват. Руки Буры безуспешно срывались с тела противника, как он ни старался. Поняв, что мальчишку невозможно ухватить покрепче так, чтобы оторвать от земли, Бура схватил его за пояс и начал стремительно кружить вокруг себя, стараясь клонить его то вправо, то влево. Но какие бы выкрутасы он ни выделывал, ловкий Нурмагамбет неизменно становился на ноги. Пот катился градом по лицу Буры, на губах его выступила пена, он разъярился еще сильнее. Он зло схватил Нурмагамбета за ворот, но в это время юноша изловчился, напряг до предела мускулы, оторвал от земли Буру, неожиданно закружил его и бросил на спину. Грузный Бура тяжело грохнулся на землю. Тогда Нурмагамбет под общие крики, прихрамывая, радостный, направился к кереям.

— Ребро... — с усилием проговорил он, пытаясь поднять голову, — ребро, должно быть, сломано.

Но это обстоятельство в борьбе шло, как говорится, не в счет. Керея ликовали — победил их представитель. То и дело слышались возгласы:

— Какая славная мать тебя родила!.. Какой восхитительный силач! Дай бог прожить тебе многие годы!..

Бурная радость, казалось, охватила всю местность вокруг Коктобе.

Менее других радовался Надменный. Когда толпа бросилась к Нурмагамбету, он остался сидеть в окружении небольшой кучки стариков. Его характер, родовитость и знатность не позволяли приближаться к какому-то неизвестному победителю.

— Пусть все разойдутся по своим местам! — крикнул Надменный. — Довольно шуметь из-за пустяка!

Это ведь не подлинный потомок кереев, он пришелец из рода уйсун.

Никто, разумеется, не мог перечить Надменному. Шум вскоре утих. В это время к месту схватки подвели верблюда, накрытого роскошным дорогим ковром, на одном горбе его была накинута большая шкура выдры, на другом — пестрый шелковый халат. За верблюдом подвели гнедой масти оседланного красавца скакуна, в посеребренной сбруе. Затем аргынцы пригнали сюда же сто голов скота. Все это предназначалось борцу-победителю.

Верблюда с ковром, гнедого скакуна и еще дезять голов скота Надменный взял себе, а оставшийся скот роздал почетным аксакалам.

После такого дележа поднялся ропот. Кое-кто посмелее начал говорить о том, что и молодому борцу надо было что-нибудь дать из приза. Ведь он сын бедняка, к тому же славно боролся и заслуженно победил. Надменный не успел ответить, как заговорил сам Нурмагамбет:

— Я не из тех людей, которые думают о наживе. Я желаю одного — пусть будет благополучен мой народ, пусть я сам буду здоров и силен! Больше мне ничего не надо. А назначенный приз пусть раздадут всем людям, с него я не возьму и ниточки.

Нурмагамбет уже отдышался после схватки, его снова начали окружать восхищенные его силой. В это время к Нурмагамбету сквозь толпу пробралась молодая женщина в белой шелковой шали, с золотыми серьгами в ушах, с живыми черными глазами, в одежде татарского покроя. Приблизившись к юному богатырю, она накинула на его плечи полосатый шелковый халат, достала из кармана большой белый платок и подала Нурмагамбету.

— Из платка нельзя скроить халат, — сказала красавица мягким, задушевным голосом. — Но он может послужить знаком уважения. Мой подарок слишком мал, но примите его как нечто очень большое...

Ласковый взгляд черных глаз незнакомки глубоко тронул Нурмагамбета. Юный богатырь подумал, что он способен растаять от такого взгляда, как тает сви-

нец возле огня. Растерявшись, он молча стоял перед молодой женщиной, не зная, что сказать. А она, не дождавшись ответа, хотела было продолжать свою речь, но в это время послышались возгласы:

— Эй, борец, тебя просит к себе Надменный!..

— Мы не здешние, — торопливо продолжала красавица, обращаясь к Нурмагамбету. — Мы живем в Караоткеле[1] и сегодня собираемся уехать. Будьте здоровы! — И она подала ему тонкую, изящную руку, прикосновение которой еще больше взволновало Нурмагамбета.

В ответ он сумел выговорить только одно слово:

— До свидания!

Она еще раз оглядела его лучистыми глазами, грустно вздохнула и медленно отошла.

— Кто знает, как зовут эту девушку? — спросил Нурмагамбет у товарищей, которые его сопровождали по пути к Надменному.

— Никто не знает, — услышал он в ответ.

— Жаль, надо было спросить, — огорчился Нурмагамбет. — А то она уедет, и больше не встретимся...

Надменный велел молодому борцу стать перед ним, протянуть руки вверх ладонями, а затем сказал:

— Ты молодец, юноша, ты настоящий джигит! Я восхищен твоей силой. Скажи, какого благословения ты от меня желаешь?

— Я не могу выпрашивать благословения.

— Нас с тобой называют одним именем, — продолжал Надменный. — Отныне я хочу, чтобы тебя народ называл по-другому. Как тебе понравится прозвище Балуан?[2] Если этого мало, то к нему я могу прибавить еще одно точное слово — Шолак[3].

— Если вы хотите дать мне имя Балуан, то оно для меня не ново. Я уже слышал, что смотревшие нашу борьбу люди дали мне такое имя.

— Верно, верно!.. — послышались возгласы во-

---

[1] Прежнее название Акмолинска.
[2] Балуан — борец, силач.
[3] Шолак — культяпый.

круг. — Уже говорили так... «Любимого как ни назови, все ладно, все сойдет». Народ уже назвал его Балуан-Шолаком!..

Восторженный гул толпы утвердил новое имя.

VIII. СХВАТКА С КАРОНОМ

Громкая слава о новом борце Шолаке птицей облетела степь. После памятных поминок Токсанбая все аулы, расположившиеся на летнюю стоянку возле Коктобе, наперебой стали приглашать знаменитого Шолака к себе в гости.

Приятно было людям встречать молодого богатыря. Ведь он не только борец, он и поэт, он и певец и большой шутник, умеет повеселиться. Аул, куда прибывал Шолак, закипал весельем. Молодого богатыря сразу полюбил народ, никто не пытался искать в его поведении что-либо предосудительное, для народа он был чист и светел, как солнце.

— Настоящий джигит должен быть таким, как Шолак! — говорили старики.

А тем, кто пытался завидовать Шолаку и выдумывал несуществующие в его характере плохие качества, молодой поэт давал отповедь.

И вот в один из веселых дней, которых теперь стало много в жизни Шолака, распространился слух о том, что в городе Кокчетаве собрались известнейшие борцы для схваток. Кое-кто из завистников Шолака начал его подзадоривать, говоря:

— Одно дело выступить в степи и быть силачом в ауле. А вот попробовать бы тебе сразиться с борцами в Кокчетаве, где собрались настоящие силачи...

Шолак загорелся, быстро собрал товарищей.

— Едем в Кокчетав! — решил он. — Кто сможет ехать со мной — собирайтесь!

Одного его отпустить не решились, мало ли что случится с ним в незнакомом городе. Сопровождали молодого борца несколько человек из аулов.

Кокчетав Шолак увидел впервые. Город лежал у подножия горы Букпа, неподалеку от огромного

озера. Здесь, на берегу озера, на взгорье стоял дом одного казаха. У него-то и остановился Балуан-Шолак с друзьями.

Первого сентября открылась в Кокчетаве ярмарка, съехалось множество народа из соседних уездов. Утром в день открытия ярмарки Шолак вместе с друзьями, после того как попили вдоволь кумысу, сели на коней и не спеша поехали по улицам города. На одной из улиц на дощатом заборе они увидели большую афишу, на которой изображались борцы в одних трусах.

— Подъедем, джигиты, поближе, посмотрим, что это такое!

Подъехали. Борцы стояли в одну шеренгу, и были все как на подбор толстые, с бугристыми мускулами. Посредине был изображен гигант в черной маске. Один из друзей Шолака мог читать и кое-как разобрал, что на афише нарисованы борцы и что они должны бороться в цирке.

— А что такое цирк?

— Это такой дом, в котором может собраться тысяча человек.

— А где он находится?

— А кто его знает...

Начали спрашивать встречных, как проехать к цирку. Им объяснили, и вскоре всадники увидели перед собой брезентовый купол, напоминающий огромную юрту. Рядом с цирком у дощатой будки с маленьким оконцем стояла длинная очередь.

— Интересно, зачем вы здесь стоите? — спросили подъехавшие джигиты.

— За билетами.

— Для чего?

— Хотим увидеть знаменитых борцов, приехавших издалека, для этого надо покупать билеты.

— Значит, они получают деньги за то, что показывают свою силу? — удивился Шолак.

Как бы то ни было, но без билетов в цирк не попадешь. Нурмагамбет с друзьями взяли билеты по пятьдесят копеек и вечером заняли свои места под куполом.

Сначала показывали дрессированных лошадей. Лошади были великолепные. Глядя на них, Шолак волновался, то и дело вскакивал с места.

— Эх, таким коням разве здесь место, на таком маленьком круге! Им бы скакать по нашей степи! Вот где они показали бы свою настоящую резвость!.. — сожалел он.

Началась борьба. Борцы выходили на арену парами, все были крупного телосложения, но особо выделялся борец в черной маске. Массивной фигурой своей он очень напоминал Буру.

Грубые приемы французской борьбы, которых казахи раньше не знали, не понравились Шолаку. Видел он их впервые и следил за ними внимательно и возбужденно, стараясь запомнить, к чему может привести тот или иной прием.

Победителем вышел гигант в черной маске — никто не смог побороть его. Публика долго и восторженно аплодировала ему, возбужденно топала ногами, ревела.

Не вытерпев, Шолак перепрыгнул через барьер, перешел арену и, приблизившись к Черной маске, задиристо схватил его за руку.

После поминок Токсанбая прошло время, и Шолак значительно окреп. Друзья, наблюдавшие за ним сейчас, увидели, что в росте и по ширине плеч он не уступает Черной маске, только значительно тоньше его в поясе.

— Будешь бороться? — спросила маска.

— Буду бороться!..

Вышел владелец цирка, начал говорить, что сегодня уже поздно, время истекло, лучше бы перенести на завтра, но разгоряченная публика требовала зрелища — пусть борются!

Черная маска внимательно оглядела Шолака опытным глазом, решила не спешить и на всякий случай быть поосторожнее, чтобы не опозориться перед публикой. Молодой казах, по его мнению, имел силенку.

— Хорошо, — объявила маска. — Я согласен бороться, но только при одном условии.

— Какое условие?

— Денежный залог в семьдесят пять рублей.

В то время за такую сумму можно было купить трех лошадей. Такое условие было не так просто выполнить молодому казаху, и Черная маска на это надеялась. Но друзья Шолака тут же собрали деньги.

— Только имей в виду, парень, тут не казахская борьба, а французская, — предупредил владелец цирка. — Для победы надо обязательно добиться, чтобы противник коснулся ковра обеими лопатками.

— Хорошо! — отозвался Шолак. — Не только лопатками, я его всей спиной прижму к земле!

Шолака переодели по-цирковому, и началась борьба.

Борцы, согнувшись, напружинив мышцы, как быки подошли друг к другу. Шолак уже успел заметить, что у Черной маски есть излюбленный прием — хватать противника за шею и бросать его через бедро на ковер. Черная маска, рассчитывая на неподготовленность казаха, хотел было не спеша, для публики, провести свой прием. Но Шолак захватил противника за шею и, громко воскликнув: «Хуп!» — бросил на ковер. Помня о том, что борцы, брошенные на спину, тут же выгибались дугой, становились «на мостик», Шолак хотел было навалиться на Черную маску, придавить к ковру, но противник отрицательно покачал головой, давая понять, что сдается.

Судья дал свисток, и у побежденного сняли маску. Борец оказался светловолосым и тоже молодым человеком с приятным лицом. Однако он продолжал лежать и, морщась, показывал, что он не может встать. Вышли несколько человек, положили Черную маску на носилки и унесли с арены.

Судья объявил:

— Участниками очередной схватки являются: чемпион мира, английский борец по кличке Черная маска и прибывший из казахского аула народный борец Шолак. Борьба французская. С соблюдением правил французской борьбы через полторы минуты победил народный борец Шолак. Раньше никто не мог снять маску с чемпиона мира, это сделал Шолак, поэтому

он и получает залог в семьдесят пять рублей. Фамилия Черной маски — Карон!

— Нечаянно победил!.. — раздались возгласы. — Нечестно, подножку дал!..

Поднялся шум.

— Пусть народный борец поднимет гири, — раздались громкие голоса. — Посмотрим, на самом ли деле он силен!

— Хватит на сегодня! — шумели другие. — Пусть гири он поднимет завтра! Устал парень!

Шолака больно задело недоверие к его силе. Никто еще не упрекал его в нечестности и хитрости.

— Я готов сегодня показать свою силу! — громко объявил он.

— Сколько пудов поднимешь?

— А сколько поднимала Черная маска?

— Сорок пудов!

— Хорошо. Грузите на меня пятьдесят пудов!

Шолак стал на четвереньки, уперся о колени локтями. Один из борцов начал класть на него связанные ремнем гири — четыре связки по десять пудов, одну связку в шесть пудов и другую — в пять. Пятьдесят один пуд висел на молодом богатыре. Казалось, что руки Шолака стали сгибаться и что вряд ли он сможет шевельнуться под такой непомерной ношей.

— Да благословит его бог, — начали сочувствовать друзья Шолака, — такой груз не поднимет и верблюд!..

Но Шолак медленно выпрямил руки, крепко упершись ими об арену и, стоя на коленях, несколько секунд собирался с силами. Потом с усилием подтянул правую ногу и уперся стопой. И снова воскликнул: «Хуп!», поднялся и, широко расставив ноги, пошел по арене, сплошь увешанный связками гирь.

— Довольно!.. Сбрасывай! — закричали вокруг.

Но Шолак нарочно, словно в наказание сомневавшимся, продолжал ходить по арене, потом, покружив плечами, разбросал гири в разные стороны.

— Да здравствует Шолак! — хором долго кричали восхищенные зрители.

IX. ТРЕВОГА

Когда Шолак вышел из цирка, стояла темная ночь. Кругом слышался невероятный шум и гам. Не привыкший к ночной темноте, оглушенный криком, Шолак не сразу услышал голоса своих товарищей:

— Шолак, иди сюда, едем!

— Куда?

— Да не все ли равно куда, садись на своего коня, едем! — настаивали друзья.

Сквозь шумевшую толпу Шолак последовал за товарищами, разыскал своего коня и ловко вскочил в седло. Глаза его постепенно привыкли к ночной темноте, и, всмотревшись, Шолак заметил, что толпа волнуется подобно морю.

— Где ты, Шолак? — слышались незнакомые голоса то там, то здесь.

— Кто это меня ищет? Я здесь! — отозвался Шолак.

— Давайте ехать! Если Шолак вышел, пора ехать, — одновременно заговорило несколько голосов.

— Поехали! Следуйте за мной! — предложил кто-то Шолаку и поскакал первым.

Толпа сплошным потоком направилась к горе Букпа. Вместе со всеми, как на волнах, поплыл Шолак.

— Куда мы едем? — несколько раз спрашивал Шолак. — Зачем?

— Мы сами не знаем, — наконец ответили ему. — Мы знаем только то, что все это ради тебя. Ты причина такого большого внимания...

Преодолевая встречный ветер, людской поток перевалил через гору Букпа и остановился у подножия Желтау.

— Дальше мы не поедем, — решил ведущий.

Всадники стали спешиваться. Шолак увидел вокруг себя множество людей.

— Нас десять колен подрода даурит, — обратился к Шолаку старший из собравшихся. — Мы рады, что ты отстоял честь рода, и прибыли сюда на той. Мы и раньше слышали о тебе и жаждали встречи с тобой. Сегодня ты с нами. Эту ночь проведем в веселье.

Шолак поблагодарил в ответ.

— Приведите сюда скот для убоя, — велел старейшина, — несите хворост для костра и воду для котлов!..

Вскоре несколько всадников приволокли кучу соснового валежника, и пламя костра заплясало, высоко поднимаясь к небу. Темная ночь как будто в испуге отпрянула от огня, сгустилась еще больше и нависла над костром.

— Привели! — послышался в темноте чей-то голос.

— Свет и темень спорят между собой, и поэтому нам ничего не видно, — проговорил другой голос. — Шолак, подойди сюда!..

Шолак последовал за одним из юношей и, отойдя от костра чуть поодаль, увидел нескольких человек, удерживающих необученную лошадь.

— Это предназначено тебе! — сказал Шолаку приведший ее джигит. — Дай бог не сглазить тебя! Только такие легендарные богатыри, как Кобланды, Алпамыс и Камбар, могли поднять груз в пятьдесят пудов. Если бы мы не видели своими глазами твой сегодняшний подвиг, то не поверили бы слухам, что подобный человек живет на свете. «Из ста лошадей родится один скакун, из тысячи — тулпар [1]», — говорит народная поговорка. Кто знает, может быть, и ты займеешь своего тулпара, наденешь стальную кольчугу, возьмешь в руки острое копье и защитишь свой народ. Ради этого мы отказались от мелкого скота, привели тебе яловую кобылицу и хотим ее принести в жертву. Теперь, Шолак, дай свое благословение!

Джигит поднял руку. Борец тоже поднял руку и сказал: «Да примет господь жертву!» Все погладили подбородки.

Тотчас быстро и ловко зарезали кобылицу и моментально сняли с нее шкуру. Кобылица оказалась упитанной, на брюхе накопилось жиру на два пальца. Мастера своего дела извлекли легкие, печень, сердце, почки, принесли к костру и стали резать на

---

[1] Тулпар — легендарный скакун, не имеющий равных в беге.

мелкие куски, чтобы приготовить каурдак. По обычаю, селезенку бросили на горящие уголья, и она разбухла в своем соку и стала с треском лопаться.

— Эй, не забывайте приготовить кансокту[1], кушанье наших предков, — сказал один из стариков, сидевших у костра.

— Мы уже позаботились об этом, — отозвался один из тех, кто разделывал тушу. — Как только вспороли брюхо, взяли кровь около почек и налили в промытую кишку.

— Долю Шолака приготовьте особо, — предложил один из аксакалов.

— Сегодняшний день особенный. Шолак показал нам неслыханную богатырскую силу, поэтому мы ему приготовили мясо особым, малоизвестным способом.

— Каким?

— А вот каким. На желудке кобылицы сделали небольшой разрез, вытряхнули все содержимое, вывернули наизнанку и тщательно промыли. После этого внутрь налили немного воды и положили мяса сколько влезет. Еще добавили соль, перец и лук. Затем желудок зашивается, остается только маленькая дырка, в которую втыкается тростник. В земле делается небольшое углубление, засыпается слоем песка. В это углубление кладется набитый мясом желудок и тоже засыпается песком. Сверху разводится костер, а конец тростника выходит наружу в сторонке от костра. Вот таким способом готовится самое вкусное кушанье.

— Да-а! Слыхали о таком, но пока не едали. Вари так! — послышались голоса.

В желудок поместилась почти одна треть мяса кобылицы. Остальное положили в котел. После того как поели вкусного каурдака и попили кумыса, стали просить Шолака:

— Все говорят, что ты человек с прямым характером, что у тебя много талантов. Тебя считают поэтом, певцом, борцом, оратором, находчивым остряком, шутником — все эти качества имеются у тебя

---

[1] Кансокта — кровяные сосиски.

одного. Мы видели твою физическую силу, теперь покажи, насколько остер твой ум и язык.

— Что я должен сделать для этого?

— Спой песню! Деды и прадеды наши говорили: «Скажи человеку хорошее в лицо, пусть возрадуется; говори в лицо и о плохом — пусть взволнуется». Тебя можно без конца хвалить. Но сейчас ты с такой же силой, какую ты показал сегодня, должен спеть. Пусть здешние джигиты расскажут о твоих дарованиях всему народу!..

По настоянию всех Шолак тут же сочинил песню, ставшую потом широко известной, и спел ее.

Мне двадцать лет, я в дивной поре.
Если ударю — несдобровать горе...

Песню Шолака прервал звон колокольчика.

— Это еще кто? — заговорили сидящие у костра. Насторожился и Шолак. К костру подъехал тарантас, запряженный в пару лошадей.

— Урядник! — зашептали вокруг. — Чего ему надо в такое время?

Вместе с полицейским урядником прибыл директор цирка.

— За тобой приехали! — сказал директор Шолаку.

Урядник стоял молча, покручивая усики.

— Для чего я вам понадобился?

— Потом скажем, садись в тарантас!

— Они приехали арестовать Шолака! — заговорили казахи у костра.

— За что?

— Возможно, борец, которому он сломал ребро, умер. Вот они и хотят наказать Шолака.

— Ничего у них не получится. Шолака мы так просто не отдадим! — зашумели джигиты.

— Довольно шуметь! — потребовал урядник.

— Для чего я вам нужен? — снова спросил Шолак.

— Скажу наедине.

— Нет, при всех говори!

— Приедем в город, тогда скажу!

— Видите, куда он метит, чего добивается! — снова зароптали вокруг. — Они приехали с недобрыми намерениями, все понятно. Надо создать сутолоку и устроить Шолаку побег.

Один из джигитов подошел к Шолаку сзади и тихонько шепнул ему об этом намерении.

— Не болтай глупости! — ответил недовольно Шолак. — Что они мне сделают! Зачем мне бежать, я не трус.

— Не шушукаться! — закричал урядник.

Директор цирка тоже не говорил, зачем они приехали. И директор, и урядник были выпивши. Приехавших нельзя было назвать гостями, но тем не менее их пригласили к костру. Наевшись каурдака, урядник обратился к Шолаку:

— Завтра приезжай в город, не бойся. Озолотим!

Нежданные гости сели в тарантас и уехали.

Предложение урядника вызвало разные толки.

— Они хотят задержать Шолака хитростью. Обманывают, — говорили одни.

— Нет, арестовывать его не будут, — утверждали другие. — Они убедились в его сказочной силе и на самом деле хотят одарить его.

Все-таки никто толком не знал, зачем понадобился Шолак начальству, да еще так срочно. Веселье было нарушено, люди встревожились.

— Пока есть возможность, ты должен бежать этой же ночью, народ тебя не выдаст, — уговаривали Шолака.

Но Шолак не принимал таких советов.

— Если станут арестовывать безвинных людей, то кто же останется на воле? — сказал он. — Завтра нарочно сам явлюсь к ним. Что они мне могут сделать?

— Ладно, пусть едет, риск благородное дело, — решило большинство. — Если его задержат, то мы тоже люди, не дадим наказывать невиновного.

После того как поели мяса, перед рассветом разъехались по своим аулам.

Шолак проснулся поздно, после полудня. Из передней комнаты послышался разговор. Через приоткрытую дверь Шолак увидел своих товарищей, сидя-

щих за чаепитием. Шолак оделся и тоже вышел в переднюю.

— Мы тебя нарочно не будили к чаю, не стали тревожить твой сладкий сон, — заговорили друзья.

— Меня никто не спрашивал?

— Говорят, тебя хочет видеть уездный начальник.

— Зачем?

— Откуда мы знаем. Честно говоря, нас это немного тревожит. Хорошо, если все кончится благополучно...

На беспокойство окружающих Шолак не обращал внимания. Когда джигиты после чая вышли со двора, к ним подъехал верховой. Это был посыльный по имени Сутемген.

— Что ты можешь сказать, Сутемген, зачем вызывают Шолака? — обратились к нему джигиты.

— Толком я и сам ничего не знаю, — ответил посыльный. — Но, по-моему, вам нечего бояться. Уездный начальник желает видеть прославленного силача. Ничего опасного, пожалуй, в этом нет.

Вскоре Сутемген и Шолак подъехали к воротам большого белого дома в центре города. Здесь жил уездный начальник. Как только верховые въехали во двор, ворота за ними сразу же закрылись.

Слух о том, что Шолака вызывает к себе большое начальство, сразу же разнесся по степи. Из окрестных аулов заспешили в город гонцы, намереваясь поскорее узнать, чем вся эта история закончится. Белый дом уездного начальника сразу привлек всеобщее внимание. Многие опасались беды, а те, кто посуевернее, тревожились по-своему: «Как бы они не сглазили нашего богатыря!..»

Между тем Шолак, следуя за Сутемгеном, прошел в гостиную и первым увидел перед собой чернобородого, с пышными усами мужчину, высокого роста и крепкого телосложения. Тут же была белолицая, с отвисшим подбородком, пышногрудая, полная женщина. Рядом с ней сидела хрупкая, голубоглазая, похожая на мать девушка лет шестнадцати. Вместе с ними сидел за столом и пил чай уже знакомый Шолаку директор цирка.

— Он самый, — неопределенно сказал директор, указывая на Шолака.

— Аман, — поздоровался по-казахски уездный начальник и подал джигиту толстую мясистую ладонь. После рукопожатия он кивком указал Шолаку, куда ему следует сесть. — Молодец, — заметил начальник, оглядывая ладную фигуру борца. — Ты, оказывается, красивый парень. Русский язык знаешь?

— Мала-мала, — ответил Шолак.

Начальник начал потчевать, но Шолак упрямо отказывался, помня советы друзей не прикасаться к пище в этом доме. Друзья боялись, что пища может быть отравленной. И хотя стол ломился от снеди и вкусный запах щекотал ноздри, все же Шолак удержался и не прикоснулся к еде.

— Ты рассказал, зачем мы его позвали? — спросил уездный у Сутемгена.

— Нет.

— Почему?

— Мне такого поручения не давали.

— Но ты не забыл, о чем мы с тобой говорили прежде?

— Нет, не забыл.

— Тогда расскажи ему обо всем по-казахски.

Оказалось, что уездный начальник, прослышав о схватке неизвестного казаха с Кароном, удивился такой силе, велел немедленно разыскать джигита и доставить его к высокому начальству, Сутемген ответил, что, по слухам, Шолак уже уехал в степь. «Немедленно догони и передай ему мое повеление. Возможно, мы устроим его в свой цирк, но для этого я должен сначала видеть борца».

— В общем, твоя богатырская сила заинтересовала уездного начальника и директора цирка, — продолжал объяснять Сутемген. — Они хотели, чтобы за пять-шесть месяцев ты научился приемам французской борьбы и начал постоянно бороться в цирке. Они уверены, что скоро ты объедешь весь мир и привезешь кучу золота.

— Сколько золота? — с серьезной миной спросил Шолак.

— Не спрашивай, это ведь дармовое золото, — деловито продолжал уговаривать Сутемген. — Оказывается, Карон получает в месяц пятнадцать рублей, а в год сто восемьдесят. Представляешь, какая сумма! Можно купить сразу шесть лошадей на такие деньги!.. Если ты останешься в ауле, то, честно говоря, не заработаешь и одной лошади. Советую не упрямиться, Шолак, и дать согласие бороться в цирке.

Неожиданное внимание уездного начальника и страстные уговоры Сутемгена подействовали на Шолака — решив вначале не поддаваться никаким уговорам, сейчас он заколебался.

— Дайте подумать, — сказал Шолак. — Окончательное свое решение я скажу завтра.

Уездный попытался было настоять, чтобы Шолак согласился сегодня же, не раздумывая, но вмешалась его жена:

— Подожди до завтра. Ты думаешь, он не согласится иметь столько денег, думаешь, откажется от славы, от блеска? Дай ему возможность подумать. Мне он кажется разумным юношей, глупого решения он не примет.

— Да, мама, мне он тоже кажется умным юношей, — защебетала ее дочь, во все глаза рассматривавшая Шолака.

Шолак благодарно улыбнулся ей.

— Хорошо, подумай, — согласился уездный, — но завтра непременно дай ответ. Не будь глупым, не забывай, что счастье само идет к тебе в руки. Из тебя может получиться чемпион мира. А это не шутка!..

Они распрощались. Шолак вместе с Сутемгеном вышел во двор. Когда сели на лошадей и направились к воротам, Шолак увидел на крыльце дочь уездного. Она опять смотрела на него.

— Как ее зовут, Сутемген?

— Татьяна.

«Славная девушка», — подумал Шолак.

Едва они выехали за ворота, как толпа тесным кольцом окружила Шолака.

— Зачем тебя вызывал начальник, рассказывай!..

Шолак коротко передал предложение уездного.

— Ответил, что подумаю до завтра.

— Смотри, тебе виднее! — заговорили вокруг, явно не желая, чтобы Шолак уезжал из родной степи бродить с цирком по белу свету. — Ты взрослый человек, можешь самостоятельно решить свою судьбу, но не забывай про свой народ, который оказывает тебе большое уважение. И не забывай также нашу поговорку: «Кто не считается с большинством, того некому будет хоронить...»

На следующее утро после завтрака Шолак снова держал путь к белому дому в центре города. Итак, ему предстояло выбрать между работой в цирке с его богатством, золотом, славой борца и аулом, степью и родным народом...

Что выбрать? Уже было утро, пора Шолаку принять окончательное решение, а он все еще не знает, что сказать сейчас при встрече уездному начальнику.

Сейчас, когда предстояло решительно определить себе дальнейший жизненный путь, перед глазами Шолака предстали картины родной степи. Вот вереница вершин, синяя гряда гор Бурабай, на которых стоят белоснежные облака. А за ними степь, необъятная, необозримая... Холмистая и ровная, широкая, бескрайняя. А в степи то там, то здесь раскинулись аулы, много аулов... В них живут родные люди, братья и сестры, сверстники, друзья Шолака. Они для Шолака — веселье и радость. И он для них — тоже веселье и радость. Он всей душой любит их, и они отвечают ему искренней и большой любовью...

То, что предлагал уездный начальник, было неведомым, далеким, туманным. «Неизвестно, что выйдет из этого поиска богатства и славы в неизвестных мне краях, — думал Шолак. — А вдруг все это окажется пустой затеей и на чужбине меня некому будет поддержать в трудную минуту?.. Нет, пусть уж лучше все радости и горести жизни я буду переносить вместе с родными людьми!.. Здесь мне все знакомо, здесь я познал горечь бед и счастье народного признания. Зачем мне теперь искать иного счастья, уходить в неведомые края от своего народа?..»

Шолак натянул поводья и повернул коня прочь от белого дома. Он поскакал за город, к озеру Шалкар, где гомонили приехавшие на базар казахи...

Вначале он скакал один, потом неожиданно обнаружил, что рядом с ним скачет множество всадников. Пыль поднялась тучей. Но вот всадники один за другим стали обгонять Шолака, и он понял, что конь его не так проворен, как этого хотелось бы молодому наезднику.

Вначале ему показалось, что это скачут вместе с ним узнавшие его люди из ближайших аулов. От мысли, что они добровольно вызвались сопровождать Шолака, стало приятно. Пока они скакали позади или рядом, они как бы оказывали уважение, но теперь, опередив его в скачке, они явно обижали Шолака.

«Зачем же мне стремиться вслед за ними? Не лучше ли повернуть в сторону?» — обиженно подумал Шолак и, придержав коня, пустил его шагом.

И если бы к нему не подскакали тотчас всадники с удивленными лицами, если бы не окружили и не стали расспрашивать, почему он остановил коня, то он наверняка повернул бы обратно.

Ему начали говорить слова похвалы, участливо спрашивали о здоровье, но Шолак только хмурился и ничего не говорил. Со стороны казалось, что он словно оглох и потому не отвечает на вопросы спутников. Да, Шолак ничего не слышал, потому что всецело погрузился в думы о хорошем коне. «Лошадь — крылья героя», — повторял он про себя народную поговорку и вспоминал легендарных коней, на которых ездили прославленные богатыри: у Кобланды был Тайбурул, у Алпамыса — Байшубар, у Камбара — Каракаска. Эти кони скакали быстрее птицы, не знали усталости, были преданы своему хозяину, радовались его удаче и горевали в беде, они были умны, как человек.

«Какое счастье иметь такого коня, эх!.. — раздумывал Шолак. — Бог мой, я не прошу у тебя богатства, ты сам видишь, дай мне только хорошего коня, как у тех легендарных батыров!»

Он и раньше мечтал о хорошем коне, а сегодняшняя скачка только подогрела его мечту.

«Правильно, мудро говорили наши предки: конь — это крылья героя! И еще: человек без хорошего коня — птица без крыльев!» Как не восхищаться подобными словами!

Теперь у Шолака была одна забота — иметь такого коня, который стал бы его крыльями.

Х. АКБОЗ

Неподалеку от места впадения речки Кишлакты в озеро Челкар возвышается сопка Караул. Каждую весну речка широко разливается, вода доходит до самого подножия сопки, и потому здесь летом много травы, всегда большой сенокос.

Перед сентябрьским базаром в этом году сено было скошено, чтобы не потоптало его множество людей и скота во время ярмарки. Вот к этим местам бывшего сенокоса и подъехал сейчас Шолак с сопровождавшими его джигитами. Там и здесь были расставлены юрты. Отовсюду неслись приветствия Шолаку и приглашения зайти к очагу и отведать угощения.

Не спеша проезжая по становищу, Шолак заметил в одном месте среди зарослей ивняка белую палатку. У палатки, в окружении любопытных, стоял черный аргамак удивительно высокого роста, — казалось, невозможно человеку дотянуться до его холки.

— Чей это жеребец? — поинтересовался Шолак.

— Продается, — ответили ему. — Продает русский, покупает известный бай Негметжан из Кокчетавского уезда. Если обычная лошадь стоит на базаре двадцать пять — тридцать рублей, то за этого жеребца хозяин запросил все триста.

— Этот жеребец будет моим, — вступил в разговор бай Негметжан. — Хоть цена и не малая, но мне под силу. Я пригнал на базар пятьдесят коней, из них добрых пятнадцать отдам за этого жеребца. От него будет хорошее потомство, которое принесет в сто раз

больше прибыли. Пусть только будет в сохранности мой табун в три тысячи лошадей.

— Так почему же вы его не покупаете? — нетерпеливо спросил Шолак.

— Я хочу из отборных кобыл собрать косяк для этого жеребца, — продолжал Негметжан. — Вот и хожу вокруг него уже второй день. Хожу и сомневаюсь — если этот конь не порченый, то зачем хозяин стал бы продавать его? Боюсь, что у него что-нибудь с ногами. Да и зубы он не дает посмотреть, никого к себе близко не подпускает. Зверь, а не лошадь!

Негметжан и Шолак были ровесниками, обычай дозволял в таком случае бедняку запросто говорить с баем.

— Палка и медведя заставит молиться, — сказал Шолак. — Это народная мудрость. А лошадь более понятлива, чем медведь. Дай-ка мне повод! Посмотрим, долго ли он сможет оставаться непокорным.

— Давай! Сумеешь, так берись за повод.

Хозяин передал поводья Шолаку, и тот приблизился к коню. Уже было замечено: как только приближался человек, жеребец прижимал уши и хищно оскалывал зубы, готовый вот-вот крепко куснуть смельчака. Но оттого ли, что Шолак был ростом покрупнее других, или оттого, что жеребец испугался смелого взгляда его прищуренных глаз, конь насторожился, запрядал ушами. Шолак окрутил недоуздок так, что жеребец не мог открыть рта. Затем пальцами Шолак раздвинул губы коня, намереваясь ощупать зубы, но конь непослушно и сильно замотал головой.

— Значит, ты намерен сопротивляться! — сказал Шолак. — Хорошо, давай посмотрим, чья возьмет!

Он распустил недоуздок, и жеребец тотчас же взвился на дыбы, пытаясь вырваться.

Шолак быстро и ловко подлез ему под брюхо.

— Осторожней! — закричали вокруг. — Он будет бить передними копытами! Отойди в сторону!

— Наш борец не может найти по своей силе человека, поэтому он решил состязаться с животным. Посмотрим, что из этого получится, — сказал кто-то из присутствующих.

Шолак, не обращая внимания на предостерегающие окрики, ловко ухватил жеребца за передние ноги возле копыт и спиной сильно толкнул коня в грудь. От неожиданности, не успев переступить, конь потерял равновесие и рухнул на бок. Растерявшееся животное намеревалось мгновенно вскочить, но Шолак схватил его за уши, прижал его голову к земле и коленом наступил на шею. Конь лежал побежденный. Тогда Шолак, растянув губы жеребца, заставил его показать зубы.

— Смотрите! Еще маленьким жеребенком он болел, это отразилось на коренных зубах, — заметил Шолак окружающим. — Но зубы хорошие, как у волка. И вообще скотина великолепная, настоящий скакун. Но, кажется, не особенно выносливый, далеко не ускачешь на таком, об этом тоже можно судить по зубам. Вот если скрестить его с карабаиром, получится подлинный скакун. Ноги хорошие!

Шолак отпустил жеребца, тот сразу вскочил, вздрагивая всей кожей. Теперь Шолак протянул к нему руку, конь попятился, но на дыбы не поднялся и уже обнаруживал признаки покорности. Такова лошадиная природа — достаточно сильному человеку скрутить коня, как он сразу перестает сопротивляться.

Как и договаривались ранее, жеребца купил Негметжан за триста рублей. Теперь полагалось по обычаю «помазать хвост» — обмыть покупку.

— Зайдем в палатку, — предложил Негметжан Шолаку, — в котел положили мясо ягненка, скоро оно будет готово. Тебя, как дорогого гостя, будем угощать особо.

Сидя в палатке и попивая прохладный кумыс, Шолак неожиданно заметил среди зеленых зарослей ивняка целый табун ярко-белых как снег лошадей. «Надо же, какие белые лошади! — подумал Шолак. — Первый раз вижу такую масть!..» Придумав тут же какую-то мелкую причину, чтобы покинуть обедавших, Шолак вышел из палатки и пошел к табуну. Отличные, красивые, удивительно белые кони! И все они, должно быть, гулевые, не рабочие, потому что глад-

кие, как на подбор, упитанные. Особенное внимание Шолака привлек белоснежный, норовистый с первого взгляда жеребец. Едва Шолак попытался приблизиться к нему, как он дико рванул прочь.

«Вот это конь!» — подумал Шолак, возвращаясь в палатку.

— Негметжан, вот тот белый конь, назову его Акбоз, не твой случайно? — спросил Шолак бая.

— Мой.

— Он уже приучен к седлу?

— Нет, еще не знает, что такое узда.

— Ты пригнал его для продажи?

— Да.

— Разве можно продавать такую лошадь!

— Да я и сам не собирался продавать. Но ей уже пошел девятый год, а мы до сих пор не можем приучить ее к седлу. Даже самые опытные табунщики не смогли оседлать ее. Во-первых, ее пока не подстрелишь, не поймаешь; во-вторых, если и накинешь на шею бугалык[1] с расстояния, все равно не удержишь; в-третьих, если все-таки поймаешь, свяжешь все четыре ноги и намотаешь кошму на голову, все равно не дастся оседлать. Бывало так, что нам удавалось все же посадить на нее человека, но ненадолго: согнется в дугу, прыгнет — и человек летит на землю. Мучились с ней несколько лет, а теперь решили плюнуть и пригнали для продажи. В другом случае, конечно, ни за что бы не продал такого коня!

Шолак промолчал, не отважился сказать: «Продай ее мне», по той простой причине, что стоила лошадь не меньше сорока или пятидесяти рублей. А такой суммы у Шолака не было.

— А если найдется человек, который сможет обучить Акбоза, что тогда? — спросил он Негметжана.

— Я отдал бы ему все, чего он пожелает.

— А если он пожелает забрать Акбоза?

Негметжан смолк в затруднении.

— Не стоит жалеть лошадь, предназначенную для продажи, — заговорили вокруг, намекая на то, чтобы

---

[1] Бугалык — аркан с петлей, род лассо.

Негметжан не скупился. — Пожалуй, ее можно отдать... Не задаром, конечно, за деньги, но можно отдать...

— Я понимаю тебя, Шолак, — ответил наконец Негметжан. — Ты хочешь иметь этого коня. Раз я привел его продавать, значит, ты можешь купить. С тебя я дорого не запрошу. Но ты должен выполнить одно мое условие — оседлать коня в моем присутствии. За Акбоза мне дают двух обученных лошадей. Я возьму с тебя стоимость одной лошади, а стоимость второй пусть останется тебе, как плата за обучение. По правде говоря, покупателей немало, всех привлекает внешний вид коня. Но как только узнают, какой у него нрав, сразу отказываются рядиться. Вот уже в третий раз пригоняю я его на ярмарку. Если и ты откажешься сегодня, угоню домой, прирежу на мясо и самолично разделаюсь с его головой.

— Прежде чем разделываться с головой такого коня, ты лучше бы подумал о своей голове, — пошутил Шолак. — Дайте мне аркан, я сделаю хороший бугалык.

Подали аркан. Шолак разделся до пояса, обе штанины закатал выше колен. Привязав бугалык к шесту, перекинув через нагайку, он осторожно, как тигр, начал подкрадываться к лошадям. Он подкрался к табуну совсем близко, и, когда лошади стремительно рванули, почуяв недоброе, Шолак успел набросить бугалык на Акбоза. Конь бросился в сторону, но Шолак только покрепче затянул веревку. Конь взвился на дыбы. Шолак изо всей силы резко потянул аркан, и Акбоз упал на спину. В два прыжка Шолак очутился рядом, схватил коня за уши и крепко прижал его голову к земле. Акбоз задрожал всем телом, напрягся, намереваясь все же подняться, вырваться из цепких человечьих рук. Тогда Шолак отпустил уши, намотал на одну руку гриву у самой холки, в другую перекинул плеть и больно хлестнул ею в пах Акбоза. От нестерпимой боли конь взвился, но Шолак, не выпуская гривы, успел вскочить на него верхом. Конь прыгал на месте, Шолак продолжал хлестать его по животу. Наконец убедившись, что всадника не сбро-

сить, Акбоз понесся по равнине. Обезумевший от «прилипшего» всадника, конь уже хотел было поискать спасения в реке, но настойчивые удары плетью отшибли у него это намерение.

Люди повыбегали из юрт и с возгласами восторга наблюдали за этой сценой.

— Да-а, не перевелись еще у нас лихие наездники и смельчаки, — говорили они.

Неукротимый Акбоз скоро понял, в какие руки он попал, и оставил попытки сбросить седока. На всем скаку, без узды, управляя только взмахами плети, довольный своим успехом, Шолак начал джигитовать. Держась за холку, он спрыгивал с коня то вправо, то влево и мгновенно садился снова, потом он сделал стойку на руках, снова опустился, затем поднялся на ноги и на скаку стоял, вытянувшись во весь рост.

Акбоз стал уже задыхаться, он не привык к седоку. Весь в мыле, конь уже еле-еле рысил, не думая сбрасывать всадника, и наконец вовсе остановился. Неподалеку от юрты Шолак попросил, чтобы ему подали веревочные путы для стреноживания. Ему подали узду и путы. Шолак зануздал Акбоза, туго натянул поводья и стреножил коня, после чего подошел к Негметжану. Вокруг раздавались возгласы восхищения, все хвалили удальца, но сам Негметжан был мрачен.

— Ну что же, хозяин, — обратился к нему Шолак, — дал слово, надо его держать.

— Конечно, — нехотя пробормотал Негметжан.

— Что-то говоришь ты невнятно. Жалко отдавать такого коня?

— Я свое обещание готов выполнить. Лошадь твоя — бери. Но может быть, ты хочешь подарить ее мне? — хитровато продолжал бай.

— С какой стати я буду дарить ее? Разве у тебя мало коней? Или ты думаешь, что такая лошадь не по мне? Впрочем, ты дал мне своего коня, ты вправе и забрать его.

— Ну, ну, ты уже сердиться начинаешь.

— «Бравому джигиту отказываться от своих слов — смерти подобно», — говорили наши деды. Я не

могу на тебя сердиться, но умолять тебя тоже не стану.

— Я выполняю свое обещание! Возьми Акбоза. Теперь он твой.

— Спасибо, да благословит бог твои дела, — отозвался растроганный Шолак. — Но я не хочу брать этого коня, как нищий подаяние. Получай с меня полную стоимость. Выбирай одно из двух: либо мою лошаденку и двадцать пять рублей в придачу, либо чистоганом даю тебе пятьдесят рублей.

Негметжан согласился на второе условие. Товарищи Шолака знали, что в кармане у него нет не только пятидесяти рублей, но и пятидесяти копеек. За какую-то минуту деньги были собраны и тут же вручены баю.

Шолак снял со своего коня узду, надел ее на Акбоза и повел его за собой.

XI. ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТЫ

Акбоз оправдал надежды Шолака. Это был великолепный, понятливый и красивый конь. После нескольких дней верховой езды живот у него подтянулся, конь стал стройнее и еще красивее. Редко кто мог пройти мимо, чтобы не остановиться и не полюбоваться Акбозом. К тому же ни одна лошадь не могла состязаться с Акбозом в беге. «Это не конь, а сущее блаженство», — не раз говорил довольный Шолак.

Акбоз был с характером, кроме Шолака, никому не давался в руки, оседланный мог стоять без всякой привязи. Шолак никогда его не стреноживал, и Акбоз не убегал от хозяина. Скоро конь стал понимать такие слова, как «ложись, иди сюда, отдохни!», и легко выполнял приказания. Это было очень умное животное.

Шолак заботливо ухаживал за своим другом, всегда вовремя кормил и поил его, подолгу расчесывал гриву и хвост, каждый день купал, седлал только дедушкиным седлом удобной формы и богатой чеканки, челку обязательно украшал пушистыми перьями фи-

лина. Шолак никогда не бил плетью своего коня, и тот, словно в благодарность, понимал каждый знак хозяина и без промедления выполнял просьбы — идти шагом, бежать рысью или пуститься вскачь.

На красавце коне молодой богатырь ездил из аула в аул и проводил свои дни в беззаботном веселье.

Однажды он попал на свадьбу и оказался за столом рядом с невестой. Девушка была необыкновенно хороша: белолицая, черноглазая, смелая и лукавая по характеру.

Шолаку было двадцать три года. Надо сказать, что к тому времени он научился ловко ухаживать за девушками. Не удержавшись от соблазна поговорить с красавицей невестой, Шолак начал перешептываться с ней и разузнал, что зовут ее Балхаш и что отец ее, Кожа, выдает ее замуж за нелюбимого человека. Девушка искренне поделилась с Шолаком своим горем и растрогала его доброе сердце. Она просила его вызволить ее как-нибудь из беды и взять под свою защиту, — не хотела выходить замуж и жить с нелюбимым человеком.

Шолак от всей души обещал ей помочь. Молодые люди договорились, что завтра ночью девушка сбежит из дома, Шолак ее встретит, и они вместе поедут в его аул.

На другую ночь Шолак прискакал на условленное место, слез с коня и лег на траву в ожидании беглянки.

«Неужели я теперь буду женатым человеком? — думал Шолак. — Интересно, что скажут мои родные? . .»

При мысли о родных Шолак помрачнел. По жесткому аульному обычаю первым в семье должен жениться старший сын. Значит, Шолаку надо ждать, когда женится Толебай. А тот все еще ходит в холостяках, потому что не может собрать средств на калым, ему не на что выкупить невесту.

Шолак задумался: как теперь быть? Предстояло решить три вопроса. Во-первых: прилично ли будет младшему сыну жениться раньше старшего? Что ска-

жут родители? Что подумают люди в его родном ауле?..

Во-вторых: жена, как говорят в народе, накладывает путы на юношу. Значит, он добровольно спутывает себя, лишает свободы?..

И, наконец, в-третьих: Балхаш — невеста другого человека. Этот другой — сильный и влиятельный бай. Завтра может начаться скандал, вражда из-за невесты между аулами, неизбежна барымта[1]. Хватит ли у Шолака силы предотвратить возможный скандал? Где он найдет скот для уплаты за Балхаш?

Мысли приходили одна мрачнее другой. Как ни велико было желание заполучить красавицу Балхаш, но благоразумие брало верх. Шолак уже хотел было сесть на коня и ускакать обратно.

Но как быть с обещанием девушке помочь ей в беде? С малых лет Шолак привык не давать слова дважды. Может ли он сегодня отступиться от данного обещания? «Бравому джигиту отступиться от своих слов — смерти подобно!» Нарушить клятву один раз, другой, а потом это войдет в привычку, и станешь бесчестным человеком, лгунишкой. Однажды похороненный, не воскреснет.

«Будь что будет, — решил Шолак, — но я должен выполнить обещание!»

Больше он не колебался и стал терпеливо ждать прихода Балхаш. А ее все нет и нет... Кажется, условленный час уже давно наступил. Томительно долго тянулись минуты ожидания, короткая летняя ночь показалась бесконечно длинной. Где-то за бугром, у заросшего камышом озера, завыли волки. Одинокая сова покружилась чуть слышно над Шолаком, или высматривая, что бы схватить, или просто встревоженная появлением ночного гостя. Рядом профыркал Акбоз. Все эти звуки хоть чуть-чуть разнообразили тягостное ожидание.

Перед утром, как бы говоря: «Вот и я, звезда твоего счастья», показалась на небе яркая Венера, вестник утренней зари. «Жди, она скоро придет», — прошел-

---

[1] Барымта — насильственный угон скота.

тал Шолаку предрассветный ветерок. С звонким посвистом крыльев пролетели дикие утки, их крылья словно повторяли те же слова, убеждали Шолака ждать.

Взбодренный свежестью наступающего утра, Шолак поднялся, похлопал ласково верного Акбоза, напоил его из ручья, протекавшего поблизости, и пустил пастись.

«Но почему же она так долго не идет? Что-нибудь случилось?»

Шолак поднялся на бугор и стал пристально вглядываться в сторону аула. Вскоре он заметил какую-то неясную тень, которая двигалась по направлению к нему. Не поймешь: то ли птица, то ли дикое животное... Потом четко донесся топот конских копыт. Теперь сомнений не было — кто-то мчался к нему галопом.

Это скакала Балхаш. Шолак быстро оседлал Акбоза и пошел навстречу скакавшей девушке.

— Как хорошо, что ты сдержал обещание! — воскликнула безгранично довольная Балхаш, обнимая Шолака. — Извини, что опоздала, я не могла сбежать раньше, — продолжала она с досадой. — Поедем скорее отсюда, нас могут настигнуть с минуты на минуту. Со вчерашнего дня в доме заподозрили неладное. Не отходили от меня ни на шаг, все следили. Еле-еле вырвалась!.. Уедем поскорее, Шолак!

К тому времени на востоке совсем посветлело. Шолаку снова послышался топот конских копыт, и он опять поднялся на бугор, на этот раз вместе с Балхаш. В долине скакала вереница всадников. Заметив их, девушка смертельно побледнела.

— Это погоня! Они нас убьют!

— Ты спустись вниз и постарайся спрятаться в долине, — сказал Шолак, тоже начиная тревожиться. — Я выеду их встречать.

— Что ты, что ты, упаси бог! — взмолилась совершенно перепуганная девушка. — Как ты можешь справиться с таким множеством преследователей? У тебя же в руках ничего нет, кроме кнута. Давай ускачем, будем гнать лошадей, сколько выдержат.

— Нет, это не для меня, — ответил Шолак с легкой улыбкой. — Шолак не может спасаться бегством. Те, кто нас преследует, не ангелы, а люди, их тоже родила мать. Как-нибудь справлюсь! И уж лучше погибну, только не побегу. Выкупа за тебя я не платил. Я забрал тебя, не оставив у них ничего. Если я не в состоянии заплатить калым, то постараюсь хотя бы выставить свою силу вместо калыма!..

Балхаш ничего не оставалось делать, как только оценить мужество возлюбленного и согласиться с его предложением вступить в схватку с преследователями.

Наступало утро, все ярче и ярче алел восток. Шолак увидел впереди скачущих верзилу с дубиной в руках. Тот, видимо, узнал Шолака и, размахивая дубиной, начал кричать:

— Слезай с коня!.. Слезай, говорю тебе!..

Шолак молча галопом пустил Акбоза навстречу ему. На всем скаку, одним рывком, Шолак выхватил у верзилы дубину, затем быстро повернул Акбоза, проскакавшего по инерции несколько метров, и, ухватив противника за полу халата, стянул его с седла. Испуганный конь отбежал прочь от спешенного хозяина. Бешено вертясь на Акбозе среди окруживших его всадников, Шолак с силой хватал то одного, то другого за полы, за руки, за ноги и стаскивал с коней.

Напуганные неожиданной решительностью Шолака, вскоре все преследователи оказались спешенными. Шолак быстро погнал их коней перед собой, по долине, туда, где ждала его Балхаш.

— Ты отгони лошадей подальше, — попросил он девушку, — а я еще поговорю с этими молодцами.

— О чем? Не надо с ними говорить! — запротестовала Балхаш.

— А как же! Вчера мы сидели вместе на пирушке за одним столом, а сегодня должны расставаться врагами? Нет, поеду к ним, объясню все и попрошу прощения.

— Но они тебя поймают! Говорят, пеший сильнее верхового. Попадешь к ним в руки — не вырвешься, они не будут с тобой так великодушны.

— Ну, хорошо, ты посмотри, как я попаду к ним в руки, — усмехнулся Шолак.

— Я умоляю тебя не ездить к ним! — воскликнула Балхаш и хотела ухватиться за повод.

— Не удерживай меня! — с нотками досады сказал Шолак.

Девушка смирилась и молча отступила.

— Я считал тебя смелой, а ты, оказывается, робкая, — заметил Шолак. — А руки не подставляй, говорят, что в гневе джигит остер, как отточенная сабля.

Девушка осталась стоять без движения. Шолак поскакал к своим преследователям, которые собрались вместе и обсуждали, как им действовать дальше.

— Друзья, вы мои сверстники. Если я буду разговаривать с пешими, сидя на коне, вы станете порицать меня. Поэтому я слезаю с коня.

И Шолак спешился.

— Он думает, что если мы без коней, то не справимся с негодяем! — закричал тот, что гнался впереди всех с дубиной. — Держи его! Вяжи его!

— Смотри, какой герой нашелся! — ехидно заметил один из товарищей крикуна. — Попробуй, свяжи такого! Если он постаскивал нас с лошадей, то, значит, силенку имеет. А ты, может быть, сам упал с коня нечаянно?

Крикун, не видя поддержки, в замешательстве умолк.

— Все это походит на игру, на забавную шутку после вчерашнего тоя, — сказал непринужденно Шолак. — Признайтесь честно, я никого из вас не покалечил сегодня?

— Что и говорить, никого ты не покалечил, но лучше бы поубивал, легче было бы, — ответил кто-то.

— Ответ, достойный джигита. Да не лишит нас бог умения повеселиться. У меня слабое сердце, вот почему я не смог устоять от соблазна увезти эту девушку из вашего аула. Но если вам так не хочется отдавать ее, то отберите ее. Она недалеко отсюда, ждет нас вон там, в долине.

— В общем, мы ведем разговор об обиде, которая

не стоит выеденного яйца, — вразумительно сказал один из старших в группе. — Если бы мы родились такими, как Шолак, то, наверно, поступили бы так же и похитили бы Балхаш. Нечего жалеть ее, пусть Шолак забирает ее с собой без выкупа. За хороший калым мы продадим других девушек из своего аула. А что теперь проку в том, что мы заберем Балхаш обратно? Мы ж не смогли ее вернуть ни силой, ни уговорами. Вернемся одни и скажем, что напрасно гнались за Шолаком.

Никто не стал спорить. Шолак подвел примирителю своего Акбоза, тот сел на него и через некоторое время пригнал своих лошадей.

Солнце взошло. В его ласковых лучах двое молодых людей поскакали по степи навстречу своему счастью.

XII. ГЕРОЙ — СЫН НАРОДА

Земляк Шолака, влиятельный бай Сатыбай, приходился племянником тому жениху, который выплатил калым за Балхаш и намеревался на ней жениться. Жил он в горах Еремейн-Тау и оттуда послал своего гонца к Татыбаю. Гонец объяснил баю, что среди бела дня некий забияка из рода уйсун, живущий в соседнем ауле с Сатыбаем, похитил красавицу невесту. Уйсунов было немного, всего четыре хозяйства в этом ауле, они не могут противостоять могучим местным родам, потому и опираются на сильных кереев, в том числе и на самого Сатыбая.

Сатыбай, узнав о похищении невесты, без промедления послал к Шолаку своего гонца.

— Я привел в свой дом не скотину, а человека, — ответил Шолак, — поэтому не может быть и речи о возвращении Балхаш. Если они хотят забрать ее силой, пусть попробуют, на это их воля.

Когда Сатыбаю передали дерзкий ответ Шолака, он возмутился и тотчас велел собраться нескольким отпетым молодчикам, немедленно ворваться в аул, где живет Шолак, забрать невесту, а заодно прихватить с собой и Шолака.

Весть о решении Сатыбая быстро разнеслась по степи. Услышали об этом и уйсуны, люди мирные, робкие, и пришли к Шолаку.

— Дорогой собрат, ты не должен сидеть сложа руки и ждать, когда наш аул будет разграблен из-за тебя, — заговорили они. — Тот человек, который сватался за Балхаш и уплатил за нее калым, происходит из знатного рода канженгали. По степи разнесся слух, что сейчас оскорбленный жених собирает всех канженгалинцев с пяти волостей. В ближайшие дни множество вооруженных людей нагрянут к нам. Разве ты сможешь один устоять против них?

— Что я должен делать, по-вашему?

— Ты неглупый парень, зачем затевал ссору?

— Поэтому?..

— Ты должен вернуть невесту.

— Нет, этому не бывать. Балхаш они могут забрать только через мой труп.

Соседи знали, что Шолак упрям и переубедить его не так просто.

— Но если ты не хочешь отдавать Балхаш, то постарайся хотя бы собрать своих товарищей и знакомых, которые способны постоять за тебя. Одного тебя сразу сломят, а если будет какой-нибудь отряд, то и родственники жениха будут действовать осмотрительней и благоразумнее.

— Умолять о помощи я никого не буду, — отвечал Шолак. — Если кто-нибудь посчитает нужным помочь мне — сам придет. Кому ты не нужен, того не заставишь и силой помогать тебе. Будь что будет, я останусь дома. «Отступающего врага может победить и женщина», — говорили наши деды. Не хочу отступать, хочу встретить врага с достоинством.

— Смотри, дело твое, но мы считаем своим долгом предупредить тебя. Больше всех тебе достанется, с нас взять нечего, с чем приедут, с тем и уедут.

Шолак не стал скрываться, не стал приглашать друзей на помощь, сидел дома, холил Акбоза и ждал.

Нелегко было родителям переживать это ожидание. Очень волновалась Каламмпыр. Соседи просили ее отвести опасность от Шолака, уговорить его, ведь

он всегда внимал материнским советам, послушается и на этот раз. Но Каламбыр ни о чем не говорила сыну. В ее представлении женщины не должны мешать действиям мужчины, особенно такого, который уже пользуется большой славой и любовью, как богатырь и удалец. Каламбыр гордилась своим сыном, втайне верила в его силу, но все же, оставаясь одна, горько плакала и тревожилась. Иногда ее потемневшая от страха душа озарялась светлой надеждой. Она много слышала о легендарных героях, побеждавших в схватке целое войско, она любила рассказывать о них маленькому Нуржану и мечтала, что ее сын станет таким же батыром. И вот сейчас ее сыну предстояло суровое испытание, схватка с многочисленным врагом. Устоит ли он, выйдет ли победителем?.. Она верила, что победит и выстоит, верила и даже как будто ждала неприятеля с нетерпением, чтобы поскорее убедиться в этом.

А Шолак никого не позвал на помощь. С одной стороны, ему хотелось испытать, проверить друзей, тех, кто на пирушках клялся ему в верности до конца жизни, а с другой стороны — испытать свое мужество и силу. Ему казалось, что настоящего испытания у него еще не было и что только сейчас для него представляется случай.

И вот однажды по степи разнесся слух — едут мстить за украденную невесту пятьсот всадников.

Услышав об этом, Шолак заковал верного Акбоза в железные путы и привязал, чтобы лазутчики ночью не угнали коня. В день, когда враги стали приближаться к аулу, он оседлал Акбоза, надел богатую сбрую с серебряным нагрудником, покрепче затянул подпругу. Сам он надел на себя оставшуюся от деда кольчугу, сапоги с войлочными пайпаками внутри, на голову намотал пять метров белой шелковой ткани, забросив конец ее, длиной в аршин, за спину.

Неподалеку от аула возвышался курган. Мальчишка, дежуривший на кургане как наблюдатель, прискакал в аул к полудню.

— Шолак!.. Шолак!.. — начал вопить он. — Едут! Их очень много, видимо-невидимо!

Каламмпыр поблизости не было. Баймырза сидел дома и чинил сапоги. С того дня, как он услышал, что из-за его сына пятьсот всадников едут грабить аул, он потерял сон и покой, стал рассеянным и, чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, старался чем-нибудь заняться. Крики мальчишки подействовали на него, как удар обуха по голове.

— О! — испуганно вскрикнул Баймырза, выронил сапог и шило и повалился на спину.

В это время вошла Каламмпыр с ведром воды.

— Ах, чтоб тебе! — сказала она по своему обыкновению и бросилась на помощь мужу.

— Дядя, они приближаются! — сноза завопил мальчишка. — Они совсем близко!..

— Сын... Нуржан... — пробормотал Баймырза, приоткрыв глаза. — Что теперь будем делать?

Уложив побледневшего отца, Шолак поднялся. Каламмпыр ужаснулась его вида: глаза сына налились кровью, они, казалось, испускали пламя. Лицо побледнело от гнева, губы вздрагивали. Он быстро поцеловал Каламмпыр, она даже не успела обнять сына. В дверях стояла Балхаш. Шолак стремительно вышел из юрты, будто лев, вырвавшийся из клетки. Сейчас ему казалось, что все вокруг было охвачено жарким пламенем, все было красным. Он вскочил на Акбоза, натянул поводья.

— Возьми свой шокпар! — с криком выбежала за ним Балхаш. — Возьми, он тебя выручит, — продолжала она дрожащим голосом, подавая Шолаку шокпар.

— Он сломается после первого удара, — ответил Шолак. — А если надо будет, отберу шокпар у своего противника. Пусть мне поможет бог вот с этой нагайкой.

С этими словами он поднял плеть, и Акбоз сорвался с места, как молния.

В клубах пыли поскакал Шолак навстречу полчищу своих врагов. Глядя со стороны, можно было подумать, что конь не скачет, а летит, как птица. Белый конец тюрбана развевался за спиной Шолака, как крылья.

Они быстро приближались друг к другу — одинокий всадник и скопище вооруженных людей. Впереди всех скакал неизвестный батыр. Шолак вихрем налетел на него.

— Подставляй свою башку! — вскричал он и сильно плетью ударил в лоб лошадь противника. Лошадь упала. Шолак осадил Акбоза рядом и хотел спешиться, полагая, что сейчас предстоит схватка с этим джигитом, которого, видимо, выслали вперед для единоборства.

Упав, лошадь подмяла всадника, и он, кряхтя, пытался высвободить ногу. Шолак ждал, пока тот поднимется, не желая бить поверженного противника. Между тем топот многочисленных коней все нарастал. Скачущим, казалось, не было ни конца, ни края.

— Шолак, — обратился к нему человек, придавленный лошадью, — помоги мне, Шолак!

И только сейчас Шолак узнал этого юношу, своего товарища из соседнего аула.

— Как ты оказался здесь? — воскликнул Шолак недоуменно.

— Так же, как и ты, — отвечал пострадавший джигит.

— Почему ты скачешь с моими врагами?

— Я никогда не был твоим врагом. Это скачут твои друзья, жители ближних аулов.

— Куда они скачут? — радостно воскликнул Шолак.

— Разве мы можем отдать тебя на растерзание врагу!

— А где сейчас наши враги?

— Вон за тем холмом. Увидев нас, они решили остановиться и подумать. Я ехал позвать тебя, сказать, что мы берем тебя под свою защиту, а ты ударил мою лошадь.

— Прости, я сгоряча, подумал, что ты из вражеского стана.

У лошади была раздроблена лобная кость, она издыхала.

Шолак покраснел от стыда, спрыгнул с Акбоза и подал поводья пострадавшему парню.

— Садись, пусть этот конь будет теперь твоим.

— Что ты, для чего!

— Я плачу тебе своим конем, бери!

— Нет, Шолак, не возьму, — твердо ответил джигит. — Наша дружба стоит больше одной лошади. Я найду себе другую.

К этому времени прискакало множество друзей и заступников Шолака. Они стали очевидцами того, как пострадавший по недоразумению джигит простил Шолаку его ошибку.

Поднявшись на пригорок вместе со всеми, Шолак увидел противника. Не больше сотни всадников нерешительно топтались на месте.

Начались переговоры через представителей с обеих сторон. Сатыбай намеревался жестоко отомстить этому выскочке из рода уйсун, но встретил дружный отпор. Он пытался пристыдить сторонников Шолака, но они не поддавались ни на какие уговоры знатного бая.

В конце концов сошлись на том, что Шолак может оставить похищенную Балхаш у себя, но должен непременно уплатить выкуп, равный тому калыму, который уплатил за нее жених.

Выкуп был уплачен вскладчину друзьями Шолака.

— Поистине оправдала себя народная поговорка: «Герой — это сын народа, дитя его», — долго говорили потом и друзья, и враги Шолака.

XIII. ОПЛОШНОСТЬ

Но несмотря на то, что требование оскорбленной стороны было выполнено, за Шолака внесли выкуп, многие остались очень недовольны дерзким поведением выскочки из рода уйсун.

— Своими действиями он задевает прежде всего тебя, — говорила оскорбленная родня Сатыбаю. — Какие-то несколько несчастных хозяйств уйсунов не дают многочисленным кереям руководить своим родом, как того требуют древние обычаи. Если сегодня он выкрал невесту из нашего аула, то завтра он мо-

жет увезти твою жену, Сатыбай. А ты смотришь на его проказы сквозь пальцы. Нам, в конце концов, наплевать, мы живем далеко от этих мест. Но ты ведь живешь рядом с Шолаком. Возможно, завтра он угонит твой скот, а ты будешь ходить перед ним на цыпочках. Если не взнуздаете этого молодца, будете раскаиваться.

Слова подействовали, Сатыбай призадумался. «Надо избавиться от этого молодчика с помощью какого-нибудь ложного доноса властям, — решил Сатыбай. — Но как это сделать? Шолак пользуется любовью народа. Надо так составить донос, чтобы комар носа не подточил. Обоснованно и правдиво. Только тогда можно убедить большинство и повести всех против Шолака...»

Сатыбай поехал в Кайракты, к своему старому другу Егору Пропадко. Рассказал ему о проделках бывшего батрака, сгустил, разумеется, краски и вскользь коснулся:

— Помнишь, он убил твоего брата? А от наказания увильнул, хитрая бестия! Аульных казахов он не боится. Он в состоянии любого из нас замучить до смерти. Вот я и пришел к тебе за помощью.

— Если бы он совершил какое-либо преступление, — заговорил Пропадко, — то власти его легко арестовали бы. По русскому закону без преступления человека не наказывают. Самое верное — найти момент и покончить с ним раз и навсегда. Мы еще тогда хотели убить его, но, должно быть, кто-то сообщил ему, и он перестал приезжать в наше село. А почему вы сами с ним не расправитесь? В ауле для этого больше возможностей.

— Нет никакой возможности!.. Один или двое-трое его не осилят, а нападать сообща нельзя! К тому же население станет на его защиту.

— А если его тихонько отравить?

— Местные жители узнают, взбунтуются...

— Что же, в конце концов, предпринять?

Решили, что самое уязвимое место Шолака — это Акбоз. Если любимая лошадь его будет в руках Сатыбая и Пропадко, тогда он и сам не уйдет от них.

В одну из ночей Сатыбай должен пригнать всех лошадей своего аула вместе с Акбозом в село Кайракты, чтобы «потравить» посевы. Егор за потраву оставит у себя только Акбоза, остальных лошадей задерживать не будет. Шолак, конечно, прибежит за своим конем. Тут-то ему и придумают кару.

На том и порешили. И через несколько дней все лошади аула Сатыбая с Акбозом были пригнаны во двор к Пропадко.

Хозяева лошадей и Шолак приехали в Кайракты упрашивать вернуть их лошадей, но Егор был неумолим. Вместе с сельским старостой он составил акт на посевы, фактически побитые градом. Получалось, что за погибшие посевы надо отдать по меньшей мере половину всех задержанных лошадей. Егор прежде всего нацеливался на Акбоза.

Хозяева лошадей стали советоваться, как быть. Кое-кто высказался, что следовало бы пожаловаться вышестоящим властям.

— Из этой затеи ничего хорошего не выйдет, — сказал Шолак. — «Ворон ворону глаз не выклюет» — это сказано не напрасно: власти будут поддерживать богатых.

— Что же тогда нам делать?

— Они силой взяли наших коней, и мы силой должны вернуть их.

— Кто может пойти на такой шаг на виду у всего села? К тому же через его забор не всякий перепрыгнет... Это не забор, а каменная крепость. А у ворот злющий волкодав, который может верхового снять с лошади!.. Ко всему этому, захватив чужих коней, они будут сторожить их особенно бдительно. Конечно, охрану поставят не с голыми руками, вооружат как следует. И в первую очередь будут стрелять в тебя!.. Нет, на верную смерть мы не пойдем. Жертвовать собой ради скота не подобает.

— Что же делать?

— Надо ехать в Кокчетав с жалобой, другого выхода нет...

Так, ни до чего не договорившись, Шолак пошел к Павлу Ларионову, своему давнему товарищу, кото-

рий работал писарем в сельской администрации и знал существующие законы. Павел был в родстве с Кургановым и встретил Шолака хорошо. Егора он ненавидел по-прежнему.

— Ты прав, — сказал Ларионов Шолаку. — Власти будут поддерживать Пропадко. Самое подходящее, как ты сам говоришь, это тайком вывести лошадей со двора. Чтобы ослабить подозрение Егора, устройте так, как будто все вы уехали в Кокчетав. Но ты один задержись где-нибудь в лесу, а остальные пусть едут подальше.

— Зачем?

— По двум причинам. Егор может послать наблюдателя, чтобы убедиться, что вы действительно уехали. По дороге ты незаметно отстанешь. Остальные казахи тебе не смогут помочь, наоборот, только будут путаться в ногах...

— Что я один смогу сделать?

— Я позову нескольких русских парней, из тех, кто тебя хорошо знает и дружески относится к тебе. Они в беде не оставят...

Друзья Шолака одобрили этот план. Пустили слух, что они уехали в Кокчетав. Ларионов угадал: Егор послал за ними верхового. Где-то в гуще леса, на повороте, скрывшись от зорко следившего наблюдателя, Шолак спрыгнул с брички, бросился в чащу и исчез...

— Я проводил их через весь бор до самой степи, все без исключения поехали в Кокчетав, — доложил наблюдатель Егору.

«Черт с вами, езжайте, хлопочите сколько угодно», — решил Пропадко и без всякой опаски, закрыв ворота, погрузился в безмятежный сон.

Павел Ларионов сдержал слово. С наступлением ночи к Шолаку пришли помощники — человек двадцать русских парней. Шолак был очень рад этому.

Глубокой ночью они подошли к дому Егора. Село спало. Ночь была темная. Дом Егора огорожен высоким деревянным забором.

— Вы оставайтесь здесь, — обратился к товарищам Шолак, — я полезу во двор, приходите ко мне на

помощь только в случае опасности. Я знаю расположение двора.

— На твоей лошади, говорят, железные путы. Ты снимешь их?

— Сломаю...

— А замки на воротах?

— И их также...

Парни знали, что Шолак вязал толстое железо, как веревку, и мог поднять груз, который не поднимут пятеро.

Товарищи подсадили Шолака на забор. Оттуда он перебрался на сарай. Акбоз стоял привязанный к столбу, остальные лошади сгрудились чуть подальше. Несколько волов лежали и лениво жевали жвачку.

Неожиданно залаяла собака и зазвенела цепью, передвигаясь к сараю по проволоке. Пес был откормленный и огромный, как телок. Перегнувшись сверху, Шолак ухватился за цепь, быстро подтянул ее вверх и ударил рычащего пса каблуком по морде. Собака умолкла, Шолак подвесил полуживого пса к застрехе и спрыгнул во двор. Акбоз, учуяв хозяина, радостно заржал. У Шолака от волнения выступили слезы на глазах. Он уже почти приблизился к верному коню, как вдруг на пути выросло новое препятствие — прямо перед Шолаком появился бык и, опустив голову, с грозным мычанием начал рыть землю копытом.

Шолак знал и прежде, что у Пропадко на редкость бодливый бык, не раз поровший брюхо лошадям, бросавшийся на людей. Ухватив быка за рога, Шолак изо всей силы начал хлестать его по брюху, пока бык не повернул обратно.

На воротах висел замок величиной с лопату. Подняв железный стержень, Шолак сумел свернуть серьгу замка. Затем, вернувшись к Акбозу, он тем же приемом освободил его от железных пут и вывел со двора.

Все прошло благополучно. Однако Шолак не ограничился тем, что вывел свою лошадь, он выгнал со двора всех лошадей, которые там были, а также и всех до единого медлительных волов.

За воротами его встретили друзья и помогли без криков и суматохи выгнать скотину на край села. На

окраине товарищи посоветовали ему гнать скот до Менреу, густого лесного участка.

— Там тебя не только Егор, а сам черт не найдет, — заверили они на прощанье.

Шолак поблагодарил парней за помощь и погнал скотину к Менреу. К утру он уже добрался до укромного местечка, где можно было передохнуть. Он посчитал волов — их оказалось восемьдесят. Все крупные, породистые, с огромными рогами.

В это время неподалеку от Менреу остановилось другое стадо волов — это акмолинские купцы гнали свой скот на Петропавловский мясокомбинат. Шолак сумел продать им своих волов по сорок рублей за каждого. Оставив себе немного денег, он большую часть выручки передал в свой аул. И чтобы избавить себя и других от нападок разгневанного Пропадко, Шолак уехал на ярмарку в Атбасар.

XIV. ГАЛИЯ

Сизая кряква ищет чистых озер.
Вспомню тебя, и в сердце горит костер.
Голос я твой, Галия, пью, как вино:
Каждый глоток живителен и остер.

Песня Балуан-Шолака

По дороге к Омску, на пути продвижения царских колонизаторов, в 1854 году началось строительство Атбасара, казачьего военного пикета. В этих местах кочевали многочисленные представители рода аргын, подроды куандык, суйиндык, бегендык, шегендык, козган и коксал. У них было множество скота и особенно лошадей. Известный в свое время поэт Култума воспевал богатства баев Аккошкара и Сайдалы, говорил, что каждый из них пригонял к озеру на водопой по сорок тысяч лошадей.

Когда в малоизвестный казачий пикет на первую ярмарку привели несколько десятков тысяч лошадей, пикет с того времени стал именоваться Атбасаром, что в переводе означает Лошадиный базар.

Расположился городишко на берегу Ишима, в месте впадения речек Керегетас и Жабай.

Когда Шолак прибыл на ярмарку, участок на стыке трех рек буквально кишел от множества лошадей.

В те времена все увеселения происходили в основном на ярмарках и базарах. Недаром в народе говорится: «Дом с детьми — веселый базар, дом без детей — кладбище».

Шолак сразу оказался в центре внимания Атбасарской ярмарки.

Талантливый импровизатор, шутник и насмешник, лихой наездник и редкостный силач, он сразу стал кумиром всей ярмарки, и, где бы ни появлялся, всюду за ним валом валил народ. Он, как магнит железо, притягивал к себе людей. Издали, по густой толпе можно было заметить, что именно там сейчас и находится неистощимый на выдумки Шолак.

Однажды на берегу речки Керегетас Шолак заметил несколько белых юрт и спросил у своих попутчиков, что это за юрты, кому они принадлежат.

— Там торгуют кумысом и вареной бараниной.

— Зайдем? — предложил Шолак.

— Если заходить, то надо обдумать сначала, в какую именно юрту. В одной из этих юрт продает кумыс молодуха, бойкая, большая шутница, со славным характером. Муж у нее скромный, тихий человек, всеми делами заправляет жена. Зовут ее, кажется, Галия. Она любит веселую компанию, а кумыс готовит лучше всех.

Шолака подвели к юрте, белый войлок которой был украшен фигурными нашивками из красного сукна. Когда всадники спешились и начали привязывать лошадей, из юрты вышла молодая женщина в белом шелковом платье, в красной безрукавке, обшитой позолоченным позументом, в сапожках на высоких каблуках. В ушах ее были крупные золотые серьги. Она приостановилась, заметив подъехавших, пристально оглядела их и быстро вернулась в юрту.

— Она! — сказал кто-то.

— А почему она вернулась, а не встретила гостей?

— Возможно, на нее кто-то подействовал? Наверно, есть какая-то причина.

— Она испугалась Шолака...

— Ну, что бы там ни было, зайдем в юрту и попросим кумыса.

Оказалось, что, вернувшись в юрту, молодая женщина подняла всех сидящих за кумысом и разостлала посредине юрты совершенно новое пестрое одеяло.

— Интересно, кому готовится такой шикарный прием? — спросил кто-то шутливо.

Другой шутник со словами: «Это, конечно, для меня новое одеяло, оно мне нравится, хорошо!» — попытался было сесть, но его остановил пожилой мужчина:

— Довольно болтать, разве не видишь, для кого приготовлено это место?

В это время уже вошел в юрту Шолак с товарищами.

— Для кого? — недоумевал шутник.

— Для деда твоего.

Все обратили внимание на Шолака, выделявшегося своим ростом и видом. Многие уже знали его, поэтому Шолака приветствовали стоя. Молодая женщина скромно стояла возле чаши с кумысом. Она продолжала стоять и тогда, когда гости начали рассаживаться. По обычаю, женщина не должна садиться, пока не сядет самый уважаемый ею человек. Прибывшие расселись вокруг низенького круглого стола, на котором стояли пиалы с кумысом, лежала жирная конская колбаса и копченое мясо.

Молодая женщина продолжала стоять в отдалении.

— Какая она стала робкая и молчаливая, — заговорили вокруг. — Определенно Шолак на нее повлиял.

«Где же я ее видел? — раздумывал между тем Шолак. — Определенно мы где-то с ней встречались...»

По-прежнему не говоря ни слова, молодая женщина налила кумыс в две чаши: первую подала Шолаку, а вторую его соседу. И только теперь Шолак

узнал ее: на поминках Токсанбая, когда Шолак победил Буру, эта женщина вышла из толпы и набросила на его плечи полосатый халат.

«Вот так встреча! — подумал Шолак, неотрывно глядя на молодую женщину. — Теперь я вспомнил, ее действительно зовут Галия».

Устав за день, Шолак мечтал выпить кумыса полный суйретге — десятиведерный бурдюк. Но сейчас, глядя на Галию, он отпил только полчаши и отставил ее.

Знакомятся за столом быстро. Вскоре все знали, что за гость пожаловал в юрту, и стали просить Шолака спеть что-нибудь. Обычно Шолак не заставлял упрашивать себя. Но сейчас он явно стушевался, замялся, и было такое впечатление, что он вообще не певец и слава его дутая.

— Я устал, — сказал Шолак и отложил домбру. — Сегодня весь день ездил верхом, устал, не обижайтесь на меня, что-то не могу петь.

В груди его звучал какой-то новый, чудный мотив, но пока он еще не мог найти себе выхода. Шолак молчал.

Сидевшая у двери молодежь начала подозрительно перешептываться:

— Говорят иногда, что птица большая, как орел, а на самом деле посмотришь, а она маленькая, с кулачок...

— Шолак, Шолак! Он только с виду такой. А на самом деле ничего интересного в нем, оказывается, нет...

— Не суди сразу, с первого взгляда можешь ошибиться, — тихонько вмешался кто-то из старших. — И не забывай, что красивая женщина всегда действует на мужчину. Мужчина как будто пьянеет рядом с ней и теряет власть над собой. Ты разве не видишь, что Галия покорила его с первого взгляда?..

— Я заметил, — откликнулся третий зевака, — что Шолак, как только вошел, так глаз не сводит с Галии.

— Они, наверное, знают друг друга давно, — предположил четвертый. — Не может быть, чтобы такого

батыра, как Шолак, можно было сразить с первого взгляда...

— Посмотрим, однако, чем все это кончится...

Между тем Галия уже поняла, что Шолак смотрит на нее неспроста и что молодой богатырь, пожалуй, влюблен в нее.

Галия родилась и выросла в Акмолинске, в семье бедного горожанина Тилеу, работавшего на бойне. Она была единственным ребенком в семье и росла, не зная забот. С детства она получила неплохое воспитание, научилась играть на гармонике, знала много народных песен и неплохо их исполняла. В городке она пользовалась репутацией хорошей исполнительницы. Если раньше в доме Тилеу бывали только родные и близкие знакомые, то с того времени, как подросла Галия, сюда, в невысокий, невзрачный с виду домик, все чаще и чаще стали наведываться мурзы из аулов, знатные молодые богачи из Акмолинска. Многие сватались за Галию, были среди них и женатые. Аульные мурзы предлагали отцу много скота, городские — много денег. Но Тилеу не торопился с ответом, рассуждая про себя: «Пусть она еще подрастет, поумнеет, некуда нам особенно спешить. Пусть сама выберет себе человека по сердцу, а я уж и без богатого калыма как-нибудь проживу...»

За нее продолжали свататься, но отец молчал, не давая согласия. Сама Галия легко отбивалась от поклонников, никто не мог заполнить ее сердце.

Мало-помалу незадачливые ее поклонники, которым надоели отказы, стали обливать грязью непокорную девушку в отместку за отказ, начали хвастать друг перед другом тем, что им удалось покорить Галию.

Грязные слухи дошли до матери Галии, и она со слезами начала упрекать мужа: «Это по твоей вине дочь сидит в невестах, из-за тебя про нее пускают всякие небылицы!..»

Отец был немало огорчен нелепыми сплетнями, но отдавать Галию за нелюбимого человека все-таки воздерживался. В конце концов, раздосадованный притязаниями женихов, Тилеу через посредника просил

передать дочери, что он был бы не прочь, если бы она связала свою судьбу с торговцем кумысом по имени Биржан. Биржан, скромный молодой человек, имел немалое состояние; к тому же родители Галии были в преклонном возрасте, пора бы уже старикам обзавестись такой родней, с которой можно было без бедности скоротать свой век.

Посредник передал Галии просьбу отца и уговаривал подумать о том, что счастье само плывет ей в руки и не надо от него отказываться.

Галия и без того не раз задумывалась о своем будущем. Замуж она собиралась за особенного джигита. Дело в том, что Галия училась в мусульманской духовной школе и много читала. Ей особенно нравилось читать про любовь. Со страниц книги вставали перед глазами восторженной девушки легендарные богатыри, и она влюблялась в них. Но, к сожалению, настоящие богатыри были только в книгах, а в жизни она встречала людей обыкновенных, которые не волновали сердце девушки. Постепенно ей стало казаться, что любовь существует только в книгах, что никогда ей не суждено встретить того, о котором она мечтала с детства, и что надо смириться... К тому же назойливые сплетни отвергнутых женихов терзали душу.

«Что делать?» — раздумывала Галия, узнав о просьбе отца. Если отказать Биржану, значит, обидеть родителей. Если согласиться на замужество, значит, обречь себя на скучную, тоскливую жизнь с нелюбимым человеком. Она считала, что они с Биржаном не пара. Но где ей найти того, которого она ждала в своих девичьих грезах?..

И Галия согласилась выйти замуж за Биржана.

Обрадованный отец поставил перед женихом единственное условие:

— Она одна у нас. С малых лет Галия росла в семье, не зная забот, я не отказывал ей ни в чем, она веселилась, сколько хотела, посещала праздники, развлекалась. Когда она переедет в твой дом, не превращай ее в рабыню, не привязывай к кухонному очагу. Ты торгуешь кумысом, напитком веселым, пусть и

моя дочь занимается тем же. Не запирай ее в доме, бери ее всюду с собой, пусть она ездит по базарам и ярмаркам, видит жизнь, торгует кумысом, ибо там, где кумыс, там и радость.

Биржан обещал выполнить это условие Тилеу.

Вскоре отпраздновали свадьбу, и Галия переехала в большой деревянный дом Биржана. В доме было четыре комнаты. С приходом в него Галии все прежние друзья Тилеу стали тоже посещать этот дом по праздникам. И если раньше мачеха Биржана торговала кумысом не очень бойко, то теперь, когда стала торговать Галия, сразу увеличилась прибыль. Галия сама разливала и разносила кумыс, и местные жители находили, что кумыс, выпитый из рук Галии, особенно вкусен.

В девушках Галия была стеснительной и малоразговорчивой, но, как только вышла замуж, научилась вести веселую и непринужденную беседу, стала смелее шутить со всеми, от прежней ее застенчивости не осталось и следа. Джигиты, приходившие пить кумыс, всегда оставались довольны приемом, который им оказывала молодая хозяйка. К тому же Галия часто пела гостям, сама себе аккомпанируя на гармонике, и тем самым еще больше радовала любителей кумыса.

Хотя Биржан и был хозяином в доме, но фактически всеми делами заправляла Галия. Те, кто еще сохранил злобу на нее, иногда сплетничали Биржану, что его молодая хозяйка изменяет ему то с тем, то с другим. Биржан верил, следил за женой, но заговорить с ней на эту тему не осмеливался.

Галия не любила мужа, но, покорная своей судьбе, она изменять ему и не думала, строго блюла супружескую верность. «Я до сих пор не встретила своего возлюбленного, — думала не раз Галия. — Так зачем я буду менять одного нелюбимого мужчину на другого, столь же нелюбимого?..» Она была довольна своим образом жизни и теми радостями, которые приносила ей торговля кумысом, постоянное общение с людьми.

В те годы в прежних границах Акмолинской и Семипалатинской областей ежегодно проводились три

знаменитые в свое время ярмарки: Кояндинская, Таинчинская и Атбасарская. На эти ярмарки приезжали купцы издалека, казахи собирались за тысячи километров, бывали также русские купцы из Петербурга, скотопромышленники из Ташкента, Кульджи и даже из Владивостока.

После замужества Галия непременно выезжала на все ярмарки. Биржан к тому времени скупал целыми косяками дойных кобылиц, ставил юрту с роскошным убранством и до последних дней ярмарки торговал кумысом. Можно было подумать, что на торговле кумысом в горячие ярмарочные деньки Биржан мог бы набить потуже мошну, но этого все как-то не случалось. Бедности, разумеется, в доме не чувствовалось, но особого богатства тоже не ощущалось. Впервые в жизни Галия побывала на Таинчинской ярмарке, в местечке между Акмолинском и Петропавловском. На поминках Токсанбая она оказалась именно по той причине, что как раз ехала мимо на ярмарку.

В тот памятный день она подарила Шолаку халат отнюдь не потому, что почувствовала вдруг любовное влечение к юноше. Просто она очень волновалась за молодого борца, который рядом с великаном Бурой выглядел птенцом. Когда Бура закружил молодого соперника, Галии показалось, что у нее самой закружилась голова от сострадания. Она очень жалела юношу, и когда тот грохнул толстяка о землю, она вскрикнула от радости. Взволнованная, побежала к своей бричке, открыла большой сундук и выхватила оттуда роскошный шелковый халат, привезенный из Ташкента.

Позже она узнала, что юного богатыря зовут Нурмагамбетом и что местные жители прозвали его Шолаком. На обратном пути она просила Биржана заехать в аул, где живет знаменитый борец, но Биржан, тайно ревнуя, сказал, что аул Шолака находится в стороне от дороги.

Позже Галия не раз вспоминала Шолака и тайно желала встречи с ним. И вот судьба улыбнулась ей — Шолак сам пришел к ней в юрту. Она и раньше слышала о его появлении на Атбасарской ярмарке, но ей,

как женщине, неудобно было разыскивать его. Она только изредка выходила из юрты и высматривала — нет ли поблизости того желанного богатыря.

Ждала, верила, что он появится, — и он появился!

Галия узнала Шолака сразу, несмотря на то что он пополнел со времени их первой встречи на поминках. И сейчас, когда он сидел в юрте и когда она посматривала украдкой на него, тлеющее в ней чувство разгоралось все ярче и ярче.

XV. ПУЛЯ И БОГАТЫРЯ СВАЛИТ

Конь пришел на базар, лысолоб, саврас.
Сбруя черненая, шелк, шитье, атлас...
Ну-ка, давай, впряжем его. Галия,
Сядем с тобой, любимая, в тарантас!

Песня Балуан-Шолака

На большой дороге вдоль речки Ишим скачет по направлению к Атбасару запряженный в легкую коляску иноходец. Возле ярмарки на него обращает внимание толпа. Да и нельзя не заметить красавца иноходца.

— Чья упряжка, кто там скачет? — спрашивали одни.

— Разве трудно узнать? Это Шолак.

— Откуда у Шолака такой иноходец?

— Вчера на ярмарке появился купец из Челябинска. Он привел этого саврасого иноходца. Я уже старик, много повидал на своем веку красивых лошадей, но такой не видывал.

— Зачем же хозяин продал его?

— Затем, что купцы верхом не могут ездить. Им надо обязательно в тарантасе. А иноходец почему-то не стал ходить в упряжке. Вот купец его и продал Шолаку.

— За сколько?

— Говорят, за двести рублей!

— Шолак, наверное, с ума сошел! За такую сумму можно купить десять лошадей!

— Жалко ли ему дармовых денег, — заметил кто-то. — Он из села Кайракты прошлый раз увел восемьдесят волов. И всех продал. Вот теперь и явился на ярмарку с кучей денег.

— Кстати, вместе с саврасым он купил и коляску.

Долго обсуждали на ярмарке это событие. Одни удивлялись тому, что Шолак не пожалел столько денег, другие тому, что ни разу не ходившую в упряжке лошадь Шолак тут же запряг и разъезжает на ней.

— Этому нечего удивляться. Шолак — не человек, а дьявол, ему любая лошадь сразу подчиняется...

— А кто это рядом с ним в коляске сидит?

— Галия.

— Что за Галия?

— Жена Биржана, торговца кумысом из Акмолинска.

— Значит, Шолак не только лошадей, но и чужих жен приручает.

— О, это сложная история...

Пока люди переговаривались, коляска с седоками скрылась.

...Вот уже третий день разъезжают по ярмарке вместе Шолак и Галия.

В первый день Шолак подумал, что Галия легкомысленная женщина и охотно пригласит его к себе домой, тем более что муж ее уехал куда-то по срочному делу. По аульному обычаю, если молодая женщина открыто оказывает внимание джигиту, этого уже достаточно для того, чтобы ночью, без особого сговора, он пришел к ней. Шолак так и поступил. Подъехав к юрте Биржана, он оставил Акбоза в кустах, а сам пошел искать Галию. Откуда ни возьмись, перед ним появилась женская фигура, с головы до ног закутанная в халат, и стала на его пути.

— Ты кто? — спросил удивленный такой смелостью Шолак.

— Я Галия, — ответила женщина, открывая лицо.

— Ах, это ты! — воскликнул Шолак и как пушинку поднял ее на руки и понес дальше от дороги, в заросли тальника.

Галия не противилась, молчала и, только когда он положил ее на траву, шутливо спросила:

— Ну что, волк, ягненок оказался жирным?

— Какой ягненок? — изумился Шолак.

— Ночью, когда аул погружается в сон, волк пробирается во двор и уносит ягненка. Так и вы со мной поступили сегодня.

Шолак не знал, что ей ответить.

— Я пришла к вам, Шолак, хочу поговорить. Вы сможете выслушать три моих просьбы?

— Почему же не смогу!.. Говори.

— Вас не зря зовут богатырем, надеюсь, что вы сможете выполнить мои просьбы, — с легким вздохом продолжала Галия. — Первая просьба — не верьте тем выдумкам, той клевете, которую на меня возводят. Вторая — будьте мне преданным, верным другом. И третья — до конца ярмарки оставайтесь жить в нашей юрте.

Шолак призадумался. Ничего себе просьбы! Не так-то просто их выполнить! Как же не верить слухам, если каждый встречный говорит, что Галия липнет как банный лист к любому мужчине? И вторая просьба: быть другом. Легко сказать! Друг — это ведь очень много значит, это слово на ветер не бросают! Не зная человека, как можно назваться его другом?

И, наконец, как он может жить в юрте Биржана? Пусть даже тот трусливый человек, но ведь он муж, у него должна быть хоть капля мужского достоинства, ведь он глава семьи. В меру своих сил муж будет высказывать недовольство и будет прав, если выгонит Шолака из своей юрты... К чему это может привести? Разве мало у Шолака врагов без Биржана? Против Шолака справедливо поднимутся все друзья и родные Биржана, что тогда?

Шолак долго не отвечал Галии.

— Если вы не в силах выполнить все мои просьбы, я обижаться не буду, — сказала Галия, убирая руку с плеча Шолака.

Видно было, что она недовольна его молчанием, и поэтому Шолак рассказал ей о своих сомнениях.

— Больше меня никто не знает Биржана, — пере-

била его Галия. — Он в моих руках. Сегодня я нарочно отправила его в поездку с таким условием, чтобы ночь провести наедине с вами.

— Но как ты могла узнать, что именно сегодня я приду к тебе? — шутливо спросил Шолак.

— У мужчин сердечные тайны шиты нитками. Когда вы уходили из юрты, я по глазам поняла, что вечером вы придете ко мне.

— Ну, хорошо, допустим, ты угадала, что я приду. Но вернемся к мужу. Нельзя же так грубо оскорблять его. Ведь мое пребывание в доме будет для него оскорблением.

— Что же тогда делать, встречаться украдкой? Но вас нельзя скрыть от людей, вас все знают. Даже темная ночь вас не скроет. Вы как луна среди звезд. Вы можете никого не видеть, а вас видят все.

— Что же делать? — спросил Шолак, опьяненный словами Галии.

— Есть еще один путь, — заискивая, продолжала Галия, — но вы вряд ли на него согласитесь.

— Какой?

— Вам надо развестись с женой и сойтись со мной.

— А ты бы развелась со своим мужем?

— Я бы — да.

Шолак долго не отвечал. Эта женщина в один вечер несколько раз ставила его в затруднительное положение своими вопросами.

— Ты погорячилась, ты не можешь разойтись с мужем, просто так сказала, не подумала.

— А что вы можете предложить — встречаться тайком? Если вы считаете меня достойной парой, то я не хочу тайной связи, пусть все знают.

— Хорошо, как мы это сделаем? — недовольно спросил Шолак, тоном своим давая понять, что спор затянулся и пора бы его кончать.

— Вы купите хорошую лошадь и коляску со сбруей. Мы вместе будем разъезжать по ярмарке, петь песни и играть на гармонике. И публика будет довольна, и мы будем всегда вместе. Я уверена, что муж согласится на это...

Они не знали, что в ту ночь был у них третий сви-

детель этого разговора. И не кто иной, как Биржан. Когда Галия посылала его в отъезд, он сразу почуял недоброе, но только не подал виду. Отъехав на некоторое расстояние, он спутал коня, пустил его пастись, а сам в темноте пробрался к своей юрте и выследил Галию. Он слышал весь разговор, сидя в зарослях тальника. И хотя, кроме разговора, ничего между влюбленными не произошло, сам разговор пришелся не по душе Биржану. Спугнуть сразу Шолака у несчастного мужа не хватало смелости. Поэтому он решился на уловку. Быстро вернувшись к своему коню, он сел в седло и поехал к своей юрте, как раз неподалеку от того места, где лежали Шолак и Галия.

— Мой хозяин приехал! — встрепенулась Галия, негодуя и одновременно радуясь.

Негодовала она на мужа за то, что приехал он раньше времени и лишил ее возможности провести ночь в объятиях Шолака. А радовалась тому, что, вернувшись, муж все-таки избавил ее от греха. Мысли об измене тревожили ее.

Лежа в постели рядом с мужем, Галия долго уговаривала его не перечить ей и разрешить вместе с Шолаком ездить по ярмаркам и веселить людей. Ведь Биржан давал слово ее отцу никогда не отказывать ей в удовольствии повеселиться.

— Я тебе даю обещание сохранить супружескую верность, а ты мне обещай отпустить меня с Шолаком...

Привыкший исполнять все требования жены, Биржан согласился не перечить, только робко оговорился:

— Что скажут люди? Ведь ты моя жена, а разъезжаешь по ярмарке с другим мужчиной?..

— Люди всегда болтают, им глотку не заткнешь. И раньше болтали. Самое важное, что мы верим друг другу. Ты мне веришь?

— Конечно, — уныло ответил Биржан, хотя в душе совсем не верил жене.

Но он не мог обидеть Галию своей ревностью, он любил ее и не хотел потерять.

Как хорошо жилось Биржану, пока не появился

разлучник Шолак, не человек, а лев. То, что попало ему в руки, уже невозможно вырвать. Биржан подозревал, что Галия уже попалась в лапы этому зверю, но высказать свои опасения вслух побоялся.

Когда наутро Галия сообщила о разрешении Биржана, Шолак удивился:

— Он у тебя, оказывается, молодец! Может быть, мы возьмем и его с собой на прогулку? Он такой великодушный человек!

— Он не согласится.

— Почему?

— Он не особенно любит всякие увеселения.

Но Шолак все-таки пригласил Биржана в свою коляску, чтобы проехаться по ярмарке. Биржан ответил отказом, как и следовало ожидать, сказал, что не любит развлекаться и что пусть они поезжают с Галией вдвоем.

Едва коляска отъехала, как в душе оставленного мужа снова взыграла ревность. Он не мог сидеть спокойно и тотчас же поехал к давнему своему другу Успану, крупному баю и волостному управителю. Биржан уже бывал у Успана раньше и высказывал ему свои опасения насчет Шолака.

— Если волк завоет — это не к добру, — сказал ему в прошлый раз Успан. — Если волк завыл, значит, кого-то съест. Если Шолак обратил внимание на твою жену, значит, тебе несдобровать. Он будет преследовать твою жену, пока не съест ее!

Когда Биржан рассказал об их решении разъезжать по ярмарке, Успан коварно усмехнулся:

— Теперь ты от него очень легко избавишься.

— Как?

— Потом узнаешь. Сейчас главное — не мешай им гулять.

— А если они под видом прогулки вообще сбегут от меня?

— Шолак никогда не нарушает своего слова. Он не сбежит, можешь мне поверить. Если сказал, что вечером будет у тебя, значит, так и сделает.

Друзья договорились встретиться завтра и обо всем поговорить.

Смысл загадочных слов Успана «потом узнаешь» сводился, в общем, к следующему. Накануне сам уездный начальник вызвал к себе волостных управителей, съехавшихся на ярмарку, и сообщил, что вор, укравший волов у Егора Пропадко, нашелся. Это не кто иной, как Нурмагамбет Баймурзин, по прозвищу Шолак. Сейчас он появился на ярмарке, но задержать его будет трудно, потому что за него может заступиться народ. Уездный начальник просил волостных придумать способ поимки вора, но никому не разглашать этого поручения. Волостные обещали выполнить его просьбу. Вот почему сообщение Биржана о связи Шолака с его женой пришлось по душе Успану, появилась возможность выслужиться перед начальством.

«Я сообщу уездному, что лучше всего задержать его на прогулке, когда народу вокруг не будет», — думал Успан. Об этом он не сказал даже Биржану, боясь, что тот разболтает.

План Успана был принят. В тот же день уездный начальник выделил казачью сотню для поимки Шолака на дороге, и приказал задержать вора во что бы то ни стало.

...Саврасый легкой иноходью мчался по пустынной дороге. В коляске сидели Шолак и Галия. Шолак пел, Галия играла на гармонике. И тут из-за поворота неожиданно вылетела казачья сотня, мигом окружила коляску. Казаки спешились.

— Что случилось? — воскликнула Галия дрожащим голосом.

— Ничего, — успокоил ее Шолак, — ведь мы этим людям никакого зла не причинили...

Но прежде чем говорить, что же произошло дальше, необходимо сказать читателю несколько слов об этой сотне. Она постоянно располагалась в Айдаболе, неподалеку от Кокчетава. Впервые казаки появились в этих местах еще в 1739 году, когда хан Аблай дал присягу в верности России. Сотня находилась при ханской ставке «для охраны порядка». Умер хан Аблай, умер его сын хан Уали, но сотня по-прежнему «охраняла порядок» в степи. Каждый год сотня непременно появлялась на ярмарках и была тут с пер-

вого до последнего дня. Рядовые в сотне менялись довольно часто, но командовал ею несколько лет один и тот же человек: высокого роста, сутуловатый, худощавый. Он родился в этих местах, потомственный казак, из станицы неподалеку от Айдабола. Из той станицы, надо сказать, вышло немало казачьих атаманов и крупных богачей. И русские, и казахи звали этого седовласого атамана по имени — Захар, а казахи еще и по кличке: Коктеке, что означало Серый козел.

Коктеке с казахами разговаривал на языке кулака и нагайки. И те, кто испытал его кулак на себе, говорили, что он у него тверже камня. Он был нечист на руку, с любого требовал взятку. Его скотину пастухи пасли бесплатно. Казахов он не любил и любого встречного казаха мог ни за что ни про что избить.

О жестоком Коктеке Шолак слышал давно и не раз в гневе восклицал: «Эх, встретиться бы с ним один на один!»

Теперь желание Шолака сбылось — он встретился с Коктеке. Но, к сожалению, не один на один, а один против сотни вооруженных винтовками.

В свою очередь слухи о Шолаке доходили и до Коктеке. Но слухи эти были почти легендами, и Коктеке мечтал встретить Шолака, как сказочного героя.

Растолкав окруживших коляску казаков, Коктеке подошел к Шолаку и заговорил с ним на ломаном казахском языке:

— Ты чей сын?

— Я — Шолак!

— А-а... Слыхал, слыхал... Ты большой казах, здоровый. Куда едешь?

— На ярмарку.

— Тебя приглашал уездный начальник.

— У меня нет к нему никакого дела.

— Зато у него есть к тебе дело, — повысил голос Коктеке.

Шолак, все еще не думая о серьезности своего положения, хотел было повернуть лошадь, но Коктеке ухватился за вожжи.

— Отпусти! — потребовал Шолак и дернул вожжи.

Коктеке схватил его за руку. Тогда Шолак, не раздумывая, ударил его в грудь. Атаман упал на спину. Шолак полоснул плетью иноходца, тот рванул мимо испуганно отпрянувших казаков. Но Галия вылетела из коляски, и Шолак осадил коня.

— Уезжай скорее! — закричала Галия. — Не попадайся им в руки! Уезжай без меня!

Лошадь снова рванула вперед, но тут раздалась команда:

— Огонь!

Грянул недружный залп. Саврасый упал, коляска перевернулась, Шолак отлетел в сторону.

— Ага, убился! — крикнул кто-то, подбегая к Шолаку.

Пока Шолак поднимался, его окружили плотным кольцом. Казаки были вооружены, раскидать их в стороны было невозможно. Пуля и богатыря свалит...

Шолак поднялся, молча повернулся спиной к казакам, молча подал руки — вяжите.

На другой день на Шолака надели кандалы, усадили в крытую повозку и в сопровождении полусотни отправили в Кокчетав.

Друзья Шолака в нескольких местах устраивали засаду, пытаясь освободить его, но каждый раз натыкались на неумолимый винтовочный огонь. Попытки освободить Шолака ни к чему не привели. Друзья тоже убедились, что против пули не пойдешь...

XVI. В ТЮРЬМЕ

Шолака привезли в Кокчетав и водворили в тюрьму, в одиночную камеру. Здесь было мрачно даже днем, свет еле проникал сквозь зарешеченное маленькое оконце под самым потолком. К грязной серой стене была привинчена железная кровать, на ней рваное одеяло и жиденький, набитый соломой матрац. В углу висела керосиновая коптилка.

Шолак заметался по камере, как лев в клетке. Что теперь делать? Тяжело было ему, привыкшему к вольному степному простору, оказаться в четырех каменных стенах. Шолак сел на койку, глянул на дверь, сделанную из толстых досок. Потом поднялся, подошел к двери, ударил несколько раз по ней кулаком и сразу вышиб доски. Шолак вышел из камеры со вздохом облегчения, но тут же увидел, что к нему по длинному коридору бегут два надзирателя с винтовками. Опять винтовки!

Шолак не стал противиться, когда его повели в другую камеру. Здесь было полно арестованных: кто сидел, кто лежал, трудно было пройти, чтобы не наступить кому-нибудь на голову, на руку, на ногу... В камере было сумрачно, лица у всех были серыми, наподобие тюремных стен. Шолака сразу окружили, стали расспрашивать, откуда он, за что попался. Шолаку было не до разговоров. Пригорюнившись, он молча рассматривал своих новых соседей. Все они были измождены и оборваны, как видно, сидели здесь долго. На Шолаке была добротная и красивая одежда. Вот почему незнакомый верзила бандитского вида, подойдя вплотную к Шолаку, потребовал:

— Сними одежду!

— Зачем? — изумился Шолак.

— Поносил — хватит. Теперь наша очередь. Снимай!

— А я что, голый буду?

— Наденешь наши ремки.

Шолак огляделся. Тесным кольцом стояли вокруг него уголовники. «Что же они задумали?» Шолак сделал еще более удивленное лицо и спросил:

— Да вы в своем уме? Какой дурак станет отдавать хорошую одежду и брать плохую?

— Снимай, тебе говорят, — повторил верзила и уже начал было силой сдирать халат с плеч Шолака.

— Не сниму! — выкрикнул Шолак.

На него навалились, он начал сопротивляться, как умел. Силой здорового, не изможденного неволей человека он разбросал арестантов по сторонам. Они отлетали от него, как щепки.

— А ну, кто еще смелый! — воскликнул Шолак, разозлившись, готовясь к очередной схватке. — Подходи!

Смелых не было.

— Смотри, силенка! — с удивлением заговорили вокруг. — Ты откуда, парень, как тебя звать?

— Я Нурмагамбет Баймурзин. В народе меня зовут Шолак, — с достоинством ответил Шолак.

— Нурмагамбет! — выкрикнул кто-то из угла камеры.

И не успел Шолак припомнить, чей это голос, как уже кто-то крепко обнял его. Испугавшись, что это новое нападение на него, Шолак хотел было отбросить арестанта, но тот предупредил:

— Нурмагамбет, это я, Андрей Курганов!

Да, это был голос Андрея Курганова. Но как трудно было узнать Андрея, молодого друга, в этом бородатом, оборванном человеке!

Они крепко обнялись, и Шолак горько заплакал.

Оказалось, что, сосланный в Сибирь, Андрей бежал оттуда. Его поймали и снова посадили в тюрьму. Он долго рассказывал о своих злоключениях. Друзья до утра не спали...

XVII. ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ

Шолак пробыл в тюрьме около месяца. Его друзья, приехавшие следом в Кокчетав, ограничивались тем, что носили в тюрьму передачи. Вызволить друга из неволи они были не в силах. Шолак был благодарен друзьям за внимание, но его сильно огорчало то, что со времени ареста ни отец с матерью, ни брат Толебай, ни жена Балхаш не приходили с передачей. И вообще от них не было никаких вестей.

«Что с ними? — недоумевал Шолак. — Неужели они до сих пор ничего не знают о моем аресте? Вся степь знает, а они нет. А если знают, то почему не

едут сюда? Может быть, потому, что народ они простой, из глухого аула, боятся ехать в город. Но если бы боялись, то могли, сидя в ауле, принимать какие-то меры, чтобы выручить меня. Наверно, Балхаш услышала, что я увлекся Галией, и теперь ревность ослепила ее...»

Когда Шолаку вязали руки на степной дороге, Галия крикнула, что обязательно приедет за ним в Кокчетав. Но и от нее нет до сих пор никаких вестей. Все как будто сговорились.

«Я верил Галии, она сама говорила о преданной дружбе, почему же она не выполняет своего обещания? Дальний путь для нее не в диковинку, могла бы приехать. Или удерживает, бедняжку, ревнивый муж?..»

Предположения Шолака в отношении Галии были близки к истине.

В тридцати верстах от Акмолинска, возле озера Майбалык, жили казахи из рода аргын, подрода агыс. Жил среди них некий Кордабай, человек состоятельный, молодой джигит, всегда готовый украсть коней у соседа или устроить барымту. Он был один из отвергнутых женихов Галии, предлагал когда-то за нее огромный калым, но Тилеу отказал Кордабаю. После замужества Галии он продолжал ее преследовать, не раз предлагал тайное сожительство, обещал дорогие подарки. Галия была далека от мысли связаться с Кордабаем, но упорное внимание богатого, известного джигита льстило ей.

Перед началом Атбасарской ярмарки Кордабай узнал, что Галия едет туда торговать кумысом, и решил на этот раз непременно овладеть этой женщиной.

Сам Кордабай прибыл на ярмарку с пятнадцатью кобылицами, украденными в Каркаралинском уезде. Он сумел встретить Галию и Биржана на пути в Атбасар, присоединился к ним и всевозможными намеками дал понять Галии, что все пятнадцать кобылиц пойдут на развлечения с ней. Галия никогда не отказывалась от подношений своих поклонников и всегда признавалась мужу, кто и что ей подарил. Кордабай

на этот раз особенно распалился, ему показалось, что Галия обнадеживающе кокетничала с ним в дороге.

Чтобы выполнить свое намерение, Кордабай продал кобылиц и начал пировать. Он частенько бывал в юрте Биржана. Галия лукаво подмигивала ему, обещала отправить мужа в Акмолинск, но не отправляла. Однако Кордабай не терял надежды и терпеливо ждал. И вдруг появился Шолак. Дружки Кордабая сразу донесли ему, что он напрасно тратит деньги на Галию, потому что Галия восхищена Шолаком и ни на кого его не променяет.

Честолюбивый Кордабай вспылил. Он и раньше слышал о необыкновенном Шолаке, о его силе, о его талантах, но особенно не восхищался, полагая, что все эти качества преувеличены болтунами. Возможно, что он силен физически, но что толку? «Сильный физически может побороть одного, сильный знаниями может побороть тысячи», — говорит пословица. И Кордабай был уверен, что Шолак знаниями его превзойти не может, и не прочь был посостязаться с Шолаком.

Когда Кордабаю передали о связи Шолака с Галией, он вспыхнул:

— Хватит болтать! Галия обещала мне свою любовь! Пусть только Шолак прикоснется к ней, я разнесу его в клочья, каким бы сильным он ни был!

Однажды они встретились за обедом в юрте Биржана. Сидели соперники рядом. Но Кордабай ни словом, ни жестом не выдал своего огорчения и молчал как рыба. Он убедился, что Галия очарована Шолаком, она совершенно не смотрела на Кордабая, и он, едва сдерживая гнев и злость, решил при удобном случае застрелить Шолака. Пока он собирался осуществить это намерение, Шолака арестовали.

Слух о том, что Шолака забирают в тюрьму, с быстротой молнии облетел ярмарку. Многие были огорчены, но многие завистники были и довольны тем, что дерзкий, своевольный джигит получит по заслугам.

Первым к месту происшествия прискакал Кордабай. Он знал, что Галия была в это время с Шолаком, и не мог оставаться на ярмарке. Казаки уже свя-

зали Шолака и двинулись в путь. Кордабай увидел, что Галия упала в обморок.

— Подайте ее мне! — вскрикнул Кордабай, не слезая с коня. — Подайте мне эту суку, я отвезу ее труп Биржану.

Неподвижную Галию подняли, Кордабай положил ее поперек седла, как козленка, и поскакал к юрте Биржана.

Очнувшись, Галия намеревалась сразу же отправиться вслед за Шолаком, но небывало разъяренный Биржан (Кордабай обо всем рассказал ему) отрезал:

— Не забудь, что я — удавка на твоей шее! Попробуй шевельнуться — и петля затянется!

И Биржан вместе с Кордабаем насильно увезли Галию в Акмолинск...

А что же случилось с Балхаш, почему она не приехала к мужу?

После ареста Шолака в ауле Балхаш горько плакала вместе со всеми. Каламмпыр, тоже в слезах, пыталась успокаивать невестку и призывала ее действовать.

— Милая Балхаш, слезами не освободить нашего Нуржана. Старики учили нас в несчастии быть мужественными. Вы с Толебаем молоды, сил у вас много, поезжайте в Кокчетав и все разузнайте как следует. А заодно отвезите передачу.

Балхаш согласилась. Но где взять денег на дорогу? В ауле знали, что городское начальство любит взятки, следовательно, надо захватить с собой что-нибудь. Баймырза предложил поехать по соседним аулам, где хорошо знали Шолака, и просить помощи.

— Ах, чтоб тебе! — рассердилась Каламмпыр. — Теперь нам только и остается, что побираться! Вот уж возрадуются наши враги, когда услышат о таком поступке. Наши друзья могут оказать помощь сами, но мы ни в коем случае не станем попрошайками!

Толебай в то время пас табун одного бая и хотел отпроситься у него на несколько дней для поездки в Кокчетав. «Если хочешь — уходи от меня совсем, а временно не могу отпускать», — сказал бай и выдал Толебаю окончательный расчет — одну овцу. Ее при-

резали, мясо сварили и решили отвезти Шолаку. Сосед дал лошадь. Вместо Толебая решил ехать сам Баймырза. Они погрузили вареное мясо, сели вдвоем с Балхаш и тронулись по направлению к Кокчетаву.

Выехали они рано утром, а к полудню решили дать передышку лошадям и остановились возле небольшого озерка. Баймырза спутал лошаденку, пустил ее пастись и сам улегся вздремнуть. Балхаш осталась на телеге.

Тут же возле озерка остановились на отдых двое молодых и знатных людей — сын Токсанбая Сыздык и сын бая Жумана Альжан. Эти мурзы как раз возвращались с Атбасарской ярмарки. Они узнали Балхаш, узнали Баймырзу и без расспросов догадались, куда и зачем те направляются.

— О боже, даже этот бестолковый Баймырза решил действовать, — заметил Альжан. — Подумай-ка, и в нем пробудилась честь, решил навестить сына в тюрьме!

— Ты не все знаешь, — отозвался Сыздык. — Бестолкового Баймырзу воспитывает толковый человек.

— Кто?

— Его жена Каламмыр.

— А вот та молодуха на телеге, должно быть, их сноха?

— Да.

Оба они начали вспоминать ее имя, но, как ни старались, не вспомнили.

— Да не все ли равно, как ее зовут, — отмахнулся Сыздык, — давай-ка мы сообразим что-нибудь интересное.

Альжан вопросительно посмотрел на товарища.

— Уговорим ее вернуться обратно в аул.

— Каким образом?

— Расскажем ей о проделках Шолака на ярмарке. Говорят, она ревнивая женщина.

— А если она не поверит нам? Или останется равнодушной к проделкам мужа?

— Как-нибудь уговорим. Пошли!

Сыздык с Альжаном подошли к телеге, на которой сидела Балхаш, и вежливо спросили, куда и по ка-

кому делу она едет. Молодая женщина, ничего не подозревая, рассказала о своей беде.

— Какой Шолак счастливец, что имеет такую жену, — сказал один мурза другому, как бы между прочим. — Если бы случилась с нами беда, то наши жены вряд ли пустились бы в такой дальний путь. Сидели бы дома да только слезы лили!

— Разумеется, Шолак не взял бы себе в жены замухрышку, — продолжал Альжан, слегка подмигивая Сыздыку. — Он ее любит, он ее похитил, да еще при каких обстоятельствах!

— Да что и говорить о наших женах, никакого сравнения. Ведь наши проделки по сравнению с проделками Шолака пустячки. А они все равно не прощают. Заурядные женщины! Характер настоящей женщины всегда познается в беде, в трудностях. Видишь, какая она — знает про своего мужа все, знает о всех его недостойных проделках и тем не менее отправляется за ним в тюрьму. Наши жены на ее месте только бы злорадствовали, сказали бы — ага, попался, так тебе и надо!

Видя, что равнодушная Балхаш стала прислушиваться к их разговору, мурзы продолжали с еще большим воодушевлением:

— Шолак ведет себя вольно потому, что знает — жена у него умница и добрая, все простит. В противном случае он не стал бы, конечно, на виду всей Атбасарской ярмарки разгуливать с Галией!

Надо сказать, что один из сверстников Шолака, уже вернувшийся в аул, как-то шутливо намекнул Балхаш насчет Шолака и Галии, какой-то торговки кумысом.

Балхаш пыталась успокоить себя тем, что это мимолетное увлечение, но ревность не давала ей покоя. Балхаш намеревалась по приезде мужа как следует поговорить с ним.

И вдруг сейчас, в дороге, снова разговоры, и без всяких намеков, а совершенно прямо — Шолак изменяет ей!

Собрав всю волю, Балхаш в шутливой форме, как будто действительно никогда не обращала внимания

на проделки мужа, со смешками стала расспрашивать о Галии. А те тоже, как будто шутя, рассказали обо всем, что было им известно, да еще преувеличили.

— Слухам трудно верить, надо тебе убедиться собственными глазами, — продолжал «благоразумный» Сыздык. — Вот приедешь в Кокчетав — и у ворот тюрьмы встретишься с Галией.

— Так оно и будет, — поддержал Альжан. — Когда мы уезжали, люди говорили, что Галия отправилась вслед за Шолаком.

— Да я сам видел! — горячо перебил его Сыздык. — Из Атбасара она выехала вместе с нами, а потом повернула в сторону Кокчетава. Буду, говорит, добиваться его освобождения, чего бы это мне ни стоило!

— Да, это уже чересчур.

— Чересчур, ты говоришь! — воскликнул Сыздык. — Один мой знакомый присутствовал, когда Шолак и Галия венчались в Атбасарской мечети у имама Алгазы.

Балхаш стало не до шуток, силы покинули ее, она закрыла лицо руками и, отвернувшись от мужчин, разрыдалась.

Мурзы, добившись своего, зашагали к своим лошадям.

— Теперь понаблюдаем, чем это кончится...

— Как бы ее не успокоил Баймырза.

— Да нет, не успокоит, говорят, она строптивая и своенравная женщина. Теперь потушить пламя ревности не так-то просто.

Через некоторое время к телеге подошел Баймырза и, увидев, что сноха ни с того ни с сего плачет, встревожился.

— Милая, перестань плакать, — начал он утешать. — Дай бог ему здоровья, самое главное, от наших страданий и следа не останется.

— Нет, пусть он лучше сдохнет! — подняла голову Балхаш.

— О ком ты говоришь?

— О твоем сыне!

— О каком сыне?

— О том, что сидит в тюрьме, чтоб ему оттуда не выбраться!

— Что с тобой, Балхаш, о чем ты говоришь! — вскричал испуганный Баймырза.

— Я знаю, что говорю! — не унималась женщина. — Пусть могила заберет твоего сына!

— Ай-ай, сноха, ай, милая, да не сошла ли ты с ума! — запричитал Баймырза.

— Да, да, сошла с ума, твой сын довел меня до сумасшествия!

Балхаш упала ничком на телегу и продолжала плакать.

«Наверно, те двое наговорили ей небылиц,— подумал Баймырза, — пойду-ка поговорю с ними как следует».

Приблизившись, Баймырза узнал обоих, Сыздыка и Альжана. Вместо того чтобы отвечать пожилому человеку серьезно, они стали шутить над Баймырзой. Никто еще в жизни не видел, чтобы Баймырза гневался. Обычно он говорил: «Эх ты, такой-сякой...» Но на этот раз Баймырза рассердился:

— Если смирный человек станет проклинать, то вам будет плохо! Эх вы, такие-сякие, чем я перед вами виноват, за что вы так плохо поступили с моей семьей! Чтоб вас горе постигло!

И Баймырза отошел, удовлетворенный. Дружок, прихлебатель Сыздыка, хотел было догнать его и поколотить, но Сыздык остановил его, боясь, что Шолак со временем может отомстить.

Баймырза подвел лошадь, запряг ее. Балхаш перестала плакать и лежала без движения, как будто уснула.

— Сноха, не сердись, дорогая, это наши враги возводят всякие небылицы, — продолжал утешать Баймырза. — Успокойся, поедем дальше.

— Я не поеду! — резко сказала Балхаш, бледнея от гнева.

— Одумайся, Балхаш. Сыздык и Альжан никогда не были друзьями нашего Нуржана, наоборот, они его враги. Неужели ты, поверив им с первого слова, хочешь тоже стать врагом своему мужу? Ты не первый

день живешь в нашем доме, ты хорошо знаешь меня, я тебя никогда ни о чем не просил, сейчас прошу в первый раз. Если ты уважаешь меня и дух наших предков — поедем!

— Нет, поезжай один, — упрямо ответила Балхаш и сошла с телеги.

Баймырза разозлился, что бывало с ним чрезвычайно редко, и раздосадованно крикнул:

— Если так — оставайся! — и хлестнул лошаденку.

Балхаш продолжала молча стоять. Баймырза погонял лошаденку, не оглядываясь. Теперь сноха казалась ему не добрым ангелом, а сущей ведьмой.

Балхаш стояла, не шевелясь и не глядя на дорогу.

— Ну, чего стоишь? — заговорил с ней попутчик Сыздыка. — Идем к нам, мы тебя довезем до твоего аула.

Только теперь Балхаш стала понемногу приходить в себя. «Что я натворила? Если бы даже Шолак был действительно виноват, все равно надо было мне быть более сдержанной с отцом, не шуметь, не дерзить ему... Вполне возможно, что все это неправда, наветы врагов Шолака».

Только сейчас она заметила, что телега Баймырзы уже перевалила за бугор.

— Отец!.. Отец!.. — закричала она и бросилась вдогонку.

Но Баймырза не слышал.

«Теперь Шолак разойдется со мной!» — мелькнула мысль у Балхаш, и она побежала еще быстрее. Все тот же спутник Сыздыка хотел было ее догнать, удержать, но она с такой силой оттолкнула его, что незадачливый преследователь упал.

Взбежав на пригорок, Балхаш увидела, что телега Баймырзы остановилась.

«Он ждет меня, он незлопамятный», — обрадовалась Балхаш и, несмотря на усталость и одышку, продолжала бежать к нему.

Но Баймырза остановился по другой причине. Думая о том, как он один теперь будет добираться до Кокчетава, как он пойдет с передачей к родному сыну, Баймырза вспомнил о мясе и решил посмотреть, не

испортилось ли оно от жары. Он знал, что если мясо облепят мухи, то обязательно заведутся черви. А мух вчера было видимо-невидимо, нет от проклятых спасения.

Он остановил лошадь, развернул мясо — и ужаснулся. В мясе завелись черви.

— О боже, горе мне! — воскликнул Баймырза. — Ведь у нас нет другого барана, что я теперь повезу сыну! Нуржану так и не удастся покушать домашнего мяса!

От огорчения Баймырза заплакал. Сейчас он готов был посчитаться с аллахом за то, что тот создал мух и червей. Подбежала Балхаш и стала обнимать его со словами:

— Отец, прости меня... Я погорячилась, я не хотела оскорбить тебя!..

И они заплакали вдвоем. Потом Баймырза сказал:

— Теперь нам нечего делать в Кокчетаве, надо возвращаться в аул.

— Почему?

— Мясо пропало, нечего нам везти Нуржану. Вернемся в аул, будем просить людей, чтобы дали нам еще одного барана.

И они повернули обратно...

XVIII. НА ПОРУКИ. СУД

Что мне вражьи рвы, мне, любителю драк?
Житель любой окраины — мой земляк.
Чтимый народом первенец, вот ты кто!
Кличка твоя гремит, Балуан-Шолак!

Песня Балуан-Шолака

Друзья Шолака во главе с Ибраем прибыли в кокчетавскую тюрьму, чтобы взять Шолака на поруки. Они хлопотали перед начальством, предлагали большие взятки, но начальство боялось выпускать Шолака и относилось к нему с особой строгостью. Подкупленный судья сам обратился к уездному начальнику с просьбой отдать Шолака на поруки, но тот вскипел:

— Ты хочешь выпустить этого бандита и поднять восстание в степи! Пока мы его будем держать у себя, казахи будут вести себя тихо-мирно.

Ходатаи пошли к самому уездному начальнику, обратились к нему через Сутемгена. Тот передал просьбу уездному и на другой день сообщил ходатаям, чтобы они вообще не показывались на глаза начальнику, он грозился арестовать всех до единого.

— Какой же он начальник, если за одну только просьбу заключает ходатаев в тюрьму? Мы же ни в чем не виноваты.

— Если вы проявляете такую настойчивость, то я вам расскажу один секрет, — сказал Сутемген. — Дело в том, что начальство считает Шолака врагом царской власти. Если вы будете домогаться его освобождения, то и вас, как его сообщников, привлекут к суду.

Видя, что плетью обуха не перешибешь, друзья Шолака поехали в Омск, к губернским властям. Они наняли адвоката и с его помощью добились от губернского прокурора указания о выдаче Шолака на поруки. В Омске они обивали пороги канцелярий целый месяц, потратили много денег и, только чтобы добиться указания прокурора о выдаче на поруки, истратили тысячу рублей.

Шолака выпустили на поруки, и он сразу уехал в родной аул. Он, конечно, высказал свое недовольство тем, что родные не посетили его ни разу. Каламмыр и Баймырза решили промолчать о том, что намеревались съездить к нему, но ничего из этого не получилось. Шолак был мрачен. К тому же до него стали доходить слухи о ссоре Балхаш с Баймырзой.

Как говорится, слово, выпущенное через тридцать два зуба, долетает до тридцати двух родов. Подосланные Сыздыком Токсанбаевым люди приукрасили ссору Балхаш с Баймырзой, рассказали, как она желала смерти мужу и проклинала его. Шолак до того вспылил однажды, что решил убить свою жену.

«Семь бед — один ответ, понесу сразу наказание и за волов и за убийство жены», — решил он в пылу гнева.

Но он отказался от своего жестокого намерения, и причиной тому была маленькая дочь — Батен, его первое дитя, которое Балхаш кормила грудью.

Балхаш боялась мужа, чувствовала себя виноватой, и поэтому, когда Шолак входил в юрту, она с испугом следила за выражением его лица. И вот, когда однажды черный от гнева Шолак вошел в юрту, готовый наброситься на жену, Балхаш поднялась и подала ему в руки ребенка. Теплое, нежное тельце ребенка, завернутого в одну тонкую рубашку, остудило гнев Шолака. Молодой отец прижал дочь к своему лицу и, растроганный, не удержался от слез. Не зная, что делать, ошеломленная Балхаш стояла рядом без движения. Успокоившись, Шолак глянул в упор на жену:

— Мне обо всем рассказали! Я прощаю тебя только ради Батен!

Раньше Шолак ни единым словом не оскорблял жену. Но теперь, после всего случившегося, уже простив жену, он тем не менее не мог прикасаться к ней, она стала для него как будто чужой. Балхаш страдала от его холодности, пыталась несколько раз приласкаться к мужу, но он оставался по-прежнему угрюм и неразговорчив и ласки жены отвергал.

В ожидании суда Шолак сидел дома и на приглашения посетить, как бывало, шумный той в каком-нибудь ауле отвечал отказом. Друзья нередко приезжали к нему домой, пытались развеселить его, но прежняя удаль, прежнее желание беспечно веселиться в Шолаке как будто угасли. Тюрьма притупила его веселый нрав.

Иногда, оставаясь наедине с закадычными друзьями, Шолак говорил:

— Нет справедливости на нашей земле. Раньше я думал, что одни мы только бедствуем, а в тюрьме убедился, что страдают и русские, и башкиры, и татары, и другие народы, которых мы даже не знаем. Они сидят в тюрьме только за то, что не хотят подчиняться власти сильных, за то, что им нечего есть и они вынуждены идти на преступление ради куска хлеба. Но закон против них, закон поддерживает сильных. Я ду-

мал, что только казахи ненавидят царя, оказывается, русские еще больше его ненавидят. Вот за это их и держат в тюрьме. Они уверяют, что скоро царь будет свергнут. Но не богом, а самими людьми. Если поднимется весь народ против царя, ему не справиться.

— Да, Шолак, народ может подняться, но ведь против оружия не попрешь! Даже ты оказался бессильным перед винтовкой!

Шолак в ответ глубоко вздохнул.

Через месяц своего пребывания в родном ауле Шолак собрал всех своих друзей и родственников и объявил им, что ему пора возвращаться в Кокчетав, в тюрьму, где должен состояться суд. Многие недоумевали — зачем свободному человеку возвращаться в тюрьму? Шолак объяснил, что друзья взяли его на поруки, большое им за это спасибо, он признателен всем за внимание к нему, за уважение.

— Да, меня выпустили из тюрьмы, но не совсем, — продолжал Шолак. — Должен состояться суд. Я не могу жить здесь спокойно, этот суд тяготит меня, как петля на шее. И чем больше я живу в ауле, тем крепче затягивается эта петля.

И Шолак вернулся в кокчетавскую тюрьму.

Вскоре состоялся суд. На суде Шолак мужественно признался во всем — и как еще мальчишкой поджег село Кайракты, и как угнал волов со двора Пропадко, и как вступил в единоборство с казачьей сотней и оскорбил действием казачьего атамана.

Все было ясно, суд длился недолго.

Вот как о нем рассказывал сам Шолак.

Надеялся на справедливость я, —
Но разве есть она у сытых?!
Меня упек в тюрьму судья,
Меня — батыра и джигита.
Нет сына у отца смелей.
Мне мировой прислал бумагу.
В застенке встретил я людей,
Знакомых с правдой и отвагой.
Бумага... каторга, — семь лет!
Семь долгих лет не жизни — тлена.
И я решил: коль правды нет,
То не прочны и эти стены.
Зовусь Шолаком я не зря:

Не мне мириться с заточеньем.
Я дважды яростно потряс
Окно опутавшие звенья —
И вот уж небо надо мной.
«Спасибо, золотые руки».
— Эй, кто еще там? Все за мной!
Возьмет нас ветер на поруки. —
Но где мой конь?
Акбоз, точеные копыта,
Неукротимый, как огонь,
Как кокчетавский ветер прыток.
Найти его, скорей найти!
Во двор проник я к мировому,
Что без коня джигит в пути!
А на коне он всюду дома.
Дверь на конюшне сгоряча
Я высадил одним ударом,
Одним движением плеча,
Но даром: нет Акбоза, даром.
Я иноходца взял, бранясь,
Взамен Акбоза удалого:
Пусть от судьи несет меня
Подальше лошадь мирового.
За ней Акбоз звенел копытом.
Он рвался, верный друг, ко мне,
Храпел призывно и сердито,
Стремясь умчаться со двора.
В тюрьме друзья мои томятся,
Пора, Акбоз, пора, пора
Нам над судьею посмеяться.
Ты молодец, я удалец,
Какой еще не жил на свете.
И кремнем четко на скале
Черкнул: «Судья за все в ответе.
Шесть дней в тюрьме вкушал от благ
Твоих, визгливая собака.
Твоим законам — мой кулак...
Привет от Балуан-Шолака»[1].

XIX. ЗАЛОЖНИЦА

Шолак вывел Акбоза и двух лошадей — рысака и иноходца — и поскакал в сторону Акмолинска. Он решил ехать к Галии. До наступления утра он намеревался добраться до Менреу, густого соснового бора, где преследователи его не разыщут.

---

[1] Перевел с казахского В. Бернадский.

Потом он неожиданно раздумал ехать к Галии. «Что скажут родители, что скажут люди, когда узнают, что, освободившись из тюрьмы, Шолак прежде всего поехал к своей любовнице?..»

К тому же бежавшего будут разыскивать, могут арестовать его отца или брата Толебая. Тогда придется Шолаку добровольно возвращаться в тюрьму и отправляться на каторгу. Нет! Надо предпринять что-нибудь такое, чтобы уездное начальство оказалось не в состоянии захватить ни Шолака, ни его родных и друзей.

Долго не раздумывая, он вернулся в Кокчетав, заехал к одному из своих друзей и откровенно признался, что бежал из тюрьмы.

Друг его принял хорошо, обещал спрятать в укромном месте и Шолака и лошадей. Но в маленьком доме друг не мог этого сделать и ночью тайком отвел Шолака и его коней в дом своего товарища, рабочего кожевенного завода, жившего в домике на берегу речки Кишлакты. Здесь друзья уговорили Шолака расстаться с лошадьми, прихваченными у судьи, и оставить у себя одного Акбоза. Так было легче скрываться. Шолак согласился.

Наступили дни ожидания — что предпримут власти?

А власти не заставили себя долго ждать. Вскоре Шолак узнал, что уездный начальник намерен организовать в степи поиски его, а пока дал указание арестовать Баймырзу, Каламмыр, Толебая и десятерых его ближайших друзей. Через того же рабочего кожевенного завода Шолак узнал, что приказание начальника выполнено и все его родственники арестованы и привезены в кокчетавскую тюрьму.

Что теперь делать Шолаку?

План пришел неожиданно. Однажды вечером Шолак проезжал на Акбозе по западной окраине города, близ дороги, ведущей к горному перевалу. Уже наступили сумерки, но Шолак зорким взглядом заметил не совсем обычную коляску, запряженную парой хороших коней. Шолак насторожился, съехал с дороги на обочину, решив понаблюдать за коляской.

Но коляска, словно догадываясь о засаде, в конце улицы повернула обратно и покатила в город.

«Надо было догнать, узнать, кто это разъезжает», — пожалел Шолак и уже хотел было пустить Акбоза вдогонку, но раздумал, что-то удержало его.

Когда совсем стемнело, уже в городе Шолак снова увидел ту же загадочную коляску. В ней сидели двое — кучер на козлах и девушка позади него. Присмотревшись, Шолак узнал дочь уездного начальника Татьяну. Она училась в Омской гимназии, а летние каникулы проводила у родителей в Кокчетаве. По вечерам она любила устраивать загородные прогулки на рысаках. Шолак пропустил коляску мимо себя, еще раз внимательно присматриваясь к девушке. Сомнений не было, в коляске сидела Татьяна. Шолак пустил коня шагом, следуя за ними в отдалении. Коляска выехала за город и покатила по направлению к перевалу через гору Букпа. Когда кони вынесли на безлюдный перевал, Шолак мгновенно догнал коляску и ударом кнута сшиб кучера с козел. Тотчас прыгнув с Акбоза в коляску, он схватил вожжи и погнал лошадей в горы. Насмерть перепуганная девушка упала в обморок. Когда-то отец шутя говорил ей: «В горах, дочка, бывают большие орлы. Они могут схватить человека и унести его в когтях». В первое мгновение Татьяне показалось, что на нее набросился хищный орел. Очнувшись, она с облегчением увидела, что по-прежнему сидит в коляске, что орла никакого нет, а рядом с ней погоняет лошадей мужчина. Девушка велела ему поворачивать обратно. Узнав Шолака, она снова чуть не потеряла сознание и долго не могла выговорить ни слова. Как птичка, неожиданно попавшаяся в клетку, она беспомощно озиралась по сторонам. За коляской скакал оседланный конь Шолака. Вокруг было темно и безлюдно. Шолак на ломаном русском языке объяснил, с какой целью он ее похитил: чтобы ее отец, уездный начальник, освободил его родных и друзей и не преследовал Шолака.

— Я слышала о вас. Я знаю вас как смелого джигита, — беспомощно заговорила девушка. — О вас я

всегда была высокого мнения. Мне понятно, для чего вы меня похитили. Я прошу вас отвезти меня домой и обещаю добиться от отца выполнения ваших просьб. Все задержанные будут выпущены на свободу. Я обещаю добиться от отца соответствующего документа, чтобы вас никто не смел задерживать. Если я не выполню своего обещания, тогда вы можете меня убить. Поверьте мне, я еще молода и не способна лгать.

Шолак задумался.

— Нет, — решил он, — я не могу отпустить тебя.

— Почему?

— Твой отец так просто не выполнит моих условий. Ты останешься у меня заложницей. Я увезу тебя в лес и спрячу.

Татьяна представляла Шолака благородным казахским рыцарем, но сейчас подумала, что перед ней бессердечный человек, способный на все. Не теряя надежды на спасение, она стала умолять Шолака сжалиться над ней, отпустить ее, но тот оставался непреклонным.

Вскоре в лесу они встретили одинокого казаха. Он оказался знакомым Шолака. Коляска остановилась. Шолак выпряг коней, одного привязал к дереву, рядом с коляской, другого оседлал и поднял в седло Татьяну. Затем он передал встречному казаху письмо, написанное арабским шрифтом, и попросил бросить его в почтовый ящик в Кокчетаве. Казах обещал выполнить просьбу и уехал.

Шолак сел на Акбоза и повел на поводу лошадь, на которой сидела дочь уездного начальника.

XX. ГРОЗНОЕ ПИСЬМО

В полночь уездный начальник всполошился — дочь не возвращалась. Он послал верхового по улицам города с просьбой немедленно разыскать коляску. Тот вернулся ни с чем. Полицеймейстер срочно объявил поиски — безрезультатно, дочь уездного начальника вместе с коляской и кучером как в воду канули.

Ошеломленный таинственным исчезновением дочери, уездный начальник приказал ударить в набат. Была глубокая ночь, люди в страхе вскакивали с постелей, услышав грозный звон колоколов. Пожар! Где горит, что горит?! Пока суд да дело, начали спешно вытаскивать вещи и скарб из своих домов, выгонять скот со двора. Началась паника, столпотворение, мычали коровы, плакали дети, голосили женщины. Причину такой паники легко было понять — лет пятнадцать тому назад в городе случился страшный пожар, после которого уцелело только несколько строений. И вот снова набат!

Но постепенно возбуждение утихло, не было ни огня, ни дыма. Что же могло случиться? Народ стал собираться возле церкви. Появился начальник уездной полиции Сыскин и объявил:

— Город постигло несчастье! У его благородия уездного начальника Терентия Дьяковича Долгоносова украли его ангела, дочь Татьяну. Будем искать ее сообща, единым усилием.

— Только и всего?.. — раздались иронические голоса, и народ стал расходиться, разводя руками. Однако городовые снова сгоняли всех на площадь.

Вскоре поднялся шум:

— Нашли кучера, коляску и одну лошадь!

— Где нашли?

— Неизвестно!

Вскоре Сыскин дополнительно сообщил, что кучера нашли на дороге в бессознательном состоянии, а неподалеку в лесу нашли одну лошадь, привязанную к дереву, и пустую коляску. Другой лошади и Татьяны нет. Их похитил не кто иной, как известный бандит Шолак. Он далеко не ушел, мы должны поймать его сегодня же!

Городовые были срочно разосланы по всем дорогам. Расходясь, публика переговаривалась:

— Если это действительно сделал Шолак, то он просто молодец!

— Сами довели его до такого состояния, вот он и озлобился!

— Говорят, он всегда отомстит за себя, человек с достоинством! Мы с тобой не смогли бы украсть дочь уездного начальника.

— Да, как его ни притесняют, а он становится все отчаяннее!

— Интересно, как же он теперь поступит с Татьяной!

— Известно, как поступают с дочерью своего лютого врага. Будет издеваться над ней, пока не прикончит совсем.

— Нет, Шолак не безрассудный человек. Увидите, он вернет ее отцу живой и невредимой.

Всю ночь город не мог успокоиться. В доме уездного начальника до утра не сомкнули глаз.

— Ты же знал, что Шолак не простит тебе, зачем ты его преследовал! — кричала жена уездного на мужа. — Вот теперь и расхлебывай сам. А ведь он не ограничится этим, он тебе еще кару придумает, что волком взвоешь! Ворвется в дом и всю семью перережет, как баранов!

— Лишь бы Татьяну не сгубил, — твердил свое приунывший Терентий Дьякович.

Он любил свою дочь и считал ее единственным своим счастьем.

Гонцы, посланные на поиски, один за другим возвращались ни с чем — никакого следа не оставил Шолак, никаких признаков. Обессиленный Долгоносов утром пришел в ярость, обязал полицейских обыскать весь Кокчетав и всех, кто хоть чуть-чуть знался с Шолаком, немедленно арестовать. Начались аресты. Тюрьма не вмещала всех, приспособили для заключения большой сарай, поставили охрану.

В полдень Долгоносов вызвал к себе наиболее известных из числа арестованных казахов и объявил:

— Сейчас я освобожу вас из-под стражи. Но сегодня же к вечеру вы должны разыскать мою дочь и привести ее ко мне. Приказываю доставить и самого Шолака, живого или мертвого! Если не выполните приказания, то тебя, тебя и тебя повешу, а остальных отправлю на каторгу!

Угроза была серьезной, казахи знали нрав уездного начальника, он мог и повесить и отправить на каторгу. Во все концы от Кокчетава поскакали верховые — искать пропавшую дочь уездного.

Вскоре после их отъезда Долгоносову принесли письмо, написанное арабским шрифтом. Надо сказать, что такого рода письма он получал и прежде. Сам он читать не мог, иногда просил перевести, любопытства ради, что там написано. Чаще всего содержание писем сводилось к угрозам — мы тебя убьем, дом твой сожжем и прочее. Письма были анонимные, читал их обычно Сутемген, рвал на клочки или сжигал. Получив очередную анонимку, Долгоносов в сердцах швырнул ее Сутемгену и приказал сжечь не читая. Тот покорно понес письмо в мусорный ящик и по дороге, любопытства ради, разорвал конверт и начал читать.

Письмо было от Шолака. Прочитав подпись, Сутемген задрожал от страха и бросился в дом.

— Ой, барыня! — закричал он, увидя жену уездного. — Это письмо написано страшным человеком!

— Кем?!

— Шолаком.

— Шолаком?! — закричала жена уездного, будто увидела перед собой не письмо, а самого Шолака.

Мгновенно собрались чиновники, различные приспешники Долгоносова, приказали Сутемгену читать и переводить. Сам Долгоносов, предполагая, каким будет содержание письма, не мог вымолвить слова от страха. Осторожный Сутемген прочел сначала про себя:

«Ты, уездный начальник, сучий сын, за что ты преследуешь меня? Ты наказываешь меня то через своих чиновников, то через своих судей. Отобрал нашу землю, сжег мой аул, разогнал наш скот, все это сделал ты. И приказ о моем аресте тоже написал ты. И сослать меня на каторгу тоже хотел ты. В чем я виноват перед тобой, собачий сын?

Вот теперь я увез твою дочь за то, что ты приказал арестовать моих родных и друзей, которые ни в

чем не виноваты. Если ты не освободишь их, то я буду издеваться над твоей дочерью так, что она днем и ночью будет визжать, как поросенок. Все страдания моих друзей я вымещу на твоей дочери. Если ты пощадишь арестованных, я не трону твою дочь. Не думай, что я молю тебя о пощаде, я тебе предлагаю выбирать. И если не освободишь всех моих людей, то даже смертью своей дочери не отделаешься от меня. За каждого моего родственника и друга я буду убивать твоих родственников и приближенных.

Ты меня не найдешь, лучше не старайся! Если долго будешь раздумывать, то увезу в лес и тебя, и тогда сам царь тебя не найдет. Это мое последнее слово. Ты много поиздевался надо мной, теперь настала моя очередь издеваться над тобой. Ты еще многое испытаешь от меня!

Шолак».

Переводить такое письмо сразу у Сутемгена не хватило духу, он словно онемел.

— Переводи! — грозно приказал Долгоносов.

Сутемген, заикаясь: «Не смею перевести», начал просить пощады и расплакался. В доме в это время было немало людей из знатного казачества, среди них присутствовал Коробкин, которого казахи прозвали Тулькимурт — Лисий ус. Он хорошо знал казахский язык.

— Читай по-казахски, я буду переводить, — предложил Тулькимурт.

Сутемген с облегчением вздохнул и безразличным голосом прочитал:

— «Ты, уездный начальник, сучий сын...»

— Ого! — сказал Лисий ус и переводить не стал. — Читай дальше.

Дальше, опуская оскорбительные для его благородия слова, Тулькимурт перевел письмо. Терентий Дьякович схватился за голову.

— Освободи!.. Освободи всех немедленно! — завопила его жена. — Иначе он поубивает нас!

Глаза ее закатились, она упала в обморок. Прибежал врач, начал приводить ее в чувство.

Уездный начальник беспомощно оглядел присутствующих, молча спрашивая: что делать?

Решение было единодушным — освободить арестованных, иначе разозленный Шолак натворит немало бед.

XXI. НА ВЕРШИНЕ КОКЧЕ-ТАУ

От города до горы Кокче-Тау семьдесят верст. Именно к этой горе и решил ехать Шолак со своей пленницей. Он намеревался проскакать эти версты до наступления зари.

Надо сказать, что Татьяна умела ездить верхом и любила верховую езду. Она нередко устраивала прогулки на лошади, но в этот злосчастный вечер выехала в коляске по той причине, что недавно читала Тургенева и решила подражать его героиням. Вначале, когда Шолак потянул ее лошадь на поводу, у Татьяны кружилась голова от всего пережитого. Но потом она постепенно освоилась и приободрилась. Навстречу дул свежий ночной ветерок, скакать на оседланном коне было приятно. Лошадь шла неровно, потому что ее время от времени дергал за повод ехавший впереди Шолак. Татьяна пришпорила коня и поравнялась со своим похитителем.

Шолак был молчалив и задумчив, ему хотелось поскорее добраться до Кокче-Тау и подняться на его труднодосягаемую вершину.

Временами он забывал о спутнице и начинал негромко и протяжно запевать степную песню. Но потом снова вспоминал о Татьяне и неловко умолкал.

Акбоз время от времени шел резвым галопом, конь Татьяны сразу отставал, и тогда Шолак натягивал повод. Иногда Шолак становился таким задумчивым и рассеянным, что, если бы девушке удалось отрезать повод, она потихоньку и незаметно смогла бы повернуть обратно.

Взошла луна. Вдали показались четкие очертания Кокче-Тау. Шолак прикинул расстояние — оставалось как будто не так уж далеко. Он впервые посмотрел на свою пленницу. Освещенное полной луной

лицо девушки было прелестным. «На том свете, в раю много восхитительных красавиц», — вспомнил Шолак строку из какой-то религиозной книги. Татьяна сейчас показалась ему девушкой рая. Ее легкие белокурые волосы развевались от ветерка, глаза сверкали при свете луны.

«Как хорошо, ловко сидит она на лошади, — удивился Шолак. — Как горделиво она держится и с каким достоинством!»

Незаметно приблизились к поселку Шабак. Послышался лай собак и предрассветное пение петухов. Перед поселком была развилка дорог: одна шла через поселок, огибала озеро и выходила к южному склону Кокче-Тау, другая уходила в сторону от села, огибала озеро с другой стороны, выходила на северные склоны Кокче-Тау и шла дальше, к сопке Окжетпес. Южная дорога была более короткой, но она проходила через село. А ехать через село опасно. Уже поют петухи, возможно, проснулись жители. Если девушка позовет на помощь, люди могут подняться и задержать Шолака.

«Но если ехать северной дорогой, там много крутых подъемов, вряд ли успею добраться до Кокче-Тау под покровом темноты. И так плохо, и так плохо. Рискну!..» И Шолак повернул Акбоза на дорогу, идущую прямо через село.

На улицу они въехали рысью. Тотчас с дружным остервенелым лаем бросились за ними собаки. В некоторых окнах уже горел свет керосиновых ламп. Кто-то тревожно закричал: «Кто там, на дороге?» Шолак, не обращая внимания на окрики, подгонял лошадей. За селом он оглянулся, нет ли погони. Нет, погони не было, только собаки, увлекшись, пробежали лишних полверсты от села и теперь поворачивали обратно.

Въехали в широкую лощину, поросшую густым сосняком. За лощиной, между горой Оркешты и склоном Кокче-Тау, находился небольшой аул — зимовка Акылбая. Аул не имел ни выпасов, ни скота. Жителям его было поручено охранять государственные лесные угодья и разрешалось ловить рыбу в озере

Шабак. Среди немногочисленных жителей аула выделялся предприимчивый и энергичный Акылбай, давний приятель Шолака.

В аул Акылбая всадники въехали на рассвете. Вслед за дружным собачьим лаем раздался чей-то громкий голос:

— Эй, кто там?

Навстречу вышел незнакомый мужчина и спросил, кто они и куда едут.

— А сам ты кто? — спросил Шолак.

— Ты что, не знаешь обычая? — неодобрительно отозвался мужчина. — Где ты видел, чтобы аульный житель первым начинал объяснять, кто он такой?

Шолак тронул коня навстречу мужчине, и тот сразу узнал:

— Шолак, да это ты!

— А это ты, Акылбай?

— Ну конечно, вот так встреча!

Акылбай взял за повод Акбоза и пригласил Шолака слезть с коня, быть гостем.

— Нет, я не могу слезть с коня. Я тороплюсь, только что с барымты. Видишь? — и Шолак указал на Татьяну.

— Во время барымты не было скота и ты захватил человека? — изумился Акылбай. — Ты большой шутник, Шолак!

— Нет, я говорю серьезно. Я украл дочь кокчетавского уездного начальника. Если падать, как говорится, так с высокого верблюда.

— Дочь уездного начальника? — изумился Акылбай и, чтобы убедиться, что Шолак не шутит, спросил Татьяну по-русски: — Вы на самом деле дочь уездного начальника?

— Да, я дочь уездного начальника Терентия Дьяковича Долгоносова!

— И правда, что Шолак увез вас насильно?

— Правда.

Акылбай замолчал.

— Акылбай, — обратился к нему Шолак, — до сего времени мы были с тобой просто товарищи, у меня не было возможности убедиться в твоей предан-

ности, а у тебя убедиться в моей. Думаю, что без лишних объяснений ты понимаешь мое положение.

— Нет, откровенно говоря, не все понимаю.

— После поймешь. Скажи, ты будешь коситься на меня или в меру своих сил поможешь мне?

— А как ты думаешь?

— Я рассчитываю на твою помощь. Говорят, что и хан бывает зависим от бедного человека, и батыр иногда нуждается в помощи ребенка. Я прошу твоей помощи.

— Что ж, в таком случае ты можешь слезать с лошади. Если живы останемся, будем с тобой на одной высоте, если погибнем, лежать нам в одной яме.

— Мне не хотелось бы здесь останавливаться, Акылбай. Мои преследователи близко, надо остерегаться. Мне хотелось добраться до вершины горы Кокче. Смогу ли я это сделать? И есть ли там укромное местечко для жилья?

— Я знаю там такие уголки, где вас сам черт не найдет. Сейчас я оседлаю коня.

— Акылбай, женщины и дети бывают болтливы, — предостерег Шолак, — постарайся, чтобы никто не знал о моем появлении.

— Хорошо. В ауле, кроме меня, еще никто не встал. Вот по этой тропинке вы поднимайтесь в гору, я вас скоро догоню.

Шолак тронул коня. Следом ехала девушка.

«О чем она думает сейчас? . . За всю дорогу не сказала ни слова. Терпеливая, все трудности переносит без жалоб, — думал Шолак, поглядывая на Татьяну. — Что это, признак высокой души, или просто-напросто она туповатая от рождения, ничего ее не трогает, не волнует? . .»

А Татьяна в это время думала: «Кричи не кричи, все равно этот разбойник не освободит меня. Лучше буду терпеливо ждать своей судьбы. Если в народе говорят правду, что он рыцарь, значит, он не должен убивать ни в чем не повинного человека. . .»

Ее утешало, что, может быть, Шолак — это казахский рыцарь, благородный корсар, захвативший в

плен даму. Ничего жестокого он не допустит по отношению к пленнице.

Вскоре их догнал Акылбай на низкорослой проворной лошаденке. Когда приблизились к самому подножию, наступило утро. По крутому склону до самой вершины извилистым арканом лежала узкая тропинка.

— Вот по этой тропинке мы будем взбираться, — заметил Акылбай.

— Слишком круто, — отозвался Шолак. — Лошади не возьмут такую крутизну.

— Трудно, — согласился Акылбай, — но возможно. Впереди поеду я, за мной девушка, а уже за нею ты. Будем держаться друг за друга.

Подъем был крутым, казалось, что кони взбираются по отвесной стене. Всадники съезжали вниз, обеими руками еле удерживались за луку седла и гривы коней. Снизу казалось, что до вершины рукой подать, но подъем оказался утомительно долгим. Татьяна случайно глянула вниз, и у нее сразу закружилась голова. Дальше она продолжала путь с крепко закрытыми глазами, полностью доверяя коню и чувствуя, как с каждым шагом они не поднимаются, а словно опускаются в преисподнюю.

Проворная гнедая кобыленка Акылбая лезла в гору, как кошка. Седок вынужден был придерживать ее, чтобы дождаться, пока подтянутся Акбоз и конь Татьяны. Если по степи Акбоз скакал, не зная равных, то на горной тропинке он едва-едва переставлял копыта и тяжело дышал. Уже на половине пути карий жеребец Татьяны, совсем обессилев, неожиданно оступился и начал сползать вниз по склону. Шолак едва успел снять с седла перепуганную девушку. Повод оборвался, и жеребец все быстрее и быстрее покатился по склону, подминая кустарник, и вскоре исчез из глаз.

— До вершины осталось немного, — сказал Акылбай, — но это самый трудный подъем. Будем взбираться или выберем здесь подходящее место? Я могу упрятать вас и здесь, никто не разыщет.

— Нет, Акылбай, я не отказываюсь от своего на-

мерения, — ответил Шолак. — Или ты думаешь, что тюрьма ослабила мой характер?

— Нет, не думаю.

— Тогда пойдем до вершины. Пусть девушка садится на Акбоза. Я пойду пешком.

— Я исполню твое желание, но ты исполни мое. Садись на мою кобылу.

— А ты пойдешь пешком? — усмехнулся Шолак.

— Пойду пешком. Все знают, что ты батыр. Но не обижайся на меня: чтобы подняться на Кокче-Тау, нужна привычка, а не только сила. Прежде ты поднимался только на горы Макбала и Буркытты. Разве могут они сравниться с Кокче-Тау? Я с малых лет живу здесь и чуть не каждый день поднимаюсь на эту вершину. Так что не прекословь мне, пересаживайся на кобылу. Или ты считаешь позорным после Акбоза ездить на чьей-то кобыленке? Но ты сам видишь, что в таких условиях моя лошадь сильнее твоей.

Шолак повиновался. Татьяну усадили на Акбоза и двинулись дальше. Акылбай пешком, казалось, пошел еще быстрее. Как коза, прыгал он с камня на камень.

К полудню усталые путники поднялись наконец на вершину. Страшно было смотреть на пройденный путь, крутой, скалистый, обрывистый. Северный склон был пологим, покрытым густым лесом. Акылбай повел по звериной тропе в какие-то заросли и вывел на небольшую поляну. К удивлению Шолака, здесь оказалось небольшое озеро. Акылбай объяснил, что озеро особенное, глубина его достигает ста метров.

Прощаясь, Акылбай сказал:

— Дорогой Шолак! Я знаю тебя давно, и ты, кажется, помнишь меня. Я всегда считал своим долгом помочь тебе при случае. Теперь этот случай представился, и ты убедился, что я могу быть другом. Давай по старому обычаю обнажим грудь и обнимемся.

Мужчины обнажили грудь и в знак вечной дружбы обнялись. Пообещав передать Баймырзе и Каламмыр, что их сын находится в безопасности, пообещав вовремя доставлять еду и питье, Акылбай сел на свою кобылку.

— Ну, до свидания, Шолак. — И, уже трогая лошадь, лукаво подмигнул: — Значит, тебя можно поздравить с новой пташкой?

— Нет, Акылбай, у меня на всем белом свете одна-единственная пташка. И больше никаких соловьев мне не надо.

— Кто она?

— Галия.

— А, слыхал. Но ты вспомни, говорят, что женщина лиса, а мужчина беркут. Если лиса показалась на глаза беркуту, разве он удержится от нападения?

— Если надеть беркуту томагу[1] — удержится!

— О какой томаге ты говоришь сейчас?

— О любви.

— А-а... Ну посмотрим, сумеешь ли ты сдержать себя.

— Поживем — увидим. Разве ты не слыхал мою песню о том, что за одну только ресницу Галии я не променяю восемьдесят гурий?

— Слышал.

— Это не просто песня, это моя клятва.

Акылбай уехал, не зная, верить ли словам Шолака, — русская пленница была очень красива.

XXII. ИСПЫТАНИЕ

На вершине Кокче, на высоком камне, похожем на горб верблюда, одиноко сидит Татьяна. Внизу долина видна как на ладони.

Когда-то отец долго и восторженно рассказывал ей о красоте этих мест, о том, что здесь ни много ни мало как восемьдесят озер. Татьяна не верила. Она забиралась на вершины Буробая, на Окжетпес, и ей казалось, что это высокие горы. Но отсюда, с высоты Кокче, Окжетпес казался кучей кизяка, не больше. Отсюда видны были те многочисленные озера, невидимые с других, маленьких вершин. Они красиво бле-

---

[1] Томага — кожаная шапочка, надеваемая на голову и глаза беркута.

стели, словно на роскошный камзол из зеленого бархата казахские девушки нашили серебряные монеты разной величины. Отсюда виден и Кокчетав, но кажется, что до него не семьдесят верст, а всего каких-нибудь двадцать — тридцать. Днем под солнцем сверкают железные крыши домов, а по вечерам видны желтые огни керосиновых ламп. Татьяна закрывала глаза и представляла, как она идет по городу, по знакомой улице, заходит в родной дом, обнимает мать, отца... Как все это несбыточно, неосуществимо! Суждено ли ей снова встретить своих родителей?

...Когда в первый день Акылбай спустился в лощину, когда она поняла, что остается в дикой глуши наедине с Шолаком, девушка от горя и усталости горько заплакала и легла прямо на камни.

Шолак только в эту минуту впервые пожалел ее. Он грубо мстил уездному начальнику, который еще более жестоко обошелся с Шолаком. Девушка была средством мести — и ничем больше. Но вот сейчас, на вершине горы, Шолаку впервые захотелось утереть ее слезы, посадить на колени, утешить, попросить прощения и заверить, что ничего страшного не случится с нею на этой вершине.

Но Шолак удержался от этого порыва. «Не надо слишком спешить, обнаруживать свое мягкосердечие и великодушие...»

Поплакав, Татьяна уснула. Шолак тихонько отошел в сторонку, развалился на камнях и задумался. Странно получается в жизни!.. Сколько ни приходится наблюдать, всегда видишь, что сильный притесняет, пожирает, давит слабого. Лисица таскает кур, волк задирает овцу, беркуты когтят зайцев. Но ведь все это пустяки по сравнению с тем, как иногда жестоко человек поступает с человеком!

Иногда Шолак думал о том, что люди должны бояться бога. Бог все видит, все знает. Но почему сильные мира сего не боятся и бога? Что, они сильнее бога? Бог у них только на языке, а на деле они уничтожают слабых, не дают им жизни. И никогда не видел Шолак и не слышал от своих друзей, чтобы создатель наказал жестокого человека. Говорят, что

наказание придет на том свете. Но как долго ждать того света! И если подлец и негодяй не будет отомщен на этом свете, то какой смысл мстить ему на том? Да и есть ли в действительности бог, если он не видит море людских страданий? . .

— Бог мой, прости меня, я согрешил, — поспешно сказал Шолак. — Но где же справедливость на земле?

Справедливость есть, определенно есть. Только ее надо поддерживать, надо защищать справедливые обычаи народа, бороться за правду.

«За что меня любит народ? За то, что я справедливый. Вот почему не могут сожрать меня ни судьи, ни уездный начальник. Меня поддерживает народ. И если бы не было ружей у солдат, они бы не арестовали меня. Если бы не было ружей у царя, народ бы разнес его в клочья. Эх, если бы эти ружья дать в руки народу! . .»

Потом Шолак снова увидел спящую Татьяну. «Вот и в моих руках тоже слабое, беспомощное существо. Для нее я злой и несправедливый человек. Никто здесь не в состоянии за нее заступиться, кроме меня. Но ведь я увез ее не для того, чтобы жалеть и ласкать, а для того, чтобы мстить начальнику! Нет, я не буду с ней бесчеловечным, я не собака, не зверь. . .»

Он поднялся с камней, подошел к Татьяне и сказал громко:

— Нет, я не собака, а человек!

От звука его голоса девушка проснулась. Измученная трудной ночной дорогой и страхом, она вскочила в беспамятстве и бросилась бежать по склону. Если бы Шолак вовремя не успел схватить ее, она бы слепо ринулась в пропасть.

— Не бойся. . . не бойся, я человек, — повторял Шолак, держа девушку в объятиях.

Опомнившись, Татьяна испытующе посмотрела на Шолака, и ей показалось, что действительно в глазах его светится доброта. Он отнес ее на камни, усадил рядом с собой и, мучительно подыскивая русские слова, мешая их с казахскими, снова начал говорить,

для чего он ее похитил. Он как будто оправдывался. Искренность его слов тронула Татьяну, она не ждала такой доброты от своего злого похитителя. Он говорил так долго и искренне, что Татьяна совсем успокоилась и даже стала вздыхать и понемногу жалеть богатыря, которого всю жизнь преследуют ни за что. Потом она со страхом увидела в глазах Шолака слезы и порывисто вскочила.

— Не надо плакать... Вы сильный, если будете вы плакать, то что же делать другим, простым людям!

Шолак успокоился, горестно сказал:

— Я плачу только оттого, что пришел в этот мир человеком. А человеку нужна свобода.

— Если мой отец в состоянии освободить вас, то я обязательно добьюсь этого. Поверьте мне, обязательно добьюсь!..

— Жизнь покажет, — сказал Шолак, поднимаясь с камней. — Говорить можно все, а сделать... Если ты исполнишь обещание, мы будем друзьями.

Как можно не верить этой девчонке, почти ребенку? Но как можно надеяться на то, что отец послушает ее и даст свободу Шолаку? А если не послушает? В каком положении окажется тогда Татьяна? Как он поступит с этим беспомощным существом?

Шолак замкнулся, решив ждать, что будет дальше, наблюдать, как будет вести себя Татьяна. «Если она искренне хочет помочь мне, то ее человечность должна в чем-то проявиться. Если же она пыталась меня обмануть, уговорить пустыми обещаниями, то ночью надо за ней следить — сбежит...»

Шолак был настороже и зорко присматривался к Татьяне.

К вечеру Акылбай привез вареную конину, кумыс для Шолака, а калач и сметану для Татьяны. Шолак расстелил скатерть у камней и пригласил девушку садиться. Она не заставила себя упрашивать, охотно подсела к еде, с аппетитом стала есть и даже весело болтать. Акылбай понимающе посматривал на нее и, видя веселое настроение обоих, решил, что они уже обо всем договорились.

Кроме еды Акылбай прихватил с собой кошмы и одеяла. Шолак расстелил их среди высоких валунов, в наиболее удобном месте.

— Теперь ложись спать, — сказал он Татьяне. — Я лягу попозже.

— А где вы будете спать? Мне одной страшно.

— Места вокруг много, найду. А пока хочу позабавиться игрой на домбре.

— Вы хорошо играете?

— Так, для себя...

— Правда, что вы и поэт и композитор? Можно мне вас послушать?

— Конечно, можно.

Шолак взял в руки старенькую домбру, легко настроил ее и начал негромко наигрывать приятную мелодию. Татьяна внимательно слушала, потом попросила что-нибудь спеть.

Шолак запел. Здесь, в горах, среди дикой природы, голос его показался девушке очень сильным, очень мелодичным. Он пел непонятную, но ласковую песню, которую понимал только сам:

Вот, Галия, во-первых, тебе пишу!
Дань любви, во-вторых, тебе приношу!
Я как лисица, что первый топчет снег,
Встречи дождавшись с тобой, счастьем дышу!

— О чем вы поете? — спросила задумчивая девушка.

— Это песня о моей любви.

— Ее, кажется, зовут Галия? — спросила Татьяна с улыбкой.

— Откуда вам это известно?

— Слышала...

Шолак отложил домбру и сказал, что пора спать.

— Нет, сыграйте еще.

— Всему есть мера, милая. Без меры и сладкое делается противным.

— Мне страшно спать одной...

— А что я могу сделать?

— Ложитесь рядом, я боюсь зверей.

Шолак завернул девушку в свой халат, прилег с нею рядом и вскоре задремал.

Утром, проснувшись с первыми лучами солнца, он долго смотрел на прелестное лицо девушки и сам удивлялся своей выдержке. «Если человек задумал серьезное дело, то он может сдержать свои животные порывы, обуздать себя, — думал Шолак. — Если кто-нибудь увидел бы нас сейчас, он бы не поверил, что между нами ничего не было. Нет, я молодец все-таки», — удовлетворенно думал Шолак.

— Я человек! — громко сказал он вслух, довольный собой.

Татьяна проснулась, сладко потянулась и со счастливым лицом прижалась к груди Шолака.

Летнее свежее утро, изумительная красота природы, восходящее солнце и рядом этот благородный, сильный, мужественный джигит...

В тот день Шолак сам спускался в лощину и вернулся к вечеру.

— Татьяна, сегодня я отвезу тебя домой!

— Куда? — переспросила обрадованная девушка.

— Отвезу тебя домой, в Кокчетав...

И Шолак рассказал, что уездный освободил всех арестованных и прислал письмо на имя Шолака, в котором обещал не трогать его родственников, ни его самого, если он вернет ему дочь.

Сияющая Татьяна воскликнула:

— Сегодня вы обязательно встретитесь с моими родителями и подружитесь с ними!

— Нет, дружить с ними я не буду.

— Почему?

— Дружба исходит от сердца. А сердце мое не велит дружить с ними.

— Но почему же, почему?

— Это долгая история, не стоит рассказывать.

— А со мной вы можете быть другом?

— Об этом ты можешь судить сама по тому, как я здесь относился к тебе...

Глубокой ночью, уже в городе, прощаясь у ворот уездного начальника, Шолак и Татьяна были грустны. Девушке очень хотелось, чтобы Шолак приезжал к ним домой и подружился с отцом и матерью.

Ей не хотелось расставаться с этим «разбойни-

ком», который сначала до смерти напугал ее, а потом так же обрадовал.

— Прощай, Таня, — сказал Шолак и подал девушке руку. — Будь счастлива.

Вместо того чтобы ответить на рукопожатие, девушка прижалась к груди Шолака.

— Я могу называть тебя по-казахски старшим братом — ага?

— Да.

— А вы сочините песню про Таню? В честь нашей дружбы. Только обязательно, и пойте везде и всем, как поете свои другие песни.

— Хорошо, Таня. Я обязательно буду петь песню о тебе. Веришь мне?

— Верю, ага. Я вас долго-долго не забуду. О таком я читала в романах, а теперь сама все это испытала. И счастлива, спасибо вам, — говорила восторженная девушка, радуясь скорой встрече с отцом и матерью и не веря, что горная, дикая, на лоне природы жизнь уже оборвалась навсегда.

— Ага, можно влюбиться дважды?

— Я считаю, что нет, — ответил Шолак, думая о Галии.

— В таком случае я больше никого не полюблю, кроме вас. . .

Шолак молча обнял девушку, ему нечего было сказать в ответ.

— Прощай, Таня, — наконец заговорил Шолак после продолжительного молчания. — Мне пора ехать, скоро рассвет.

— Прощайте. . . — ответила девушка еле слышно.

Шолак вскочил в седло, и Акбоз с места пошел рысью.

XXIII. УЗНАВАЙ ГЕРОЯ И В ЛОХМОТЬЯХ

Из Кокчетава, сделав в пути однодневный отдых, Шолак приехал в родной аул. Встретили его со слезами. Собрались родные, друзья, пришли старики аула и впервые повели с Шолаком серьезный разговор о его жизни.

— Пора тебе, Балуан-Шолак, немного успокоиться. Наши предки говорили: не борись с батыром, не спорь с правителем. Раньше ты очертя голову искал приключений, пренебрегал опасностями, как и подобает юному джигиту. Теперь у тебя выросла борода, пора обдумывать каждый свой шаг, каждый поступок. Пора обзаводиться хозяйством, заботиться о доме, о семейном уюте. «Мирно жить — сытым быть», — говорит пословица. Советуем тебе не тягаться с властями. Ты получил хороший документ, который оградит тебя от всякой напасти, умерь свою резвость, остепенись...

Шолак послушался, отказался от поездок по аулам, сидел все время дома.

К Балхаш, однако, он относился, как и прежде, холодно. Бедная женщина не знала, чем заслужить его расположение, и очень боялась, как бы он не развелся с ней. Постепенно лаской и уговорами ей удалось помириться с мужем. Жизнь в семье стала налаживаться, супруги простили друг другу большие и малые прегрешения...

— Шолак успокоился, теперь он будет сидеть дома, никуда не поедет, — донесли уездному начальнику.

Долгоносов с еще большей лютостью ненавидел сейчас Шолака, убежденный, что тот обесчестил его дочь. Было время, когда он за большие деньги хотел подготовить верных людишек, чтобы они отравили Шолака. Но потом отказался от этого намерения и установил за Шолаком строжайший надзор.

— Лучше его не трогать, — советовали Долгоносову чиновники. — Неизвестно, что он еще может придумать в отместку, этот неугомонный казах...

Шолак сидел в ауле... За свою недолгую жизнь уже много горя перенес он, много страданий, забывались радости, но не забывалась Галия. Все чаще и чаще стал вспоминать ее Шолак, все больше тосковал по своей любви.

Друзья знали об этом и, опасаясь, что он снова поедет за Галией и снова попадет в беду, стали передавать Шолаку сплетни о том, что якобы Галия, вер-

нувшись с Атбасарской ярмарки, разошлась с Биржаном и теперь путается с кем попало.

Но Шолак по-своему оценивал эти слухи. «Если она разошлась с Биржаном, то сделала это из-за меня. Она ушла от обеспеченного мужа, теперь скитается, а я живу беззаботно и как будто не виноват в этом... Нет, я должен повидаться с Галией, не могу больше сидеть на месте. Повидаться и разузнать все, чтобы она не могла упрекать меня...»

Шолак поехал в Акмолинск.

...По дороге с Атбасарской ярмарки Кордабай ни минуты не давал покоя Биржану:

— Если бы не я, ты наверняка лишился бы своей жены. Она путалась с Шолаком, об этом вся ярмарка знала. Он чуть не опозорил тебя, а я тебя спас. Это я донес властям, что Шолак украл восемьдесят волов в Кайрактах. Теперь, как ты уже слышал, на него надели кандалы. И не снимут до конца жизни, засудят на каторгу. Когда Шолака арестовывали, бессовестная Галия кричала, что все равно пойдет за ним хоть на край света. Я хотел избить ее, но удержался — она жена моего друга. Теперь смотри за ней в оба! Следи, чтобы не путалась с каждым встречным-поперечным. И если кто-нибудь опять будет посягать на твою честь — позови меня, я с ним расправлюсь по-своему!.. Самое главное, не выпускай ее из дому, она опозорит тебя еще больше...

Так, клянясь в верности и дружбе, Кордабай вел свою хитрую игру.

Он превосходно знал, что Галия ни за что не покорится мужу, не станет сидеть дома и непременно разойдется с ним. А оставшись в одиночестве, она согласится выйти за Кордабая, тогда ей уже некуда деваться, не будет такой строптивой, как прежде.

«Все заразительно, кроме перелома костей», — гласит пословица.

Женившись на Галии, Биржан заразился страстью играть на домбре. Став мужем девушки, которая отвергла десятки женихов, Биржан, прежде туповатый, флегматичный, заразился честолюбием и спесью. Слова Кордабая попали в цель — Биржан стал по

всякому поводу придираться к Галии, петушиться и даже грозился побить жену.

А Кордабай продолжал гнуть свое. Встретив тайком Галию, он заговорил с ней:

— Что это твой недоношенный расходился? Чего он от тебя требует? Ты живешь с ним в одном доме, пусть он за это скажет спасибо...

Если бестолковый Биржан не понимал козней Кордабая, то Галия давно раскусила эту хитрую лису. Но тем не менее вскоре после возвращения в Акмолинск она ушла от Биржана.

Несчастный муж начал умолять Галию вернуться, но она была тверда в своем решении.

«Значит, снова появился Шолак, — решил Биржан, — из-за другого она меня бы ни за что не бросила...»

И покинутый муж написал акмолинскому уездному начальнику Троицкому, что Галия связана с известным бандитом Шолаком и что она знает все его преступные намерения.

Троицкий общался с казахами, любил попить кумыс, с удовольствием ел копченую конину, не раз бывал в гостях у Биржана и хорошо знал Галию.

Узнав о разрыве, Троицкий вызвал к себе Биржана и Галию и начал уговаривать их сойтись. Он считал себя гуманным человеком, любил прикинуться ласковым и добрым, вникающим во все дела. Когда Галия наотрез отказалась вернуться к Биржану, Троицкий, сторонник раскрепощения женщин, пообещал оформить развод по всем правилам.

В разговоре с Галией наедине он сказал:

— После развода ваш муж не вправе преследовать вас. Вы станете совершенно свободной женщиной. Но вы, в свою очередь, должны мне дать обещание не встречаться с Шолаком. Это противник нашей власти, возмутитель спокойствия. Советую вам забыть его... В противном случае пеняйте на себя.

Галия, обозленная на Биржана, согласилась на предложение уездного и получила вскоре бумагу о разводе.

Разойдясь с Биржаном, Галия по-прежнему торговала кумысом, и хотя воспоминания о Шолаке заставляли ее нередко проливать слезы, все-таки на людях она всегда старалась быть веселой и беззаботной.

Она дала слово Троицкому ни с кем не говорить о Шолаке, никого не расспрашивать о нем и не поддерживать с ним связи. Это было мучительно. В конце концов Галии до того надоело скрывать свои чувства, что она решила махнуть рукой на все свои обещания и отправиться на поиски Шолака. А если уездный начальник найдет нужным, то пусть арестовывает и ее.

Ходили слухи, что Шолака отправили на каторгу, иные говорили, что его уже расстреляли, третьи утверждали, что он сбежал.

Одним словом, слухи кроились, как говорится, из сорока лоскутков, и у Галии кружилась голова. Она не знала, кому и чему верить. Потом начали рассказывать о похищении дочери кокчетавского уездного начальника, о том, что Шолак увез ее в горы и живет с ней.

— Ага, села на мель! — злорадствовал Кордабай при встрече с Галией. — Позабавился он тобой, да бросил, нашел русскую красавицу. Теперь женится на ней и примет христианскую веру, креститься будет!

Одна сплетня догоняла другую:

— Уехал Шолак за тридевять земель с новой женой...

— Стражники случайно наткнулись на него, открыли стрельбу и убили Шолака...

— Все вранье, Шолак получил такую бумагу, что его теперь сам царь не смеет тронуть...

В один из дождливых осенних дней Кордабай с несколькими джигитами сидел в доме Галии и пил кумыс. На улице моросил мелкий осенний дождь, было слякотно. В сумерках во двор въехал незнакомый всадник на белом коне.

«Неужели Акбоз?..»

Галия и Кордабай переглянулись, и оба побледнели. Приезжий вошел в комнату. Он был огромного

роста, широкоплечий и статный, с изможденным, усталым лицом и плохо одетый — в потертом малахае, в поношенном старом халате из овечьей шерсти, в стоптанных сапогах.

«Неужели это Шолак?» — пронеслось в голове Галии. Она почувствовала, что дрожит. Попыталась подняться — не смогла, ноги не слушались. Кое-как Галия поднялась и упала, — пристально, не отрываясь, на нее смотрели глаза Шолака. Одни глаза остались прежними, половину лица закрывали усы и борода.

Раньше Галия представляла, что, как только увидит Шолака, сразу бросится к нему на шею, будет голосить на всю округу и не обращать внимания на людей. А сейчас она не могла выговорить и слова, глаза ее были сухи. Шолак смотрел на нее и не понимал причины такой растерянности.

Сидевшие за кумысом джигиты молчали, ожидая, что же будет дальше.

«Что со мной, что со мной?» — растерянно твердила Галия, медленно приближаясь к Шолаку и не в силах унять дрожь в ногах. Она подошла к нему совсем близко, положила ему руки на грудь и сдавленным шепотом произнесла:

— Шолак! . .

И, назвав его имя, она почувствовала, что вся горечь страданий прошла в этот миг, и Галия с облегчением разрыдалась. Шолак молчал, глаза его были неприветливы. «От тоски она плачет или слезами хочет смыть свои прежние грехи?»

Кордабай, видя эту трогательную сцену, начал злорадно шептать соседям:

— За что его зовут Балуан-Шолак! . . Посмотрите, на кого похож этот батыр. Как мокрая курица. Во что одет! Не мог вынести и одного испытания, опустился, как дряхлый старик. За какие прелести теперь будет любить его Галия? . .

— Напрасно болтаешь, — возразил Кордабаю кто-то из старших. — Народ узнает героя и в лохмотьях. Не за красивую одежду полюбила она Шолака.

Галия успокоилась, вытерла слезы и сказала сидевшим за кумысом:

— Вы правы, не зря говорят в народе: узнавай героя и в лохмотьях.

XXIV. СНОВА ТЮРЬМА

Вскоре после приезда Шолак сообщил Галии о своем решении увезти ее в родной аул и жениться на ней.

Галия сначала отказалась и объяснила Шолаку, почему она не может стать его женой.

— Я люблю тебя, — говорила она, — я тебе предана всей душой. Но ты много натерпелся страданий из-за меня. В народе говорят: смерть батыру — от женщины. Я не хочу быть причиной твоих раздоров с родными и близкими, не хочу быть причиной твоей смерти. Подумай, Шолак, об этом!..

Но Шолак стоял на своем, и в конце концов Галия согласилась. Они пошли к мулле, чтобы он по старинному обычаю оформил брак. Так как Шолак жил с Балхаш без оформления брака, то Галия стала первой законной женой Балуан-Шолака.

Вернувшись в родной аул, Шолак узнал, что Балхаш ждет второго ребенка. Он уговорил Каламмыр приехать на время в Акмолинск, в гости к Галии, забрал мать с собой и вернулся в Акмолинск, в дом старого Тилеу.

Дни Шолака и Галии текли мирно. Люди знали — не тронь Шолака, и он никого не тронет. Но не все в воле человека. Как говорится, заря бы не показалась, но ее вынуждает солнце.

Ревнивый, честолюбивый Кордабай продолжал преследовать Шолака. Однажды он подговорил своих акмолинских дружков проучить чужака (ведь Шолак был не здешнего рода). Дружки встретили Шолака на улице, хотели избить его, но вынуждены были позорно бежать сами. Тогда Кордабай опять написал донос Троицкому: мол, в Акмолинск прибыл известный вор и бандит Шолак, устроил драку, ведет рас-

путный образ жизни, нарушает спокойную жизнь в городе.

Троицкий вызвал Шолака к себе. Тот показал документ, выданный Долгоносовым, и получил разрешение остаться в Акмолинске. Однако после ухода Шолака Троицкий сразу же отправил донесение в Омск генерал-губернатору Степного края Мамонтову, в котором выражал свое недовольство необдуманными действиями Долгоносова. Нельзя было разбойнику Шолаку выдавать такой чистый документ. Одновременно Троицкий спрашивал Мамонтова, каковы будут дальнейшие указания в отношении Шолака.

«Этого субъекта я тоже знаю, — ответил Мамонтов. — Прежде чем подписывать ему вольную, Долгоносов связывался со мной, я вынужден был согласиться, потому что дочь Долгоносова попала в руки этому разбойнику. Арестовать Шолака трудно, он пользуется огромной популярностью в народе, может вспыхнуть восстание, казахи и без того недовольны нами. Лучше его не трогать до поры до времени. Но если поведение его будет выходить за рамки дозволенного, арестуйте его и заключайте в тюрьму без всякого...»

Получив разрешение свыше, Троицкий установил строгий надзор за Шолаком.

Но самым бдительным стражем была Галия, — она не спускала глаз с Шолака, все время тревожась, как бы он чего-нибудь не натворил. Шолак снова стал частенько бывать на тоях. Возле него всегда были верные друзья, молодые джигиты, талантливые акыны Доскей, Газиз, Исабай, Аздембай и Сатмагамбет.

Как ни сдерживался Шолак, хоть и не хотел он буйствовать и скандалить, все же за полгода жизни в Акмолинске пришлось ему принять участие в двух крупных скандалах. Один из них произошел из-за певца Газиза.

Отец Газиза Файзулла был муллой в ауле известных по всему Акмолинскому уезду баев — Мати и Даулена. Баи имели по двенадцать тысяч лошадей. Однажды Газиз, не послушав своего благочестивого отца, похитил девушку Мухиш — внучку бая Мати.

За дерзким джигитом послали погоню, успели догнать, Мухиш забрали, а самого Газиза избили. Газиз приехал в Акмолинск, на одном из праздников встретил Шолака на тое и под домбру спел ему о своем горе:

Среди табынцев нет прелестной Мухиш,
Я с ней скакал на резвом Кербесты,
Но нас догнали возле Ащылы.
Меня постигла неудача.
Что мне делать?..

Шолак понял беду друга и немедленно вызвался вместе с ним скакать в аул, чтобы вернуть Газизу любимую девушку. Но тут сообщили, что Мухиш выдали замуж и она уже уехала в аул мужа.

В эти дни в Акмолинск приехал сын бая Даулена, волостной управитель Шарип. Чтобы отомстить за избиение Газиза, Шолак побил Шарипа. Тот написал жалобу уездному начальнику: «Шолак увел у меня несколько голов скота, а когда я потребовал вернуть скот, Шолак меня избил». Вскоре у Троицкого появилось еще несколько заявлений о том, что якобы Шолак занимается кражей скота.

Как раз во время разбора этих заявлений друг Шолака, акын Доскей, увез из аула невесту крупнейшего в уезде бая Нурлана. Обозленный Нурлан решил не прибегать к помощи закона и послал своих джигитов в Акмолинск с повелением найти Доскея с его невестой, обоих связать и привезти в аул. Джигиты прибыли в город, разыскали дом, где прятался Доскей с похищенной девушкой, и начали вязать их. Об этом сообщили Шолаку. Вскочив на Акбоза, Шолак помчался выручать друга. Связанного Доскея уже «грузили» на бричку. Шолак начал упрашивать джигитов, чтобы они освободили акына. Те не послушались. Тогда Шолак пустил в ход плеть и поснимал нескольких джигитов с коней, разогнал всех, забрал Доскея вместе с девушкой и отвез к себе домой.

В ярость пришел не только Нурлан, но и все баи, которые были в уезде наделены властью. Неслыханная дерзость! Шолак никого не признает — ни баев,

ни закон, ни бога, ни черта! Пора положить конец его бандитским действиям! Куда смотрят власти!..

На собрании волостных управителей в Акмолинске выступил избитый Шолаком Шарип и потребовал от уездного начальства: «Избавьте нас от Шолака, нам он житья не дает!» Шарип подробно перечислил кражи в своей волости и все приписал Шолаку, а потом уговорил других волостных сделать то же самое. Одно за другим на имя Троицкого стали поступать заявления о неисчислимых кражах, произведенных Шолаком.

Троицкий заметался — что предпринять? В довершение всего, он получил известие, что его шурин, крупный чиновник канцелярии Омского генерал-губернатора, женился на дочери Долгоносова Татьяне и собирается приехать в Акмолинск, провести медовый месяц. Троицкий, разумеется, знал, что Шолак увозил Татьяну в горы, и потому не одобрял выбора своего шурина. К тому же ходили слухи, будто Татьяна беременна от Шолака и что любит этого казаха.

«Может быть, она нарочно уговорила своего молодого мужа ехать в Акмолинск? Он привезет ее сюда, а она тайком будет встречаться с Шолаком. Этого еще не хватало!..»

Троицкий собрал все заявления на Шолака, написал заключение и решил — на основании многочисленных жалоб коренного населения Нурмагамбета Баймурзина арестовать, заключить в тюрьму и начать следствие.

Глубокой ночью спящего Шолака подняли жандармы, связали и отвезли в тюрьму.

XXV. МЕНДУАНА

Галия и Каламмыр плакали до утра. Потом мужественная мать стала утешать сноху:

— Милая, перестань плакать. Тот, на кого надели саван, не вернется, а тот, на кого надели кандалы, не должен терять надежды. Если Нуржан будет здоров, то пересилит и эту беду. А ты не проливай слезы

понапрасну, а давай-ка лучше подумаем, как освободить нашего Нуржана.

Но Галия не унималась, и тогда Каламмпыр прикрикнула на нее:

— Я думала, что ты достойная пара Нуржану, а ты, оказывается, бестолковая баба, раскисла при первой беде!.. Нуржан, должно быть, загляделся на твою красоту, а характер твой не увидел! Ты думаешь, что только твоего мужа упекли в тюрьму? Батыра Бакена царь сослал в такую даль, где не было лета и где вместо коней запрягают в сани собак. Но его жена Зере не растерялась, поехала за ним и тайком увезла своего мужа на родину. А в Акмолинске, в твоем родном городе, жил когда-то батыр Жиенбай. Царь тоже сослал его за тридевять земель. У него была невеста Балкия. Она поехала за своим любимым и сумела вызволить его из тюрьмы... Я думала, что Нуржан выбрал себе такую же подругу, а ты, оказывается, умеешь реветь, да и только!..

Гнев свекрови подействовал на Галию. Она еще раз убедилась в мужестве этой немолодой уже женщины и поняла, почему Шолак так любил и так часто вспоминал свою мать.

Прошло пять дней со дня ареста Шолака. Галия обошла все уездные учреждения, но ее не хотели слушать, только шипели со змеиным злорадством: «Так ему и надо, по нем давно каторга скучает. Не видать тебе Шолака!»

У Галии опустились руки — что делать? Вдобавок без конца надоедали ей сплетники, и Галия стала вести себя тише воды ниже травы.

Однажды Каламмпыр снова заговорила с ней:

— Милая, вижу, что с начальством нам не договориться. Я придумала способ, каким можно освободить Нуржана.

— Скажите как? — нетерпеливо спросила Галия.

— В наших краях жили когда-то два батыра — Кольбай и Жанбай. Они были ровесниками моего отца. Они воевали против царя, но у царя руки длинные, он везде достанет. И вот однажды обоих батыров арестовали в степи и увезли в кокчетавскую

тюрьму. Жена Кольбая, Актайлак, была мужественной женщиной. Никто не ехал в Кокчетав, боясь, что там их тоже арестуют как соучастников, а она поехала и повезла полный саба кумысу и вареное мясо жирного жеребенка. Она принесла передачу в тюрьму, там ее приняли, но голодные надзиратели набросились на мясо и кумыс, и от передачи ничего не осталось. Когда народ узнал, что передачи принимаются беспрепятственно, каждый день стали носить в тюрьму по барану и полные саба кумысу. Надзиратели и караульные уже привыкли, что Актайлак каждый день угощала их. И вот в один прекрасный день Актайлак вспомнила про мендуану.

— А что такое мендуана? — спросила Галия.

— Это такое растение, похожее на курай, только с полым стеблем. Семена у него мелкие, созревают они в коробочке величиной с ноготь. Вот это и есть мендуана. Иногда это растение называют дурманом. Если из семян сделать отвар и напоить им человека, то он пьянеет. Но не так, как от водки, а просто дуреет. Так вот, Актайлак отварила полное ведро мендуаны, смешала этот отвар с кумысом и передала его стражникам. Те напились и через некоторое время подняли между собой драку. А в это время Актайлак открыла тюремные ворота и оба батыра бежали.

— Мне нравится такой способ! — воскликнула Галия. — Но где мы найдем мендуану?

— Когда у меня болят зубы, я беру немного мендуаны и закладываю за щеку. Боль проходит. Так вот, у меня есть мешочек, в нем столько семян, что хватит опоить половину Акмолинска.

В тюрьме служил надзирателем один из знакомых Галии казахов, некий Токпан. Они вместе росли и, можно сказать, были друзьями детства. Вскоре после ареста Шолака Токпан пришел к Галии, чтобы выразить ей свое сочувствие. В разговоре с ним Галия узнала, что начальник тюрьмы Завьялов очень любит кумыс.

— Сейчас много в тюрьме казахов, — говорил Токпан, — их родственники каждый день привозят из аулов кумыс, и все тюремщики, начиная с начальника

и кончая последним надзирателем, вдоволь пьют кумыс.

После недолгих колебаний Галия поделилась с Токпаном своим планом. Токпан согласился принести в тюрьму мендуану и там высыпать ее в кумыс.

— Я не видел Шолака, но слышал, что он славный джигит. Я рад услужить тебе, Галия, — заверил Токпан. — Давай подождем несколько дней, я выберу удачный момент, и мы с тобой освободим Шолака. Начальство его боится как огня, держат в одиночной камере, на руках и ногах кандалы, а цепь болтом прикреплена к каменной стене.

Через несколько дней запыхавшийся Токпан появился в доме Галии.

— Сегодня Завьялов отобрал из передач два полных саба кумысу и мясо целого ягненка. Вечером он будет угощать нас. Давай мендуану, я сам вскипячу ее. У нас на кухне все время кипит самовар, я брошу туда семена, а потом отвар вылью в саба.

Забрав мендуану, Токпан ушел в тюрьму. Там он пришел на кухню, отправил уборщицу по каким-то пустяковым делам и бросил семена в кипящий самовар. Потом слил отвар в ведро, дал отстояться и вылил в кумыс.

Через полчаса Токпан сопровождал Завьялова на вечернем обходе. Вдвоем они вошли в камеру Шолака.

— Сидишь, голубчик? — как всегда с издевкой, начал Завьялов. — Сиди, сиди в кандалах. Теперь не сбежишь!

Шолак всегда дерзил начальнику, хотел что-то грубое сказать и сегодня, но заметил, что Токпан ему странно моргает. Шолак сдержался, подумав, что, возможно, вскоре что-то случится...

Перед уходом домой Завьялов собрал всех надзирателей в контору, хвастливо напомнил о своей щедрости и доброте и начал угощать всех кумысом и бараниной. Кумыс был густым и необыкновенно вкусным, пили его с большим наслаждением. Токпан делал вид, что пьет наравне со всеми. После нескольких чашек раздались возгласы: «Откройте окна, здесь

жарко!» Вспомнив слова Каламныр о том, что мендуана разбирает сильнее на сквозняке, Токпан тотчас пораскрывал окна.

Раньше всех одурел Завьялов. И без того болтливый, сейчас он без умолку кричал:

— Я царь и бог! Хочу помилую, хочу казню!.. Я ваш отец, я царь, я бог!..

Кто-то начал ему перечить, Завьялов съездил смельчаку по морде. К тому времени уже все изрядно опьянели, и началась потасовка. Воспользовавшись суматохой, Токпан вошел в камеру Шолака и снял с него кандалы.

Заключенные молчали, а надзиратели, одуревшие от мендуаны, дрались не на жизнь, а на смерть. Завьялова не любили, и потому в потасовке досталось больше всех именно ему. Из конторы тюремщики вывалили на улицу, продолжая орать и драться. А Токпан с Шолаком одну за другой открывали камеры. Заключенные бежали кто куда.

Тюрьма стояла на окраине, на берегу Ишима. Драки в то время были явлением частым, горожане к ним привыкли, и дерущихся не разнимали даже городовые — боялись. Вот почему драка между надзирателями продолжалась так долго, что из тюрьмы успели выйти все заключенные. Кто-то из озверевших надзирателей поджег тюрьму. Здание было двухэтажное, нижний этаж каменный, верхний — деревянный. Просохшее дерево запылало, как гигантский смоляной факел.

Ударили в набат. Горожане бросились к тюрьме со всех сторон, чтобы растащить пылающие бревна, помешать пожару распространиться по городу. Обезумевшие надзиратели начали избивать жителей, не подпуская их к горящему зданию. Началась паника.

На место пожара прибыл сам Троицкий. Тюрьма была пуста.

— Где Завьялов? Найти его немедленно! — приказал уездный начальник.

Завьялова нашли избитым до потери сознания. Его едва успели вытащить, начальник чуть не сгорел вместе со своей тюрьмой. Горожане начали вязать

взбесившихся надзирателей. Троицкий велел запереть их и искать бежавших заключенных по всему городу.

Надо было случиться такому происшествию именно в тот вечер, когда к Троицкому приехала Татьяна с молодым мужем и в доме уездного начальника устроили пиршество. Было много важных гостей: прокурор из Омска, чиновник особых поручений, другие важные лица, разодетые дамы. Когда начался пожар, Троицкий попросил не волноваться, оставаться всем за столом, пообещал лично распорядиться и в два счета погасить пожар.

Он вернулся через полчаса и прискорбно сообщил, что сгорела тюрьма.

— Тюрьма! А где же заключенные?!

— Сбежали...

— О, боже мой, сбежали бандиты! Что теперь будет в городе! — закричали дамы.

— Надо принять меры к немедленной поимке заключенных, — распорядился прокурор. — Это безобразие!

— Меры приняты. Заключенных разыщут. Но вряд ли нам удастся поймать самого главного разбойника.

— Кого?

— Балуан-Шолака.

И без того встревоженная Татьяна, услышав это имя, ахнула и упала в обморок.

— Воды!.. Валерьянки! — закричали дамы.

XXVI. СНОВА С ЛЮБИМОЙ

Пусть Галия мне острым грозит клинком,
Я все равно в объятья ее влеком!
Ты на козре, ты в седле, Галия, —
Лебедь, поднявший шею над тростником.

Песня Балуан-Шолака

По темным улицам Шолак пробрался к дому, где его ждала Галия. Настроение у него было веселое.

— В нашем ауле у некоего Сармана была дочь, — заговорил он, обнимая подругу. — Ее несколько раз выдавали замуж, но она все время возвращалась к

родителям. Так же и я, меня выдают замуж и тюрьмы, а я неизменно возвращаюсь к тебе, как дочь Сармана...

Между тем в городе, несмотря на поздний час, началось движение, поднялся шум — обеспокоенные горожане спешили к горящей тюрьме.

— Шолак, оставаться тебе в нашем доме нельзя, мы должны укрыться в другом месте.

— Где?

— Сейчас я поведу тебя, узнаешь.

— Идем, пугливому зайчишке всякая дыра — убежище, — шутливо сказал Шолак.

Они зашагали по темной улице. Навстречу им изредка попадались прохожие, спешившие на пожар. Зарево пожарища освещало почти весь город. Никому не было дела до двух неизвестных, которые спешили в противоположную от пожара сторону.

Шолак и Галия пришли в маленький домик на берегу реки, где жил давний друг Тилеу, русский старикашка-парикмахер. Он был седой и сгорбленный, с маленькими глубоко сидящими глазками. Хорошо говорил по-казахски и любил пошутить. Галию и Шолака он встретил тепло.

— Проходите, проходите, будьте как дома, — торопливо заговорил он, проводя гостей в небольшую комнату. — Места у меня мало, зато душа широкая...

Затем старикашка пошел за Каламмпыр и Тилеу и вскоре вернулся вместе с ними. Начали держать совет — где теперь укрыться Шолаку?

Каламмпыр настаивала, чтобы он обязательно уехал в Семиречье, где жили казахи из рода уйсун, прямые предки Шолака. Они кочевали между озером Балхаш и горами Ала-Тау. «Только собака приживается там, где ей сытно, а герой всегда тоскует по родине», — говорит пословица. Шолак с детства мечтал уехать к уйсунам, чтобы остаться там навсегда. Иногда он думал: живи он среди уйсунов, не было бы в его жизни стольких неприятностей, на родной стороне его меньше бы преследовали. Купцы из Семиречья частенько приезжали в Кокчетав и Петропавловск. В прошлом году Шолак передал с ними письмо

знатным уйсунам. Ответ пришел в те дни, когда Шолак находился в тюрьме. Вот о чем писали аксакалы:

«Уважаемый батыр Нурмагамбет, сын Баймырзы, по прозвищу Балуан-Шолак! Знатные уйсуны шлют тебе нижайший поклон. Мы живы и здоровы, пишем тебе второй раз, потому что на наше первое письмо ответа от тебя не было. Мы тебе сообщаем, что ты принадлежишь к роду уйсун и являешься прямым потомком ветви жаныс в ответвлении дулат. Это очень многочисленное ответвление.

Тебе должно быть известно, что, когда казахи делились на жузы, уйсуны составили самостоятельный Старший жуз. В Семиречье живут в основном уйсуны. Их много и в Китае. Твой народ очень хочет видеть тебя. Пишущие эти строки аксакалы ждут твоего ответа».

Шолак загорелся желанием немедленно ехать к своим сородичам. Ему надоело постоянное преследование в этих краях.

В тот день, когда Каламмпыр передавала мешочек с мендуаной Токпану, они посоветовались с Тилеу — что делать Шолаку, если ему удастся бежать? Каламмпыр и Галия считали, что лучше всего ему поехать в Семиречье. Но Тилеу не соглашался, говоря, что ехать туда очень долго, целый месяц, неизвестно, что может случиться за такую дальнюю дорогу. В глубине души Тилеу боялся, что Шолак, уехав к сородичам, бросит Галию. Галия хорошо понимала это, но горевала, боясь, что Шолак останется, ведь она снова могла стать причиной его новых несчастий. Из-за нее арестовали его и в Атбасаре, и в Акмолинске. И Галия еще тогда решила: «Если Шолак выйдет на этот раз из тюрьмы, я пожертвую чем угодно, чтобы он не попал снова в тюрьму».

На том и порешили: как только Шолак выйдет из тюрьмы, уговорить его ехать в Семиречье. Разговор с сыном начала Каламмпыр:

— Сын мой, тебе надо ехать в Семиречье.

— Мать, с тех пор как я стал взрослым, я никогда

не обижал тебя, слушался тебя во всем. Не так ли? — заговорил в ответ Шолак. — Ты знаешь, что я был веселым парнем, в этот мир я пришел для счастья, как приходит в него всякий человек. Я мечтал всегда веселиться с друзьями, иметь красивую жену, хорошего скакуна, множество друзей, петь и слушать прекрасные наши песни. Но в жизни на моем пути стали появляться враги, с каждым годом их было все больше и больше. Помнишь, ты мне рассказывала о батыре Корките. Он решил убежать от смерти и ушел от своего народа. Но куда бы он ни бежал, всюду его встречали свежевырытые могилы. Убедившись в неизбежности смерти, Коркит лег в одну из этих могил и до конца своих дней лежал там и играл на кобызе. Тщетна суета! Мать, я становлюсь наподобие этого Коркита. Ты советуешь ехать мне в Семиречье. А ты уверена, что там нет для меня свежевырытой могилы? Ведь я из Кокчетава бежал в Акмолинск в надежде на спокойную жизнь. Теперь и здесь для меня вырыли могилу.

— Мирным быть — сыто жить, — сказал Тилеу. — Ты же не мог жить мирно, ты повздорил с баями Дауленом и Нурланом. Зачем?

— Когда на моих глазах сильный терзает слабого, я не могу терпеть, — возразил Шолак. — А насчет Семиречья я скажу вам прямо: я не заяц, чтобы бегать от каждого куста. Я один раз родился, один раз буду умирать. И пока меня носят ноги, пока есть сила в моих руках, не будет пощады моим врагам!

Каламмпыр обиделась на сына, она не ожидала от него такого упрямства. В разговор вмешалась Галия:

— Я прошу тебя уехать отсюда, ради нашей любви прошу...

Но Шолак не соглашался. Галия заплакала, стала перед ним на колени.

— Воля твоя, Балуан-Шолак, но так жить я больше не могу. Я как будто петля на твоей шее, каждый раз ты из-за меня попадаешь в тюрьму. Убей меня!..

Галия разрыдалась и выбежала из комнаты. Шолак сидел долго и неподвижно.

— Иди приведи жену, — велела Каламбыр.

Шолак вышел из дому. Галии во дворе не было. Рядом блестела река, темнел через нее узкий деревянный мост. На нем виднелась одинокая женская фигура. Шолак пошел туда. Фигура стала удаляться к другому берегу. Это была Галия. Шолак прибавил шагу. Галия тоже. Вскоре она оказалась в зарослях тугайника. Шолак осторожно следовал за ней, пытаясь угадать, что же задумала его жена. Галия остановилась возле высокого серебристого тополя и сняла свой длинный шелковый пояс. Шолак спрятался в кустах. «Пугает меня, заметила, что я пошел за ней, и решила испугать...» Галия перекинула длинный, аршина в три, пояс через нижний сук, забралась на дерево, намотала пояс себе на шею, крикнула: «Прощай, Шолак» — и прыгнула вниз...

Шолак мгновенно, как кошка, взметнулся на дерево и оборвал пояс. Галия лежала на траве без сознания. Он поднял ее на руки, начал шептать ласковые слова. Наконец Галия открыла глаза и чуть слышно позвала его.

— Я слышу тебя, Галия, слышу, — ласково ответил Шолак. — Я выполню все твои просьбы, не плачь, Галия...

На обратном пути их встретила Каламбыр. Шолак сказал, что согласен ехать в Семиречье. А пока он будет скрываться в доме парикмахера.

Каламбыр, Галия и Тилеу попрощались с ним и пошли домой. Едва они вошли во двор, как их сразу окружили жандармы.

— Где Балуан-Шолак?

— Не знаем.

— Следуйте за нами!

Каламбыр, Галию и Тилеу заперли в каменном сарае, рядом со сгоревшей тюрьмой.

XXVII. ВСТРЕЧА С ТАТЬЯНОЙ

Шолак проснулся поздно. Окна были занавешены, в комнате стоял полумрак. Протерев глаза, он подошел к окну и выглянул во двор — там моросил дождь,

было сумрачно. Вспомнив условный знак — постучать костяшками пальцев в дверь, Шолак постучал. Никто не отозвался. Шолак прислушался. Слышно только, как тикают ходики. Парикмахер ушел куда-то. Шолак тихонько приоткрыл дверь — в комнате никого не было. Послышался звук отворяемой двери, и Шолак моментально вернулся в свою темную комнатку.

— Шолак, — тихонько позвал парикмахер.

Он только что вошел, еще не успел снять мокрого плаща. Лицо его было мрачно, и, хотя он пытался шутить, Шолак понял, что случилось что-то неладное.

— Арестованы все трое — мать, жена и тесть, — сказал парикмахер.

Глаза Шолака налились кровью, он пришел в ярость.

— Что ж мне еще желать? — воскликнул он в отчаянии. — Разве могу я ехать куда-то, разве могу оставаться спокойным, когда арестованы мать, любимая жена и ее отец? Никто не заставит меня прятаться и сидеть сложа руки!

— Не горячись. По городу рыщут жандармы в поисках тебя. Троицкий приказал пристрелить тебя при первой возможности. Так что на снисхождение этих шакалов не рассчитывай.

Шолак задумался.

— А ты бывал в доме Троицкого? — неожиданно спросил он.

— Зачем тебе дом Троицкого? — удивился старик.

— Надо.

— Нет, не бывал, но я могу найти человека, который знает его дом.

— Что это за человек?

— Урядник, которому поручено охранять дом уездного начальника. Любит выпить, можно его на этом деле и поймать.

— Зови его сюда, найдем общий язык.

— Хорошо, позову, но только скажи мне, что ты задумал?

— Задумал прорваться в дом Троицкого и либо добиться освобождения арестованных, либо убить его.

— Опасная затея, — покачал головой парикмахер.

— Не бойся, старик. Другого выхода у меня нет. Хорошо бы найти какое-нибудь оружие.

— Я тебе найду револьвер.

И парикмахер вытащил из шкафа шестизарядный «смит-вессон».

— Ого, мне, кажется, повезло, — обрадовался Шолак, разглядывая оружие. — Приглашай сегодня же урядника.

— Он сам должен вот-вот подойти. Он имеет обыкновение выпивать тайком в моем доме.

На самом деле, скоро послышались шаги на крыльце, и Шолак юркнул в соседнюю комнату. Вошел урядник, разговаривая сам с собой. Он уже был навеселе.

— Спер деньжат у жены, купил полбутылки. Ну-ка, дай чем-нибудь закусить! — попросил он старика и выставил на стол бутылку водки.

Старик засуетился, подал стул, стакан. После первых глотков водки урядник начал болтать. Хитрый старик завел разговор о службе и о том, что, наверно, трудно сейчас приходится полицейскому уряднику.

Выяснилось, что двор Троицкого обнесен высоким каменным забором, по которому сверху протянута колючая проволока. Вход только через единственные ворота. После того как сбежал Шолак, ворота запираются на замок.

— Ох, если бы попался мне этот Шолак, согнул бы его в бараний рог, — попутно похвастался совсем захмелевший урядник.

Старик продолжал выпытывать свое. Шолак подслушивал. Оказалось, что по лестнице можно пробраться на чердак дома, а с чердака через люк спуститься в переднюю.

— Сейчас у них гости. Приехал шурин Троицкого с женой, — продолжал болтать урядник. — А знаешь, кто у него жена? Та самая девка, которую Шолак украл в Кокчетаве. Сегодня у них пир горой, гостей полный дом...

Минут через десять урядник, еле держась на ногах, ушел.

Шолак вышел из засады, полный решимости не-

медленно идти в дом Троицкого. Кроме желания освободить арестованных, у него появилось еще желание увидеть Татьяну.

Парикмахер, видя, что никакие уговоры не помогут, начал советовать:

— Давай-ка я тебя одену так, что они не узнают, кто ты такой. Приклею тебе огромную бороду, усы такой длины, что можешь намотать на уши. Овчинный тулуп вывернешь наизнанку и напялишь на себя. Увидят такого черта — сразу в обморок попадают. А револьвер свой я дарю тебе. Мы с Тилеу давние друзья, все равно как братья. А ты его родственник, значит, и мне близкий человек. Бери его насовсем, пусть он сослужит тебе верную службу.

С наступлением темноты Шолак, в вывернутой шубе, с огромной бородой и усами, изменившийся до неузнаваемости, пошел к дому Троицкого. Перелезть через высокий забор для рослого Шолака не составляло особенного труда. К его счастью, собаки во дворе не оказалось, и Шолак тихо подобрался к дому. Все ставни были наглухо закрыты, свет во двор не проникал. По крутой лестнице Шолак забрался на чердак и кое-как в пыльной темноте разыскал крышку люка. Осторожно приподняв дверцу, он увидел лестницу, ведущую в коридор, где никого не было.

В комнате заиграла скрипка, ей начала вторить гармонь. Музыка всегда очаровывала Шолака, и сейчас, слушая мелодичные звуки, он долго сидел без движения. «Ладно, пора действовать», — решил наконец он и бесшумно спустился в коридор. Вынув из-за пазухи пистолет, расправив приклеенную бороду, Шолак распахнул дверь и остановился на пороге большой комнаты.

За столом сидели человек двадцать пирующих. Они шумели, гомонили, каждый говорил о своем, поэтому не сразу заметили Шолака. Первой дико взвизгнула какая-то женщина и повалилась на пол вместе со стулом. Кто-то обернулся к двери, вскочила еще какая-то дама.

— Руки вверх! — скомандовал Балуан-Шолак и поднял револьвер.

Страшный вид огромного человека в вывернутом тулупе и с оружием в руках навел страх, все подняли руки.

Татьяна сидела за столом рядом со своим мужем. Она сразу узнала Шолака и чуть не потеряла сознание. В тот момент, когда Шолак поднял крышку погреба и знаком велел мужчинам лезть туда, молодой муж Татьяны незаметным движением вынул из кармана браунинг. Шолак не заметил его движения, он провожал гостей в погреб. Татьяна вцепилась в руку мужа и так умоляюще посмотрела на него, что он опустил браунинг.

Последним в погреб Шолак проводил мужа Татьяны. В комнате оставались одни женщины. Татьяна открыла двери в соседнюю комнату и попросила их пройти туда. Женщин словно ветром сдуло.

Шолак узнал Татьяну, хотя она со времени их встречи изменилась — пополнела, стала как будто выше ростом, одним словом, перед ним была уже статная молодая женщина.

Захлопнув крышку погреба, Шолак придвинул на нее огромный и тяжелый сундук. К нему подошла Татьяна.

— Я обо всем знаю, — сказала она. — Вы пришли расправиться со всеми мужчинами, которые сидят сейчас в погребе. Но вы не должны этого делать, вы их освободите, Шолак.

— Хорошо, но кто освободит мою мать?

— Я, — уверенно ответила Татьяна.

...И на этот раз Татьяна и Шолак расстались друзьями. Выпущенный из погреба Троицкий распорядился освободить арестованных. Шолак исчез. Через час на пароконном тарантасе приехали домой Калампыр, Галия и Тилеу.

На другой день Троицкий прислал Шолаку паспорт, письменное заверение, что его никто не будет беспокоить, и просьбу о том, чтобы он оставил Акмолинск.

Шолак уехал. Кроме жены и матери, никто не знал, куда он направился.

пели только по одному или в крайнем случае вдвоем. Шолак, полюбивший за время своих скитаний хоровые русские песни, научил казахов петь хором. Молодежь с восторгом принимала все нововведения Шолака. Прежде пели только в юртах, а теперь во время перекочевки пели, сидя в седле, всем аулом, и казалось, что это поет вся необъятная степь.

Раньше на смычковых струнных и духовых народных инструментах — кобызе, домбре и сибизги — играли поочередно. Шолак объединил их, добавил гармонь, и впервые у казахов зазвучали народные национальные оркестры.

Хорошие новости облетают степь быстро, и степь с радостью воспринимала их.

XXIX. СХВАТКА С ТИГРОМ

Когда Шолак собирался покидать аул, аксакалы неизменно уговаривали его остаться:

— Не все ли равно, где тебе жить, среди уйсунов или среди нас. Наши предки говорили, что искусство мастера и красноречие оратора принадлежат всем. Оставайся здесь, мы всегда скроем тебя от царских преследователей. Мы поставим тебе хорошую юрту, дадим коней, баранов, все, чего ты пожелаешь.

Но если так приглашал Балуан-Шолака простой народ, то волостные управители были настроены иначе. Они доносили: «К нам прибыл известный смутьян Балуан-Шолак. Местное население целиком находится под его влиянием. Ждем указаний».

Но власти знали, что за Шолака стеной поднимется народ, и потому боялись его трогать.

Так, останавливаясь то в одном ауле, то в другом, Шолак пересекал бескрайнюю степь Сары-Арка. И если на коне можно проехать от Акмолинска до Верного в течение месяца, то Шолак пересекал Сары-Арку в течение шести лет, пока не оказался на западном побережье Балхаша, среди уйсунов. Его сопровождали известный акын Шашубай Кошкарбаев и пять джигитов. Дальше, до реки Чу, путь был наиболее

трудным: шли по знойной, засушливой степи, где только изредка попадались глубокие колодцы. Путники запаслись мясом, бурдюками. В колодцах бурдюки пополнялись свежей водой, в этой воде растворяли сухой курт, и получался приятный, утоляющий жажду напиток. Шашубай, хорошо знавший эти места, был проводником.

Поймы реки Чу достигли без всяких приключений и остановились на ночлег. Здесь были необозримые камышовые заросли, много саксаула, всякой дичи. Искусный стрелок Шашубай к вечеру подстрелил сайгака. Его изжарили на костре.

Шашубай начал рассказывать, что в зарослях водятся тигры и что были случаи, когда они нападали на людей. Решили всю ночь поддерживать костер, чтобы отпугивать хищников, а лошадей спутать, охранять и далеко от костра не отпускать. Шолак, знавший нрав своего Акбоза, пустил его пастись без пут. Обложив себя конскими потниками (змеи боятся конского пота), путники легли спать. У костра остался один дежурный.

Ночь была темная, в густых зарослях все время слышались крики диких животных, рычание.

Шолак долго не мог уснуть, вспоминая родные места, подходил к Акбозу, который тоже, казалось, грустил по родным просторам. Шолак тихо запел песню Махамбета:

Кулик! ай птица, кулик!
Тебя с гнездовья согнал
Орел, что грозен и дик.
Меня с зимовья согнал
Джангир, средь ханов мясник.
Смятеньем мой дух объят:
Могу ль отдалить закат?
Тосклив Махамбетов крик...

Потрепав ласково Акбоза, Шолак вернулся к костру. Дежурный спал. Шолак подбросил саксаула в костер и лег на кошму.

Он уже засыпал, когда услышал тревожное, испуганное ржание лошади. «Что-то случилось с Акбо-

зом!» — мелькнуло в голове Шолака, и он, вскочив, бросился на зов коня.

Акбоз с хрипением и ржанием пытался освободиться от огромного хищника, сидевшего на его спине. Зверь старался добраться до горла Акбоза. Толстый хвост его свисал почти до земли.

Шолак подбежал, с силой дернул зверя за хвост. Тигр отлетел в сторону. И только тут, заметив человека, он хищно оскалился и прыгнул на Шолака. Шолак крепко сжал могучие пальцы на глотке тигра, и тот захрипел, высунув язык. Тигр извивался сильным телом, бил и царапал человека острыми как бритва когтями. Боль была невыносима, было мгновение, когда Шолак чуть не разжал пальцы. Но тогда гибель была бы неминуема. Собрав всю волю, он еще крепче сжал глотку хищника, и тот растянулся без движения. Шолак пнул зверя ногой, тигр уже не шевелился. Шолак попытался разжать пальцы и не смог — они окостенели от долгого напряжения.

Занялось утро. «Да где же мои спутники?» — подумал Шолак и крикнул:

— Эй, джигиты, на помощь!

Когда он нуждался в помощи, то совсем забывал подать голос, некогда было в жаркой схватке. Друзья прибежали на зов и оторопели — Шолак держал за глотку мертвого тигра, а рядом с распоротым животом издыхал Акбоз. Много лет носил он на себе хозяина, много приключений видели его умные глаза, и вот наконец в чужой стороне верного коня настигла нелепая смерть...

— Что случилось? — вскочил Шашубай.

— Ничего особенного, — усмехнулся Шолак, едва разжимая окостеневшие пальцы. — Еще одну скотину усмирил.

Плечи и грудь Шолака были изодраны когтями хищника. Друзья перенесли тигра к костру, быстро сняли с него шкуру и, раздев Шолака догола, обмотали шкурой его тело. По народному поверью, свежая шкура хищника излечивает раны.

XXX. НА СКЛОНАХ АЛА-ТАУ

Смолоду каждый может попасть в беду.
Если не скрылся, долго ль предать суду?
Ах, Джетысу, многоплодный пышный сад,
Здесь разреши погостить! — скоро уйду.

Песня Балуан-Шолака

У арабов есть такая сказка. У пророка Магомета был зять, храбрый полководец, богатырской силы человек по имени Азрет Али. Однажды он прослышал, что в соседнем государстве славится своей силой молодая девушка по имени Дарига. Али поехал туда, чтобы померяться силой с этой легендарной девушкой. Они боролись долго. С большим трудом победил Али, после чего Дарига вышла замуж за своего победителя. Вскоре Али уехал на родину, оставив беременную Даригу у своих родителей. У нее родился сын, которого назвали Мади. Рос он быстро. За сорок дней вырос ростом в сорок вершков, а на сорок первый день пошел разыскивать своего отца Азрет Али. Шел он много дней и ночей и однажды увидел толпу, которая окружила борющихся джигитов. Все они были сильные и рослые юноши. Руководил состязаниями могучего сложения пожилой человек. Мади тоже начал бороться и уложил на лопатки всех джигитов. Тогда на неизвестного пришельца разозлился руководитель состязаний и вызвал его на поединок. Мади согласился, схватил противника и с восклицанием: «Благослови меня, отец Азрет Али» — так нажал на своего противника, что у того сразу согнулись колени. Услышав восклицание юноши, пожилой человек узнал в нем своего сына и тут же признался, что он его отец, Азрет Али. Растерявшийся Мади бросился убегать. Отец погнался за ним. Обескураженный юноша стал просить землю: «Земля, скрой меня от позора, я выступил против родного отца, я не могу смотреть ему в глаза...» Земля разверзлась и поглотила юного Мади...

Согласно этой сказке, Мади ушел от людей не навсегда. Когда будет конец света, когда выйдет страшный Тажал, чтобы пожирать людей, тогда из-под

земли появится могучий Мади и спасет человечество от беды...

Когда Шолак появился в Семиречье, среди уйсунов пошел слух:

— Великий Мади вышел из подземелья и идет к нам на помощь...

— Он неимоверный силач. Верблюда может унести на одном плече, как ягненка...

— Неужели уже наступил конец проклятой жизни? Надо спросить у муллы, что написано в коране. А была ль у Мади одна рука короче другой?

— Мулла сказал, что, по некоторым сведениям, у Мади одна рука была короче другой...

— Ой, бой...

Однажды в юрте известного в горах Ала-Тау бая Кали Ордабаева сидели аксакалы и пили кумыс. Неожиданно кто-то подъехал к юрте и, не слезая с коня, попросил хозяина выйти навстречу.

— Слезай с коня и входи в юрту. Некому встречать тебя. Если не хочешь войти, можешь ехать дальше, — строго ответил Кали.

В юрту вошли несколько джигитов, одетых не по-здешнему. Один из них был высокого роста, статный, с черными как смоль усами и остроконечной бородкой.

— Садитесь, если вошли, — недружелюбно продолжал Кали.

Кали сидел по правую сторону от входа, а его гости расположились поодаль. Никто не осмеливался садиться с ним рядом.

Пришельцы расположились вблизи на запретном месте, а самый высокий джигит сел рядом с Кали. Хозяин остался недоволен своеволием гостей, но внешне ничем этого не показывал.

— Доброго пути вам, гости, — заговорил по обычаю Кали.

— Спасибо, да сбудется ваше пожелание.

— Я что-то не припоминаю, знакомы ли с вами?

— Мы попросили вас выйти из юрты, чтобы по старинному обычаю приветствовать друг друга у входа.

Вы отказались от этого, теперь мы будем знакомиться здесь.

— Пусть будет по-вашему, — сказал Кали и велел подать шубата — верблюжьего молока.

Незнакомец, усевшийся рядом с Кали, выпивал шубат одним духом, пиалу за пиалой. Потом он прилег на бок, опершись на локоть. Этот жест показался Кали непочтительным.

— Дорогой мой гость, — ироническим тоном начал Кали. — Свое происхождение скрывают рыбы или хитрецы. К кому же из них ты относишься, мы, наверно, узнаем в дальнейшем. Возможно, ты из важного рода, знатный человек. Возможно, у тебя есть сила, потому что с виду ты здоровый мужчина.

— Верблюд тоже здоровый, однако по его имени не назвали ни один год[1], — ответил незнакомец.

«Дерзко отвечает хозяину», — решил Кали.

Надо сказать, что в молодости Кали обладал незаурядной силой, часто боролся и выходил победителем. С годами он растолстел и стал показывать силу только в своем доме — развлекался с гостями. Иногда возьмет гостя, сидящего справа, и одной рукой пересадит его на другую сторону. Вот почему все садились от него подальше.

— Я хочу предложить вам одно интересное развлечение, — сказал Кали, — гости не будут против?

— Нет, но сперва скажите, что это за развлечение?

— Человека, сидящего справа, поднимаю и пересаживаю налево.

— О, хорошо, я готов! — согласился незнакомец.

Тогда Кали сунул свою толстую руку под правое колено незнакомца и хотел подтянуть его к себе поближе. Этот номер всегда удавался Кали без особого труда. Но этот пришелец даже не сдвинулся с места. Кали покраснел от напряжения, вспотел, начал задыхаться и, наконец, отпустил гостя.

— Уф! Ты, кажется, сделан из железа? Я могу

---

[1] У мусульман годы называются по имени животного. Года верблюда нет.

необученную лошадь удержать за хвост, а тебя даже с места не сдвинул.

— А можно мне проделать ваш номер? — спросил незнакомец.

— Можно, только не надорвись. Я езжу на одногорбом верблюде, потому что нет лошади, которая меня смогла бы поднять.

— Ну, если не смогу, то никто не обидится, это ведь развлечение.

Незнакомец поднял грузного Кали на руки, прижал его, как мальчонку, отчего Кали взмолился: «Ой, пусти скорее, животу больно».

Отдышавшись, Кали приказал немедленно зарезать барана в честь прибывших.

— Человек этот не простой, — сказал Кали многозначительно, — о нем мы еще услышим.

В это время в юрту вошли несколько казахов, и один из них, среднего роста, розовощекий, с домброй в руках, спросил:

— Кто из вас Балуан-Шолак? Нам сказали, что он прибыл в наши края.

Сидевшие в юрте переглянулись. Взгляды всех остановились на рослом незнакомце.

— Да, я — Балуан-Шолак, — ответил он и спросил, как зовут вошедшего.

— Меня зовут Сарыбас, сын Динсултана.

— Я слышал о тебе, — Шолак поднялся навстречу. — Давай обнимемся и будем друзьями.

Они обнялись, и обрадованный Сарыбас начал рассказывать, как уже несколько дней они едут по следам Шолака и не могут догнать его.

— Мы дулаты, представители семиреченских уйсунов, — объяснил Сарыбас.

— Я давно мечтаю о встрече с вами, — ответил Шолак.

Началась беседа. Весть о прибытии легендарного Балуан-Шолака мгновенно разнеслась по округе, и вскоре вокруг юрты Кали собралась толпа. Любопытные продырявили белую кошму юрты и по очереди заглядывали в дырки на Шолака. Глаза их сверкали, как звезды.

— Прочь отсюда, что за гнусный народ! — рассвирепел Кали, увидев, что пропала лучшая его юрта.

Но люди не уходили, стремясь любой ценой посмотреть на легендарного батыра.

Шолака попросили спеть — ведь он прибыл из Кокчетавской степи, родины казахских песен. Семиреченцы давно мечтали услышать Шолака.

Шолак взял домбру и запел.

Дни, проходя, полную гложут луну.
Джут истощает кожаную мошну.
Муж одряхлеет, трех врагов обретя:
Дрянь коня, заваль топор, злую жену.

Пел Шолак долго и в песне рассказывал о своем пути, о своей судьбе и о том, зачем он приехал в Семиречье. Слушатели то плакали, то смеялись.

Так началось пребывание Балуан-Шолака среди уйсунов.

Не один год провел Балуан-Шолак в Семиречье. Старики не раз уговаривали его остаться здесь навсегда, обещали поставить хорошую юрту, дать коней, найти красивую невесту, чтобы знаменитый потомок уйсунов жил среди своих. Особенно уговаривали Шолака остаться местные акыны. Они многому научились у Шолака. Он привез в здешние места через Сары-Арку и Голодную степь чудесные казахские мелодии.

Более десяти лет жил Шолак в Семиречье, переезжая из одного аула в другой. Каждый день думал он о возвращении в Кокчетав, но не в силах был отказаться от новых и новых приглашений семиреченцев, которые спешили за ним по пятам. И едва он поднимался с кошмы в одном ауле, как гонцы из соседнего аула уже упрашивали его приехать к ним в гости.

Во время этих поездок Шолак обратил внимание, что уйсуны живут иначе, чем казахи в его краях. У них сохранялось много старинных обычаев, позабытых на севере. Семиреченцы не умели строить домов и зиму проводили в землянках, вырытых на склонах гор. Маленькие оконца они затягивали ба-

раньим желудком. И одежду они носили старинную — длинную, с широкими полами, неудобную. Кроме того, в отличие от кокчетавских казахов семиреченцы были хорошими земледельцами. Они выращивали самые разнообразные фрукты, каких не встретишь в Кокчетаве. Однако Шолаку не нравилось, что зелень была только на склонах гор да на неширокой полосе предгорий. А чуть подальше начиналась безжизненная степь, выгорающая под первыми лучами летнего солнца. Его родные степи всегда буйно зеленели.

Тоска по родным местам все больше и больше овладела Шолаком. Настал день, когда он начал просить знатных уйсунов отпустить его на родину.

— Если сердце твое не прижилось здесь, поезжай, мы не будем тебя неволить, — ответили аксакалы. — Но помни всегда, что мы приютим тебя в любое время, защитим от злого врага, от любого преследователя...

Проезжая аулы на обратном пути, Шолак всюду исполнял свою прощальную песню, в которой благодарил гостеприимные Ала-Тау и желал счастья роду уйсун.

XXXI. ЗНАКОМСТВО С МОЛОДЫМ КЕНЕНОМ

Прежде чем окончательно выехать за пределы Семиречья, Шолак прощался со своими спутниками. Они хотели сопровождать его до самого Кокчетава, но Шолак отказался. Если он приедет в родные места с прежним шиком, то уездное начальство, местные враги опять начнут преследовать его.

— Я хочу вернуться на родину тихо и мирно, не возбуждая ничьей зависти.

— Но власти все равно узнают о твоем возвращении и будут продолжать преследование. Не лучше ли с почетом, как и подобает прославленному герою, прибыть в родные края? — говорили джигиты.

— Нет, друзья, поэт Газиз говорил, что человек, которому перевалит за пятьдесят пять, теряет юношеское проворство. А мне уже перевалило за пятьдесят пять, хватит буйствовать, поживу тихо и мирно. Приеду домой и стану жить, как самый заурядный человек. В огне погибают только слепые бабочки, а я человек.

Прощаясь с товарищами, Шолак снял с себя одежду (все годы пребывания в Семиречье он носил дорогую и красивую одежду) и роздал ее своим товарищам. Оставил он и своего коня в роскошной сбруе, а сам сел на обыкновенную лошадку. Возвращался он по другим аулам, где его не могли узнать, выдавал себя за одинокого бедного путника, который ездил в далекие края к родственникам. Его не узнавали.

Однажды он остановился в ауле, в урочище Топор. Здесь жили сары-уйсуны. Шолак попал на свадебный той, а после тоя вместе с одной группой гостей поехал в ближайший аул переночевать. Случайно Шолак оказался вместе с незнакомым ему стариком, которого все называли Кобеке и всячески стремились показать свое большое к нему уважение. Кобеке (полное его имя Кобекбай) принадлежал к дулатам, был мудрым, много повидавшим на своем веку старцем и славился, кроме того, еще и как предсказатель.

И вот к этому старцу обратился Шолак с просьбой:

— Если вы разрешите нам пригласить в гости Кенена, то всю ночь мы проведем в веселье.

Старец разрешил. Тотчас по[illegible]и нескольких верховых джигитов разыскивать Кенена.

Знавший Кенена джигит начал перечислять его родословную:

— Он из жанысов. Живет в местности Мати-Булак. Отец его Азербай был бедняком, умер рано, и мальчик остался сиротой, пас баранов у богатых сородичей. Кенен красивый джигит, высокого роста, обладает сильным голосом. Он сочиняет песни, но не очень удачно, а вот поет исключительно хорошо! Он старается подражать Шолаку.

— Как, разве он встречался с Шолаком?

— Несколько лет тому назад Шолак проезжал из Сары-Арки в Семиречье. Однажды в горах Долонкара в ауле он услышал песню пастуха. Шолак попросил своих спутников разыскать юного соловья. Вскоре привели подростка лет пятнадцати, и он снова спел свою песню. В песне мальчишка пастух изливал свое горе воробью. Юный певец так понравился Шолаку, что он хотел забрать его с собой, но жители аула не отпустили. В тот день Шолак остановился у местного бая Ногайбая. Как водится, он много пел, слушатели восхваляли его. Тогда Шолак сказал, что у них есть свой певец, который Шолаку понравился. Неизвестного мальчишку пригласили к Ногайбаю, он спел, и с тех пор пошла о нем по степи слава. Шолак благословил Кенена и потом говорил, что у мальчишки голос гораздо сильнее и красивее, чем у него самого. Шолак открыл Кенена.

В первую встречу Балуан-Шолак обнял юного Кенена и сказал собравшимся дулатам, что они должны гордиться своим сыном, это не юноша, а настоящий соловей. Шолак попросил его спеть Бозторгай, песни о жаворонке. Кенен спел, и не было среди присутствующих ни одного человека, который бы не загрустил. А потом Кенен спел «Кошколак», и не было человека, который бы не рассмеялся...

Рассказ джигита был прерван песней, которую исполнял хор сильных мужских голосов.

— Это едет Кенен с товарищами! — сразу заговорили вокруг.

Народ высыпал из юрт, вокруг собралась толпа пеших и конных. Казалось, вся степь пришла на голос Кенена.

Рядом с аулом возвышался небольшой холм. Кенена усадили на его вершину, а слушатели расселись по склонам. Неподалеку от вершины потихоньку сел никем не узнанный Шолак. Взволнованный вид юноши напомнил Шолаку его молодые годы. Юноша был высокий и хрупкий. Шолак, волнуясь, ждал, будет ли юный певец исполнять его песни. Сейчас он волновался за него больше, чем за себя.

Все акыны в Семиречье, по местному обычаю, сначала приветствуют слушателей под домбру. Кенен с этого и начал. А затем запел. Это был уже не голос мальчика пастуха, это мелодично пел могучий голос взрослого джигита.

«Какой голос!» — восхищался про себя Шолак, жалея, что не может вслух высказать своего восторга. Кенен пел не только песни Семиречья, он знал много песен Сары-Арки.

— Просим песню Балуан-Шолака! — раздался чей-то голос, и его сразу подхватили десятки голосов: — Просим песни Шолака!..

— Какого Шолака? — недоумевали некоторые.

— Да ты что, глухой, не слышал о Шолаке? Из юрты годами не выходишь, что ли?!

— Дорогие слушатели, — громко обратился ко всем Кенен, — вам должно быть известно, что знаменитые певцы, акыны сочиняют слова и мелодии в соответствии со своим характером. У Балуан-Шолака буйный характер. Его песни так же резки и порывисты. А я человек с мягким характером и тихим нравом. Я смогу петь только слова Шолака, но не смогу передать его характерного исполнения. Среди вас есть, наверно, люди, которые слышали самого Шолака, и они поймут, что мое исполнение только внешне напоминает его. Я знаю двенадцать песен Балуан-Шолака...

И Кенен, настроив домбру, начал петь. С большим волнением слушал Шолак свои слова из уст знаменитого молодого певца. Сначала Кенен исполнил те песни, которые Шолак сочинил в молодости: «Ингейкок»[1], «Динкильдек»[2], «Сегиз келин»[3]. Исполнял он их мастерски, с тем молодым задором в голосе, на который уже сам Шолак был не способен. Он пел от имени Шолака о том, что с малых лет народ дал ему прозвище Балуана, что радостей жизни он никогда не отвергал, но и горестей выпало на его долю не-

---

[1] Ингейкок — Изумрудный конь.
[2] Динкильдек — Мелодия.
[3] Сегиз келин — Восемь снох.

мало... Он пел о родине Балуан-Шолака, о восьмидесяти кокчетавских озерах.

В Семиречье, тоскуя по Галии, Шолак сочинил песню о белолицей девушке — «Сурша кыз». Когда Кенен начал ее исполнять, у Шолака на глаза навернулись слезы и он с такой болью вздохнул, что кто-то из сидящих рядом поинтересовался, не болеет ли незнакомец. С волнением слушали присутствующие песню Шолака о жизненном пути человека — «Откен омир».

Первый год ты завернут в пеленки,
Второй год ты еще не говоришь, а лепечешь,
В пять лет у тебя прутик вместо коня и улица вместо дома,
В десять лет ты козленком скачешь по краю обрыва,
В двадцать лет ты еще нежный тростник,
В тридцать лет ты резвишься, как заяц,
В сорок лет ты уже упитан, как добрый конь,
В пятьдесят к тебе приходит мудрость,
И жизнь твоя уже течет спокойною рекой,
В шестьдесят видны людям твои таланты,
Как светлый фонарь они светят вокруг тебя.
В семьдесят лет ты уже опираешься на палку
И держишься подальше от супружеской постели.
В восемьдесят скрипят твои кости,
А в девяносто ты уже не человек, а живой мертвец.
Эх, жизнь непостоянная, когда ты образумишься!..

Пение Кенена прерывалось восторженными восклицаниями. Шолак сидел потупясь, на глазах его не высыхали слезы. Ему хотелось встать, подойти сейчас к молодому певцу и обнять его. Но зачем привлекать всеобщее внимание, пусть он так и останется неизвестным путником, случайно оказавшимся на склоне этого холма!..

Шолак тихонько поднялся с места, спустился с холма и пошел к своей лошади, привязанной к кусту саксаула.

Он уезжал в темную ночную степь, а вслед ему неслась его песня, и сердце стареющего батыра переполнялось радостью и гордостью оттого, что жизнь прожита не напрасно и что в далеком Семиречье, куда ему больше не вернуться, есть надежный и талантливый его преемник Кенен — сын Азербая...

XXXII. СКИТАЛЕЦ

Слух о том, что Балуан-Шолак возвращается в родные места, опережал Шолака, как ни старался он проезжать по аулам неузнаваемым.

— Говорят, уйсуны приняли Шолака с великим почетом. Семиреченцы — богатый народ, скота у них видимо-невидимо. Шолаку поставили две юрты и нашли двух жен-красавиц. Сейчас у Шолака несметное количество скота, сорок доярок и сорок чабанов. Теперь наш батыр остепенился, стал давать наставления молодым, едет в родные места, чтобы забрать стариков своих и детей...

— Да, Шолак теперь богат, имеет много золота, выстроил себе деревянный дом...

— Ничего подобного, — говорили другие, — никакого богатства у Шолака нет и не было. Как только он прибыл в Семиречье, там его сразу арестовали и посадили в железную клетку...

— Совершенно верно! Его посадили в железную клетку, но друзья передали ему алмазный напильник. Шолак проделал дыру в стене и бежал. Сейчас едет в родной аул...

— Все это вранье! Еще по дороге в Семиречье у него сдох Акбоз. Он еле-еле добрался к уйсунам, нищий и оборванный. Никакого богатства у него нет, он постарел и влачит жалкое существование. Пешком идет в Кокчетав...

Слухи дошли до родного аула, где ждала Шолака Балхаш. Каламбыр и Баймырза уже умерли. Рассказывали, что мужественная мать, несмотря на то что настаивала на отъезде сына в Семиречье, не могла перенести разлуки и умерла от тоски по сыну. У Балхаш уже росли двое детей Шолака — дочь Батен и сын Таукен. Она жила в доме Толебая.

О возвращении Шолака услышала и Галия в Акмолинске. Было время, когда она всем сердцем желала разлуки с Шолаком, желала, потому что дальнейшее пребывание его в этих местах грозило тюрьмой и каторгой. После отъезда Шолака она долго не могла прийти в себя, днем и ночью не подни-

малась с кровати, похудела, осунулась. Ничто в жизни теперь не интересовало ее. Но постепенно она ожила, стала снова торговать кумысом, бывать на людях и все реже и реже вспоминала пропавшего на чужбине Шолака.

И вот он опять возвращается... Галия не знала, что делать... Сейчас она поняла, что ни на минуту не забывала Шолака и любовь к нему горит в ее сердце по-прежнему. Но как говорят в народе: «Батыры и волки находят себе пищу в пути». А вдруг Шолак возвращается не один, а с новой женой? Сможет ли с ней Галия ужиться? Ведь рассказывают же, что семиреченцы женили у себя Шолака. И даже не на одной жене, а на нескольких красавицах...

Она ждала Шолака и боялась этой встречи. Уездное начальство, прослышав о возвращении известного «разбойника», снова насторожилось, и Галия предчувствовала новые беды. Галия знала, что Шолак приедет к ней и снова начнутся несчастья. «Не лучше ли мне исчезнуть, скрыться от него?» — не раз задумывалась Галия.

Шолак приехал в Акмолинск неожиданно, никто не думал, что он может появиться так быстро. Однажды под вечер во дворе, где жила Галия, заскрипели ворота, проехал какой-то незнакомый всадник в простой одежде. Галия послала свою подручную, девчонку лет тринадцати, узнать, кто там, и сказать, что час поздний и ночевать они никого не пустят. Девчонка вышла во двор, но, увидев высокого роста бородатого человека, из уважения не смогла отказать ему.

— Здравствуй, детка, — поздоровался с ней мужчина. — В этом ли доме живет Галия, здесь ли Тилеу?

Девчонка так оробела, что не могла выговорить ни слова. Путник, видимо, был из дальних мест. Все здешние знали, что дедушка Тилеу давно умер.

Шолак прошел в комнату. Галия подметала пол и умышленно не обращала внимания на путника, давая понять, что на гостеприимство в такой поздний час он не может рассчитывать. Шолак остановился у двери и долго ничего не говорил, наблюдая за Галией.

«Он что, немой?» — подумала Галия и спросила вошедшего, зачем он стоит у порога.

— Я жду разрешения пройти в комнату, — изменившимся голосом сказал Шолак.

Галия, все еще не узнавая голоса, показала рукой, куда ему следует пройти.

— Галия! — позвал Шолак, не выдержав притворства, и пошел к ней навстречу с распростертыми объятиями...

Всю ночь они говорили о своей жизни, о своей любви. Да, им нельзя было оставаться вместе, под одной крышей в Акмолинске. Слишком много старых врагов помнили здесь Шолака. Они договорились до конца своих дней оставаться друзьями и только изредка встречаться. Шолак должен вернуться в свой аул и растить детей... Это был разговор влюбленных, но уже не молодых, пылких, а умудренных жизнью, успокоившихся, любящих тихо и трезво...

Наутро они расстались. О приезде Шолака в Акмолинске так никто и не узнал...

В родном ауле друзья устроили ему пышную встречу. Он благодарил за подношения и в первый же вечер сказал, что намерен теперь доживать свои дни в мире и спокойствии.

Так он и сделал. Один из его друзей подарил Шолаку сокола. Шолак приручил его и стал каждый день уезжать на охоту, проводя большую часть времени в одиночестве, среди родной природы. Шолак стал одиноким скитальцем.

XXXIII. ЗАГОВОР

Нового кокчетавского уездного начальника казахи прозвали Даукарой — Черным великаном. Он был огромного роста, с толстым брюхом, сутулый от жира, как верблюд. На круглом и плоском, как деревянная тарелка, лице поблескивали маленькие глазки, в которых никогда не было человеческой теплоты. Смеялся он словно ржал, и вообще весь облик его напоминал что-то животное.

Когда он выезжал в степь, далеко вперед летела молва. Казахи трепетали и боялись, как бы он не заехал именно в их аул. Всюду, где ни появлялся Даукара, надо было резать баранов и давать взятки. За любую маленькую провинность Даукара немилосердно сек людей. Он жестоко обращался не только с простыми людьми, но и с волостными управителями и старшинами. Не было во всем уезде ни одного волостного, который не побывал бы в кокчетавской тюрьме по воле Даукары.

Весной 1916 года Даукара срочно вызвал к себе всех волостных управителей. Никто не знал о причине такого спешного созыва. «Должно быть, получен новый указ от самого царя. О чем он? — в страхе предполагали волостные... — А может быть, Даукара опять хочет всех упечь в тюрьму?..»

Но Даукара оказал на сей раз неожиданно теплый прием. Он пригласил всех волостных к себе домой, радушно угощал их, расстелил на полу кошмы, приготовил бесбармак, кумыс лился рекой...

«С чего бы такая щедрость?» — недоумевали волостные и ждали. Кроме двадцати волостных из аулов здесь присутствовали старосты из русских сел и казачьи атаманы. После сытного угощения Даукара начал говорить:

— Тяжелое время переживает сейчас Россия. Вот уже два года как мы воюем с нашим кровавым врагом Германией. В этом трудном деле России должны помочь малые народы, в том числе и казахи. Если казахи помогут отечеству, то его императорское величество впредь будет еще благосклоннее относиться к казахам. Раньше степь помогала царю только скотом, теперь Николай Второй просит казахский народ оказать ему другую помощь. Он не призывает казахских джигитов воевать с немцем непосредственно, но он намерен привлечь казахов на тыловые работы. Вот для чего я пригласил вас. Надо подготовить людей в аулах, чтобы не было открытого и всеобщего возмущения. Как вы думаете, господа волостные управители?

Волостные единодушно заверили, что смогут завербовать казахов на тыловые работы. Но для того что-

бы не было волнений, надо обязательно в каждой волости избавиться от некоторых опасных людей, которые пользуются популярностью в народе и в случае чего могут возглавить народное восстание.

Даукара попросил волостных назвать ему всех опасных людей.

Первым поднялся управитель Котыркольской волости бай Сыздык Токсанбаев.

— Я считаю самым опасным человеком в степи Нурмагамбета Баймурзина по прозвищу Балуан-Шолак.

Даукара давно слышал о Шолаке и сразу же согласился, что это действительно весьма опасная личность, от которой надо непременно избавиться.

— Живым его не возьмешь, — заверил Сыздык.

— В таком случае надо найти удобный момент и покончить с ним.

Управители дали обещание ни слова не говорить о заговоре против Шолака, их общего врага, и разъехались.

А поздней ночью в доме уездного начальника остались трое — Сыздык, Егор Пропадко и Даукара.

— Если Шолака не убить до выхода указа о тыловых работах, казахи восстанут и сделают его своим руководителем. Без руководителя, без своего батыра, в которого они верят, казахи не пойдут против царя. Следовательно, надо вовремя убрать Шолака... Говорят, что сейчас он проводит время на соколиной охоте...

XXXIV. УБИЙСТВО

Шила в мешке не утаишь. Как ни старались волостные держать в тайне весть о предстоящей мобилизации на тыловые работы, она разошлась по степи еще до выхода царского указа. Начались волнения.

Друзья из соседних аулов пришли за советом к Шолаку.

— Тебе должно быть известно, — говорили они, — что волостные намерены отдавать в солдаты только сыновей бедняков. Кто за нас заступится?

Известие о новом притеснении казахов со стороны царя глубоко возмутило Шолака.

— Перед смертью козленок начинает брыкаться, — говорил Шолак товарищам — Нечего сидеть, сложа руки, бездействие нас не спасет. Если умирать, так героями! Только надо действовать обдуманно. За последние годы я объехал всю великую казахскую землю, побывал и в Большой, и в Средней Орде, — всюду недовольны царем. Если восставать, так всем сразу. Царь воюет с Германией два года, он измотал свои силы, и теперь пришла пора его уничтожить... Надо послать гонцов во все стороны и предупредить, что восстанем все вместе и объединимся в одно войско...

Вскоре поступили сведения, что к восстанию готовятся не только казахи, но и узбеки, киргизы, каракалпаки, туркмены... А потом и того лучше пошли слухи: не хотят царя русские рабочие, они устраивают забастовки и демонстрации.

Однажды Балуан-Шолак возвращался с охоты. Он был в хорошем настроении, охота была удачной. Конь его теперешний хоть и уступал Акбозу, но все же был одним из лучших коней в здешних местах. На руке Шолака, вцепившись когтями в кожаную рукавицу, сидел его знаменитый ловчий сокол Жылан-Сырт — Змеиная осанка.

В узком ущелье недалеко от дороги Шолак услышал неожиданный выстрел. Он попытался обернуться на выстрел — и не смог. По груди, под одеждой заструилось что-то теплое. Шолак сунул руку — кровь!

Раздался второй выстрел. У Шолака потемнело в глазах, он отпустил сокола и, качаясь, из последних сил ухватился за луку седла. Он не знал, кто так подло стрелял в него сзади, но обернуться уже не мог. В ущелье за камнями прятались двое — офицер, сын Егора Пропадко, и Сыздык Токсанбаев.

Они видели, что могучий Шолак, как и следовало ожидать, не упал от первой пули, не упал и от второй. Они хотели приблизиться к раненому герою и всадить третью пулю. Но вдали затарахтели брички, и убийцы трусливо скрылись в зарослях.

Шолак выехал на дорогу, из последних сил держась за гриву коня. Бричка остановилась, люди соскочили на землю, окружили раненого, который раскачивался в седле.

— Да это ведь Шолак! Что с ним случилось?

Шолак поднял помутневшие глаза, что-то хотел сказать, но не смог, изо рта хлынула кровь.

Его сняли с коня, уложили на повозку, увидели рану — пуля прошла навылет возле сердца.

— Шолак, кто стрелял?

Раненый только покачал головой — не знаю...

Кто-то разорвал на себе рубашку, перевязали грудь батыра и повезли в аул.

Шолака уложили в постель в родном ауле. Он попрежнему не мог вымолвить ни слова. Когда солнце стало скрываться за степью, Балуан-Шолак, народный герой, скончался...

Весть о его смерти молнией облетела степь. В аул Шолака отовсюду скакали люди проститься со своим любимцем. Родственники Шолака, еще не успевшие отомстить за смерть его, объявили, что герой скоропостижно умер. Но народ знал, что это было злодейское, подлое убийство. Над мертвым Шолаком клялись молодые джигиты жестоко отомстить врагу.

— Мы найдем убийцу! — говорили они. — Кровь Шолака смоем кровью его врагов!

Большая толпа хоронила Шолака. Вокруг свежей могилы сидели старцы и совершали молитву. Потом из круга поднялся неизвестный мужчина.

— Друзья, я прибыл из Тургайского уезда. Я кипчак, меня зовут Токтар.

— Издалека ты ехал, доброго тебе пути!..

— Ехал я повидаться с живым Шолаком, но попал на его похороны.

— Расскажи нам, какое дело было у тебя к Балуан-Шолаку.

— Все вы слышали, наверно, о славном батыре, моем земляке, Амангельды Иманове.

— Слышали, слышали!

— Недавно Амангельды получил письмо от Балуан-Шолака. В этом письме Шолак признает его

вождем казахского восстания и заверяет, что все казахи поднимутся на борьбу против царя. Только надо начинать восстание одновременно. Амангельды ответил Шолаку, вот его письмо, читайте!

«Всеми уважаемый сын Баймырзы Нурмагамбет, по прозванию Балуан-Шолак. С нижайшим поклоном к тебе сын Удербая, Амангельды Иманов. Письмо твое мне доставили. Все мы слышали о тебе много хорошего. Местные казахи очень недовольны указом царя о наборе наших джигитов на тыловые работы. Как и ты, я считаю необходимым подняться единовременно всем казахам против власти царя. Всем влиятельным людям казахской степи мы послали свои уведомления о восстании. Письмо тебе передаст доверенный человек. Таких гонцов мы послали во все роды. Наступило время действовать!

Амангельды Иманов.

16 июля 1916 года».

Как только было прочитано письмо Амангельды, из круга вышел другой незнакомый джигит и сказал, что у него тоже есть письмо от жителей Семиречья на имя Шолака.

— Читай!

«К востоку от Ала-Тау живут уйгуры, дунгане, на южных склонах живут киргизы, о чем тебе хорошо известно. А дальше живут узбеки, туркмены, каракалпаки. Все они готовятся к восстанию. Казахские племена: уйсуны, конраты и найманы — тверды в своем решении поднять восстание. Руководить восстанием в нашем крае будет известный тебе батыр Бекболат. Итак, мы начинаем! Начинайте и вы!»

Шолака похоронили под высокой и стройной сосной. В тишине похорон никто не заметил, как на вершину сосны сел любимый сокол погибшего — Жылан-Сырт.

И только когда все отошли от могилы, когда с шумом стали садиться на коней и отъезжать, слетел с вершины сосны спугнутый сокол. Люди заметили его:

— Смотрите, как взвился сокол Шолака!..

Тут же вспоминали, как часто во сне видел Шолак своего сокола, реющим над смелыми и отважными батырами.

Мятежный дух Балуан-Шолака, подобно гордому соколу, не знал смирения и покоя. Он укреплял веру человека в свои силы, окрылял его в борьбе за свободу и счастье.

Сокол поднимался все выше и выше.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Богатырь — по матери 7
II. Обида 13
III. Печаль вместо радости 19
IV. История с ловушкой 22
V. Батрак золотые руки 27
VI. Неожиданное происшествие 35
VII. Шолак 42
VIII. Схватка с Кароном 52
IX. Тревога 57
X. Акбоз 67
XI. Похищение невесты 73
XII. Герой — сын народа 79
XIII. Оплошность 84
XIV. Галия 89
XV. Пуля и богатыря свалит 97
XVI. В тюрьме 105
XVII. Злоумышленники 107
XVIII. На поруки. Суд 116
XIX. Заложница 120
XX. Грозное письмо 123
XXI. На вершине Кокче-Тау 128
XII. Испытание 134
XXIII Узнавай героя и в лохмотьях 140
XXIV. Снова тюрьма 146
XXV. Мендуана 149
XXVI. Снова с любимой 154

XXVII. Встреча с Татьяной 159
XXVIII. По аулам 163
XXIX. Схватка с тигром . . 165
XXX. На склонах Ала-Тау 168
XXXI. Знакомство с молодым Кененом . . . 173
XXXII. Скиталец 178
XXXIII. Заговор 180
XXXIV. Убийство 182

Муканов Сабит Муканович

БАЛУАН-ШОЛАК

М., «Советский писатель». 1962, 188 стр.

Редактор *Н. М. Андриевская*

Художник *В. П. Рассохин*
Худож. редактор *Е. И. Балашева*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректоры *Л. Н. Жиронкина* и *Ф. А. Рыскина*

Сдано в набор 16/VI 1962 г. Подписано в печать 19/X 1962 г. А 08590. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 5 7/8. (9,84). Уч.-изд. л. 9,12. Тираж 30 000 экз. Зак. № 1147. Цена 37 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3